

MENSUEL

CAHIERS PERIODIQUES

(46e cahier Octobre 1955).

ВОЗРОЖДЕНИЕ

«LA RENAISSANCE»

*Литературно-политическія
тетради*

ТЕТРАДЬ СОРОК ШЕСТАЯ

Октябрь 1955 года

Тріумфальная Арка в Парижѣ.

К статьѣ "Кровью запечатленное".

PARIS

73, av. des Champs-Élysées, (VIIIe)

Tél.: ELYsées 06-03

СО Д Е Р Ж А Н І Е

	Стр. 5
Кн. С. ОБОЛЕНСКИЙ. Кровью запечатлѣнное	5
В. СМОЛЕНСКИЙ. Любовь Тристана и Изольды	16
А. ВЕЛИЧКОВСКИЙ. Стихи	19
И. СУРГУЧЕВ. Горькій и дьявол	20
Н. ЕВРЕИНОВ. Шаги немезиды	26
Б. ВЫШЕСЛАВЦЕВ. Тайна дѣтства	51
Н. НОРДМАН. Как Россія помогла союзникам выиграть в 4 года первую міровую войну	62
Н. НАРОКОВ. Некультурный человек	71
В. УНКОВСКИЙ. В поѣздѣ Императрицы	87
А. РЕННИКОВ. Психологическіе этюды	101
Г. ТАНУТРОВ (ЖУК). Крушеніе поѣзда	109
П. ЕЛЬФИМОВ. "Творимыя легенды"	118
А. НАГЕЛЬ. Дѣла минувших дней	133
СРЕДИ КНИГ И ЖУРНАЛОВ. И. С.: "Литературный современ- ник". Н. Лидарцева: Н. Н. Евреинов. — "Исторія рус- скаго театра". В. Рудинскій: Идеализація опричнины. Н. Станкович: Наталія Ильина — "Изгнаніе норма- нов — очередная задача русской исторической науки". Н. В. С.: "Опальные повѣсти". В. Р.: Румынская литера- тура в цѣпях	139
ДѢЛА И ЛЮДИ: Конец Перона. На проигранных позиціях. Гар- цующій Хрущев. Противорѣчія внѣшней политики. Исчез- новеніе страха	151

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА ЖУРНАЛ

„Ч а с о в о й“

орган связи російскаго національнаго движенія
под редакціей В. В. Орѣхова.

Подписная плата во Франціи — из расчета 60 фр. за
номер, в розницѣ — 65 фр.

Генеральное представительство кн. маг. «Возрожденіе»
73, Av. des Champs-Élysées, Paris 8e.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

« LA RENAISSANCE »

*Литературно-политическія
тетради*

ТЕТРАДЬ СОРОК ШЕСТАЯ

Октябрь 1955 года

PARIS

73, av. des Champs-Élysées, (VIIIe)

Tél.: ELYsées 06-03.

*ВЕЛИЧІЕ И СВОБОДА РОССІИ
ДОСТОИНСТВО И ПРАВА ЧЕЛОВѢКА
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И РОСТ КУЛЬТУРЫ*

ВОЗРОЖДЕНІЕ

НЕЗАВИСИМЫЙ ОРГАН НАЦІОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ

ОСНОВАН 3 ІЮНЯ 1925 ГОДА В ВИДѢ ЕЖЕДНЕВНОЙ ГАЗЕТЫ, С 1936 Г. ПРЕОБРАЗОВАН В ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ГАЗЕТУ. 7 ІЮНЯ 1940 Г., НАКАНУНѢ ВСТУПЛЕНІЯ В ПАРИЖ ГЕРМАНСКОЙ АРМІИ, ИЗДАНІЕ ВРЕМЕННО БЫЛО ПРЕКРАЩЕНО; С ЯНВАРЯ 1949 Г. И ДО ДЕКАБРЯ 1954 ГОДА «ВОЗРОЖДЕНІЕ» ВЫХОДИЛО ШЕСТЬ РАЗ В ГОД, С ЯНВАРЯ 1955 ГОДА ВЫХОДИТ ЕЖЕМѢСЯЧНО.

VOZROJDENIE

« LA RENAISSANCE »

CAHIERS LITTÉRAIRES ET POLITIQUES

CAHIER N° 46

Octobre 1955

PARIS

73. av. des Champs-Élysées, (VIIIe)

Tél.: ELYsées 06-03

**Издательство просит адресовать письма и статьи
на имя Георгія Андреевича Мейера.**

***Статьи непринятія к напечатанію не возвращаются, и Редакція
не вступает в переписку по их поводу.***

Пріем в Редакцію: по вторникам и пятницам от 16 до 18 час.

КРОВЬЮ ЗАПЕЧАТЛѢННОЕ

(К будущему франко-русскихъ отношеній)

Среди французовъ, плывшихъ на “Баторіи” к берегамъ страны, именуемой нынѣ Совѣтскимъ Союзомъ, преувеличенно высокій процентъ составляли, несомнѣнно, люди, ѣхавшіе съ вполне уже опредѣленнымъ, предвзятымъ и никакимъ доводамъ не поддающимся — коммунизанствующимъ — мнѣніемъ. Никакого интереса они не представляютъ для будущаго, в особенности для будущаго франко-русскихъ отношеній, ибо эти коммунизанствующие интеллигенты, меньше, чѣмъ кто бы то ни было, способны что бы то ни было въ Россіи понять.

На причалахъ царственнаго города, нынѣ называемаго именемъ Ленина, французскихъ туристовъ встрѣчали представители нынѣшней власти, разсыпавшіеся въ любезностяхъ почти такъ же, какъ разсыпались передъ Риббентропомъ и сопровождавшими его нѣмецкими делегатами на московскомъ аэродромѣ въ августѣ 1939 года. Это тоже неинтересно.

Но было, несомнѣнно, и нѣчто интересное. Всѣ французскіе туристы, среди которыхъ, кромѣ коммунистовъ и ихъ духовныхъ попутчиковъ, было, однако, еще больше совершенно непредвзятыхъ и ничуть не большевизанствующихъ людей, вынесли совершенно ясное впечатлѣніе, что простые русскіе люди, начиная отъ рабочихъ на пристани, и дальше вездѣ, куда бы они ни ступали, оказывали имъ, по собственной своей доброй волѣ, пріемъ не только радушный, но даже восторженный, зачастую переходящій въ настоящую овацію, въ такой формѣ и при такой обстановкѣ, которыя однимъ только официальнымъ заказомъ нельзя объяснить.

Можно только удивляться, когда, въ нашей эмигрантской средѣ, это пытаются оспаривать. Что, собственно, намъ хотятъ доказать? Что совѣтская власть дѣйствительно привила русскому народу тупую ксенофобію и ненависть ко всему заграничному? Что русскія народныя массы дѣйствительно жаждутъ залить Европу новымъ “нашествіемъ гунновъ”? Или, что они, дѣйствительно, превратились въ автоматы, способные реагировать только по приказу Кремля? Но, вѣдь, задолго до плаванія “Баторіи”, задолго до нынѣшняго, очень еще относительнаго, приподнятія желѣзнаго занавѣса, мы знали изъ совершенно совпадающихъ показаній всѣхъ иностранцевъ, имѣвшихъ случай побывать въ Россіи, что никакой дѣйствительной “ненависти ко все-

му заграничному” в русском народѣ нѣтъ и что, напротив, стремление сблизиться человѣчески с иностранным гостем проявлялось украдкой при каждом представлявшемся случаѣ — в тѣ самыя, такія еще недавнія, времена, когда вся совѣтская пропаганда и весь совѣтскій полицейскій аппарат за это клеймили и это преслѣдовали.

Если теперь эти, прежде уже отмѣчавшіяся, народныя настроенія получили возможность проявиться открыто, если власть, зная об этих настроеніях, считает теперь необходимым прятать подальше агрессивную сущность коммунизма, то это — пока еще маленькая, но несомнѣнная, побѣда подлинной Россіи над коммунизмом. И не случайно эта потребность дружбы с другими народами проявилась с такой силой именно по отношенію к французам.

В концѣ 1939 года, в 40-м и в началѣ 41-го совѣтская печать надрывалась, прославляя германо-совѣтскую дружбу. Но сдѣлайте опыт: попробуйте в газетах того времени найти что бы то ни было похожее на отзыв **народных** русских симпатій к гитлеровской Германіи. Ничего не было. Ни малѣйших проявленій, хотя бы отдаленно похожих на пріем населеніем туристов с “Баторія”. Даже — наоборот. В мартѣ 1941 г. московскіе корреспонденты швейцарских газет отмѣчали, что подписаніе совѣто-югославскаго пакта о взаимопомощи вызвало в московской военной средѣ взрыв антигерманских настроеній, очевидным образом заставшій врасплох совѣтскую власть: для власти пакт с Югославіей — от котораго она почти сразу и отказалась постыдно — был только очередным ходом в длительном торгѣ с Германіей, с которой она ни в этот момент, ни в послѣдующіе мѣсяцы, вовсе не собиралась рвать.

Как до, так и послѣ мартовскаго “инцидента”, официальная совѣтская печать изо всѣх сил кадила нѣмцам, вплоть до кануна дня 22-го іюня. Но мартовскій “инцидент” показал, гдѣ были с самаго начала подлинныя симпатіи Россіи. Традиционно, онѣ были, конечно, на сторонѣ тѣсных германизмом славян и на сторонѣ Франціи, вновь, как в 1914 году, выступившей против германской агрессии.

Пакт Молотова с Риббентропом, противный законам исторіи Россіи, кончился, как извѣстно, тѣм, что море огня и крови залило половину европейской территоріи нашей страны. И, не предаваясь теперь никакими ненужным и вредным “фобіям”, нужно все же сказать, что послѣ всего, содѣяннаго нѣмцами в Россіи, чувство исторической солидарности нашей націи с Франціей должно было, естественным образом, укрѣпиться и возрасти. Его не могли упразднить истерики сталинской холодной войны, как не могли его упразднить декламации против “англо-французских имперіалистов” в начальный період второй міровой войны.

Не бред конца сталинской “эры” и не преступная игра с Гитлером в 1939 году опредѣляют неизмѣнную и теперь уже достаточно провѣренную историческую линію. С русской сто-

роны, ее опредѣляют здоровое чувство и жертвенность настоящих русских людей, по обѣ стороны “рокового рубежа”.

Через десять лѣт послѣ окончанія второй міровой войны, мы имѣем право повторить, что здѣсь, в зарубежьи, эта подлинная историческая линія была с честью представлена русскими эмигрантами, слѣдовавшими, среди всѣх перипетій мірового конфликта, живому чувству франко-русской солидарности. И на нас лежит прямой долг хранить память тѣх из них, кто скрѣпил эту солидарность своею кровью.

Фотографія, которую мы помѣщаем, символична. Сентябрь 1939 года, — дни, когда коммунистическая пропаганда на всѣ лады прославляла новоявленную германо-совѣтскую дружбу. В это самое время, в Парижѣ, группа русских офицеров французской арміи, готовящихся к отправкѣ на фронт, возлагала вѣнок на могилу Неизвѣстнаго Солдата. Прямо с площади Этуаль, сотрудники “Возрожденія” отвезли их в помѣщеніе редакціи, на Шанз-Элизе. Вот они, на импровизированном чествованіи, окружают тогдашняго редактора “Возрожденія”, Ю. Ф. Семенова, и будущаго редактора, И. И. Тхоржевскаго.

Сейчас никакого спора не может быть: исторически, Россію представлял в этот момент не “твердокаменный” совѣтскій министр иностранных дѣл, обмѣнивавшійся рукопожатіями с Риббентропом и организовывавшій совѣтскія поставки воюющей Германіи, — русскую судьбу и русскую честь представляли эти русскіе офицеры во французской формѣ, чествовавшіеся в редакціи “Возрожденія”.

Міровая война тогда только начиналась, начиналась “несуразно”: «*drôle de guerre*»! Потом, на полях битвы во Франціи, в “маки”, в застѣнках Гестапо и в концентраціонных лагерях, в Сѣверной Африкѣ, на островѣ Эльба и под Монте-Кассино, на улицах освобождавшагося Парижа, в Вогезах и на Рейнѣ, в составѣ регулярной французской арміи и Французских Внутренних Сил, вездѣ находились русскіе люди, отдававшіе всѣ свои силы общей борьбѣ. И многіе из них отдали жизнь.

Из любезно предоставленнаго нам обширнаго матеріала, тщательно собраннаго “Содружеством запасных Французской Арміи, призванных на основаніи статьи 3 закона 31 марта 1928 г.” (т. е. закона, предусматривавшаго воинскую повинность для проживающих во Франціи “безподданных”), мы можем, к сожалѣнію, привести только нѣкоторые из наиболѣе героических страниц. И нужно оговориться, что, несмотря на всю значительность уже проведенной “Содружеством” работы, еще без сомнѣнія остаются безвѣстными отдѣльные подвиги, совершенные русскими людьми, которых до сих пор не удалось охватить и учесть*).

3 іюня 1940 г. в районѣ Аббевилля французскій капитан

---

*) Всѣ матеріалы о русских эмигрантах «*morts pour la France*», просят направлять по адресу: *Amicale des réservistes de l'Armée Française*, 26, rue Debucourt, Paris XVIIe.

Перетт, в виду недостатка в англійских офицерах, рѣшил принять на себя командованіе англійскими пѣхотными частями, которые на слѣдующее утро должны были атаковать наступава-
шаго противника. Вечером к нему неожиданно явился незна-
комый ему лейтенант, заявившій, что, узнав о его рѣшеніи,
желает его сопровождать. Прикомандированный к штабу 152-й
Британской бригады, лейтенант Аитов, сын извѣстнаго русска-
го врача, окончившій во Франціи Политехническое училище и
Школу Политическихъ Наукъ, формально имѣл всѣ основанія
остаться в тот день при штабѣ в сравнительной безопасности.
Но сам рѣшил иначе.

Капитан Перетт пишет:

“Не могу перечислить всѣ подробности его великолѣпнаго
поведенія 3-го іюня и ту помощь, которую он, своим изуми-
тельным хладнокровіемъ и мужествомъ, оказалъ мнѣ 4-го числа,
когда мы, вступивъ в бой в 3 часа 30 мин. утра, продвинулись
от Боэнкура (под Безномъ) болѣе, чѣм на четыре километра
вглубь нѣмецкаго расположенія. В итогъ боя, временами пе-
реходившаго в штыковой, мы к 6-ти часамъ овладѣли назна-
ченной намъ непріятельской позиціей... Под адскимъ занавѣсомъ
огня вражеской артиллеріи и под обстрѣломъ нѣмецкой пѣхо-
ты, мы вдвоемъ все время увлекали впередъ шотландскія пѣхот-
ныя части. Не знаю даже, какъ мы оба в это время еще были
в живыхъ!

“Достигнувъ поставленной намъ цѣли, мы могли бы счесть
наше заданіе выполненнымъ, но тутъ намъ представился случай
притти на помощь другимъ частямъ, находившимся в трудномъ
положеніи на нашемъ правомъ флангѣ. Аитовъ мнѣ сказалъ “Мы
можемъ это сдѣлать и тогда будемъ героями; можемъ не сдѣлать
и тогда окажемся передъ нашей совѣстью... Какъ вамъ кажется?”

“Выбирать не приходилось, — продолжаетъ капитанъ Пе-
ретт. — Аитовъ былъ еще около меня, когда мы бѣгомъ прибли-
жались къ небольшому лѣсу. Мы были уже в нѣсколькихъ десят-
кахъ метровъ от опушки, когда я почувствовалъ страшный удар
в ноги и упалъ”.

Капитанъ Переттъ былъ подобранъ с тремя пулями в бедрахъ
и семью в одеждѣ. Лейтенантъ Аитовъ былъ убитъ.

9 іюня 1940 г., на Энѣ, 20 французскихъ солдатъ, во-главѣ
с лейтенантомъ, по собственному почину вновь заняли уже
оставленную позицію и стали прикрывать отступленіе главныхъ
силъ, отбивая наседавшихъ нѣмцевъ ружейнымъ и пулеметнымъ
огнемъ. В этой горсточкѣ героевъ, 8 человекъ изъ 20-ти полегли. И
среди павшихъ былъ безвѣстный рядовой Александръ Ножинъ, ро-
дившійся 24 іюня 1916 г. в гор. Николаевѣ (Херсонской гу-
берніи).

9 іюня 1940 г. пулеметный отрядъ лейтенанта Боровскаго
(в прошломъ — капитана Л.-Гв. Павловскаго полка) весь день
с успѣхомъ отбивалъ наступающихъ нѣмцевъ; недаромъ начальникъ
отряда в предыдущіе мѣсяцы во всѣхъ подробностяхъ изучалъ
свой пулеметъ и в то же время завоевалъ общее уваженіе и лю-
бовь своихъ подчиненныхъ. На разсвѣтъ 11-го прибѣжалъ запы-

хавшийся солдат связи и сообщил, что нужно отходить: другія части уже ушли, грозит окруженіе. Боровскій остался на позиціи впредь до полученія письменнаго приказа и только послѣ этого благополучно увел свой отряд.

Приказ о посмертном награжденіи военным крестом гла-

Редактор «Возрожденія» Ю. Ф. Семенов и И. И. Тхоржевскій
в кругу русских офицеров Французской Арміи.

сит, что 14-го іюня лейтенант Константин Боровскій был убит под гор. Сен-Мэнеульд, стараясь спасти пулемет из рук наступавшаго противника.

Битва во Франціи была проиграна, нѣмцы взяли Париж, Вишійское правительство заключило перемиріе. Но міровая борьба продолжалась.

Кадровый унтер-офицер французской арміи Владимір Пухляков (в прошлом — подпоручик російской службы) в кампаніи 1939-40 г. был отмѣчен приказом по арміи и награжден военным крестом. Попал в плѣн в районѣ Бэтюна, через восемь мѣсяцев был отпущен во Францію, по разстроенному состоянію здоровья. В Парижѣ встрѣтил однополчанина, вахмистра Гардэ, который его связал с военной организаціей Рэзистанса. Уже через нѣсколько недѣль группа, к которой он принадлежал, разгромлена, но Пухлякову удается спастись от ареста, он сохраняет связь, продолжает работать, в теченіе двух лѣт выполняет отвѣтственныя задания, производится в офицерскій чин. Проболѣвъ нѣсколько мѣсяцев, возвращается в Париж. В день именин его жены, 29 сентября, его арестовывает Гестапо.

Настоящим чудом сохранились письма, которыя приговоренный к смерти Пухляков писал и переправлял — тоже чудом — одному из товарищей по заключенію, в Германіи, в Вольфенбюттельской тюрьмѣ. Это — поразительное свидѣтельство духовной высоты и всепобѣждающей вѣры в Бога, которую Пухляков все время старается внушить своему, как видно невѣрующему, корреспонденту. В послѣднем посланіи к семьѣ, сохранившемся вмѣстѣ с этими письмами, Пухляков, среди прочаго, пишет:

“Все время думаю о вас и все время молюсь Богу, чтобы он вас хранил... 23 мая 1944 года меня приговорили к смерти за Францію. Судил, в Дюссельдорфѣ, берлинскій Народный Трибунал; но это для формы, я заранѣе был приговорен.

“Днем и ночью я скован. Моя единственная поддержка, моя единственная надежда — Бог.

“Молюсь все время и вѣра у меня большая. Бог никогда не оставляет своих несчастных и грѣшных дѣтей.

“Если Бог продлит мнѣ жизнь, буду отнынѣ всю жизнь Ему служить и буду жить только для вас. Если Он призовет меня к себѣ — да будет Его воля. Все, что Он дѣлает, — для нашего блага, но вас я прошу всегда жить с Ним, Его любить, не отходить от Него никогда, Ему служить. И вы будете Ему служить, оставаясь едины, любя друг друга и дѣлая добро вокруг вас.

“Если не вернусь, то прошу своих дорогих дѣвочек быть всегда христіанками и никогда не огорчать свою маму. Прошу их своею любовью помочь ей пережить это страшное испытаніе.

“Всѣ мы грѣшники и Один Бог судит нас всѣх. Если умру, то умру за Бога, за Францію и за вас”.

Младшій лейтенант Пухляков был обезглавлен в Вольфенбюттельѣ 9 февраля 1945 г. А одна из его дочерей, которым он так трогательно заповѣдал “быть всегда христіанками”, тоже

приняла участие в Рэзистансѣ и была заживо сожжена, в Дордони, нѣмецкой карательной экспедиціей.

Что первая во Франціи организація Рэзистанса была, сразу послѣ разгрома 1940 года, основана русскими и что тѣми же русскими — Вильде и Левицким — было придумано само название «Résistance» — факт общеизвѣстный, на котором нѣтъ надобности настаивать. Не будем также повторять, надо думать, общеизвѣстных, подробностей “дѣла Музея Человѣка”, трагического и блестящаго (“Они всѣ умерли героями”, по словам нѣмецкаго прокурора, присутствовавшаго при разстрѣлѣ).

Но хочется подчеркнуть, что при всѣх своих бросающихся в глаза различіях, оба — и Вильде, и Левицкій — были русскими вовсе не только по имени или по происхожденію.

Вильде, тревожный, мятущийся, агностик, “азартный игрок” (“Я всегда живу так, как если бы завтра должен был умереть”), жаждавшій чего-то вродѣ откровенія космической любви, ловившій ея отблеск в любви к своей женѣ, писавшій, что через жену и через ея семью он “узнал и полюбил Францію”; Левицкій, уравновѣшенный, просвѣтленный (по его предсмертному письму: “Я готов уже давно и совершенно спокоен, мнѣ кажется, что душа моя в мирѣ с Богом”), любящій Францію несомнѣнный русскій патріот и монархист, ратававшій до войны в одном из парижских младоросских “очагов”, — как мало они друг на друга похожи и до чего же все-таки ясно, что оба они — типичнѣйшіе русскіе люди, пожалуй, даже — типичнѣйшіе русскіе интеллигенты в самом лучшем значеніи этого слова.

Другая страница, не менѣе героическая:

“Младшій лейтенант Французских Внутренних Сил, основательница, главный секретарь О.С.М., участница сопротивления с 1940 г. Арестованная, вывезенная в Германію и разстрѣлянная в Берлинѣ, явила всѣм прекрасный примѣръ преданности Франціи и героизма в борьбѣ с гитлеризмом. — Подписи: Бидо, Мишелѣ”.

Это — приказ о посмертном награжденіи орденом Почетнаго Легіона, военным крестом с пальмами и медалью Рэзистанса княгини Вѣры Аполлоновны Оболенской.

И дальше:

“Этим приказом я хочу запечатлѣть мое восхищеніе перед услугами, оказанными Вѣрой Оболенской, которая, в качествѣ добровольца Объединенных Націй, отдала свою жизнь, дабы Европа снова могла стать свободной. — Подпись: Монтгомери”.

Если бы с княгиней В. А. у меня было кровное родство, я попросил бы кого-нибудь другого писать эту сводку. Но кровнаго родства у меня нѣтъ, поэтому могу вполнѣ “со стороны” постараться достойно говорить об этой изумительной русской женщинѣ и напомнить хоть нѣкоторыя черты ея образа и ея подвига.

Выдержка, хладнокровіе, находчивость, подкрѣпленная феноменальной памятью, сначала в напряженной подпольной работѣ, потом на допросах, неизсякаемая бодрость и остроуміе, поддерживавшія других в самыя трагическія минуты, и вмѣстѣ с этим — ясное, как день, сознаніе того, за что бороться и за что умирать:

“Нельзя, исповѣдая Христа и понимая сущность Его завѣтов — братство людей в Духѣ Святом, примириться с отбором людей по крови”.

“Я русская и всю свою жизнь жила во Франціи; не хочу измѣнять ни своей Родинѣ, ни странѣ, пріютившей меня”.

Это — в Гестапо, в отвѣтъ на старанія нѣмцев сбить ее с толку ссылками на то, что они же ведут “крестовый поход против коммунистов”. Она тут же им объяснила, что не уничтоженіе коммунизма их цѣль, а уничтоженіе Россіи.

И в отвѣтъ на “доводы” антисемитскаго порядка:

“Я — вѣрующая христіанка и поэтому не могу быть антисемиткой”.

Все принимая на себя, она выгораживала всѣх, кого выгородить было возможно, играла даже равнодушную жену — чтоб отвести подозрѣнія от мужа, в дѣйствительности тоже участвовавшего в Сопротивленіи.

И когда, в Берлинѣ, ее повели на смерть и она знала, что ее ведут на смерть, она, чтоб не огорчать товарищей по заключенію, нашла способ сообщить им, с бодрым лицом, что ее переводят в другую тюрьму.

Почти одновременно с княгиней Оболенской от руки Гестапо пал, в парижской тюрьмѣ Сантэ, схваченный при исполненіи боевого задания Рѣзистанса, двадцатилѣтній юноша Николай Мхитаріанц, только-что сдавшій — с блеском — “башо”. Вот его предсмертная записка семьѣ:

“Прежде чѣм умереть благодарю Господа. Буду там молиться за семью. Вы всѣ, любящіе меня, молитесь за меня. Мужайтесь и надѣйтесь”.

Павел Зиссерман только незадолго до войны окончил Лувенскій университет, жил в Бельгіи, иногда наѣзжал в Париж. Тут мы встрѣчались нѣсколько раз. Полный жизненных сил, всѣм интересующійся, хаотичный, но понимающій добровольную дисциплину, он готов был до потери сознанія спорить по пунктам о том, какой должна быть новая монархія в Россіи. При оккупации нѣмцы, в Бельгіи, посадили его в “конц” (судя по фамилии приняли его, кажется, сначала за еврея), потом выпустили. В 1942 году Зиссерман удрал во Францію, в “свободную зону”, оттуда — в Швейцарію. Из Швейцаріи начал стараться попасть обратно во Францію, но уже в “маки”. Наконец, попал. Говорят, что дрался “бѣшено”. 23 декабря 1943 г. был послан с отрядом устроить нѣмцам засаду и вмѣсто этого сам с отрядом оказалась в ловушкѣ — из-за горнаго обвала, внезапно отрѣзавшаго путь к отступленію. Приказав своим “Бѣгите!” Зиссерман с автоматом в руках один остался хоть

на нѣсколько мгновений задерживать нѣмцев. Был, конечно, убит.

В то время, как одни представители російской эмиграции боролись и умирали в оккупированной Франціи, другіе сражались и умирали под французскими знаменами вездѣ, гдѣ французскія знамена еще вѣяли свободно.

В 1-й дивизіи Свободной Франціи (ген. Монклара) знали, как “легендарнаго героя”. «un héros de légende», и любили, как исключительно заботливаго и чуткаго начальника, полк. Амилахвари, павшаго под Эль-Аламейном. А дальше — цѣлый список людей с русскими именами, погребенных под Бир-Хакеймом, в Тунисѣ, под Карфагеном, — о многих и неизвѣстно ничего, кромѣ имени.

Иван Георгіевич Земцев, в прошлом — вольноопредѣляющийся первой міровой войны, участник гражданской войны в рядах арміи Юденича, был в 1940 г., послѣ перемирія, демобилизован из Иностраннаго Легіона. Поселился в Сиріи — и там примкнул к войскам Свободной Франціи при первом же их появленіи. “Был у меня в легіонѣ лучшим командиром взвода, — пишет о нем его начальник полк. Вагнер, — умным, смѣлым, находчивым”. Дважды был представлен к Военному кресту и пал под Бир-Хакеймом.

В Сиріи же, 56-лѣтній русскій эмигрант Шуваев, спокойно жившій в Бейрутѣ в небольшом собственном домѣ, пошел добровольцем в войска Свободной Франціи. О нем уже цитированный полк. Вагнер пишет: “Был шофером грузовика, всегда прекрасно работавшим. Убит при отступленіи в Ливіи в сентябрѣ 1942 г.”.

В Италіи в составѣ французских войск оказался 55-лѣтній черкес Яньсаев. Перед наступленіем на “линію Густава” пришел приказ всѣх божилих отправить в тыл. По разсказу его командира роты, В. И. Алексинскаго, Яньсаев заявил:

“В Россіи нѣмцы и против них доблестно бьются всѣ русскіе. У нас в Россіи бьются до тѣх пор, пока держатся на ногах. Я держусь на ногах и поэтому прошу оставить меня в ротѣ”.

Опрашивавшій его капитан улыбнулся и удовлетворил его просьбу. Через три дня, в первом же бою, Яньсаев был убит.

Юрій Стецкевич (род. в Архангельскѣ в 1916 г.) за кампанію 1940 г. был отмѣчен приказом по полку. В 1943 г. оказался в составѣ ударнаго батальона в Тунисѣ, затѣм — на Корсикѣ. Приказ по корпусу от 12 декабря 1943 г.:

“Выдающийся унтер-офицер, исключительной храбрости. Получив свѣдѣнія, что непріятель заложил мину с часовым механизмом для взрыва ползатонувшаго парохода в порту Бастиа (Корсика), поднялся на этот пароход, разыскал часовой механизм, который с минуты на минуту должен был произвести взрыв, и обезвредил мину, чѣм спас пароход и самый порт от разрушеній”.

Через полгода — приказ по бригадѣ:

“Прапорщик Стецкевич, во время высадки на островѣ

Эльба 17 іюня 1944 г... приняв участіе в ликвидаціи одной из вражеских батарей, немедленно переправился на противоположный берег острова, гдѣ его отряд под его воздѣйствіем одним из первых достиг намѣченной цѣли, смѣтая всѣ препятствія”.

Через два мѣсяца, Стецкевич был смертельно ранен в живот при взятіи адмиралтейства в Тулонѣ.

Франція освобождалась. В Луарѣ, в послѣдних боях с отступавшими нѣмцами, пал сын русскаго врача, Алексѣй Чехов. В 1940 г. он был по состоянію здоровья освобожден от военной службы, что не помѣшало ему при оккупациі пойти в Резистанс и затѣм уйти в “маки”. Вызываясь всегда для самых опасных порученій, он быстро выдвинулся, был произведен в младшіе лейтенанты. По словам его подчиненных, они “обожали” этого спокойнаго, выдержаннаго и беззаветно храбраго человека. На мѣстѣ, гдѣ он пал, ему поставили памятник, а жители гор. Бріара, гдѣ он одно время жил со своими родителями, называли его именем улицы.

25 августа 1944 г. младшій лейтенант Карновскій вошел в Париж в составѣ дивизіи Леклера. В 1940 г. он с группой юнкеров героически дрался на Луаре, был взят в плѣн, бѣжал, пробрался в Африку, в 1943 г. дрался в Тунисѣ, в іюнь 1944 г. высадился с дивизіей Леклера в Нормандіи.

В Парижѣ, позвонив родным, он повел свой противотанковый отряд к Венсеннским казармам. На окраинѣ города ФФИ вели бой с нѣмецким танком. При появленіи отряда Карновскаго, нѣмцы (С.С.) выскочили из танка, ворвались в сосѣдній дом, разставили жильцов у окон и, стоя позади их, открыли огонь. Чтобы не стрѣлять во французских жильцов, Карновскій приказал выстрѣлить из орудія в воздух. Нѣмцы выкинули бѣлый флаг. Карновскій направился в дом, чтобы взять их в плѣн. На площадкѣ лѣстницы, эсэсовец выстрѣлил в него в упор и ранил смертельно.

На нѣсколько дней раньше, в уличных боях у Орлеанскаго вокзала в Парижѣ, пали муж и жена Доріомедовы. Приказом по дивизіи генерала Кенига, Галина Доріомедова была посмертно награждена Военным крестом, как одна из старѣйших и активнѣйших участниц Сопротивленія.

23 февраля 1944 г., отражая послѣдній нѣмецкій налет на Алжир, погиб старшій унтер-офицер авіаціи, участник всѣх кампаній войны, Николай Алексѣевич Юргенс, сын полковника Россійской Императорской арміи. “Летчик-истребитель, коего молодость, характер и предприимчивость предвѣщали блестящее будущее, — гласит о нем приказ по Воздушным Силам, подписанный генералом де-Голль. — Нарѣдкость расторопный, неутомимо энергичный, он служил всѣм своим товарищам образцом прямоты и храбрости. Имел 97 летных часов в 59-ти боевых заданіях”.

Кадровый лейтенант Николай Расловлев состоял при кавалерійском училищѣ в гор. Тарб, когда произошла высадка союзников в Сѣв. Африкѣ. Немедленно он связался с подполь-

ной боевой группой, принял участие в исключительно рискованном дѣлѣ — освобожденія французскаго офицера, арестованнаго Гестапо, — проявил при этом исключительную храбрость, обеспечившую успѣх, стал затѣм развѣивать неутомимую дѣятельность, поражающую его соратников. Один из них пишет о нем:

“Пѣшком, в автомобилѣ, на велосипедѣ, он сновал по дорогам, мимо нѣмецких постов, проникал в Тарб, чтобы подтягивать колеблющихся, хотя знал, что за ним слѣдят, реквизировал грузовики у коллаборантов, атаковывал нѣмецкія машины, гранатами, если не было патронов. Он все дѣлал! Чтобы собрать свѣдѣнія об Оссѣнском аэродромѣ, Николай, переквалифицировавшись рабочим, проработал два дня среди нѣмцев, лазил повсюду, дѣлал замѣтки и привез свѣдѣнія исключительной важности”. Послѣ освобожденія Франціи, уже опять в составѣ регулярной арміи, Расловлев бьется в Вогезах. В концѣ ноября он получает приказ о переводѣ в другую часть. Но как раз 29 ноября его прежняя часть должна штурмовать нѣмецкія позиціи на Друмонских горах. Расловлев рѣшает остаться на один день и находит смерть в этом бою. “Прямота и абсолютная моральная честность были его основными чертами, — пишет о нем тот же его соратник. Никогда он не согласился бы совершить несправедливость или такое дѣйствіе, которое не казалось бы ему вполне правым. Это давало ему такую душевную высоту, что он был в состояніи с полным спокойствіем идти под огонь”.

В заключеніе — вот что французскій офицер, не желающій публиковать свое имя, пишет о служившем под его начальством вольноопредѣляющемся 1939 года, в прошлом — офицерѣ Россійской Императорской арміи, В. Рудометовѣ, геройски павшем в самом началѣ войны:

“Служа под знаменами своего пріемнаго отечества, он продолжал служить и своему первому отечеству, которым была полна душа его, и ради любви к нему он умер за Францію. Режимы преходят, отечества остаются, они переживают даже самые дурные режимы. И отечество, у котораго есть такіе люди, не может умереть”.

Воистину.

Кн. С. Оболенскій.

ЛЮБОВЬ ТРИСТАНА И ИЗОЛЬДЫ

(Продолженіе. Начало смотреть в № 43-м “Возрожденія”).

IV.

ЛЮБОВНОЕ ЗЕЛЬЕ

День отплытья Изольды в страну Корнуаля уже приближался. Мать Изольды сварила цвѣты, и корни, и разные травы, И, смѣшав их со старым вином, получила любовный напиток. Нашептавъ заклинанья над ним, налила его в винную флягу. Позвала Бранжіану и так ей сурово сказала:
“Ты поѣдешь с Изольдой в страну Корнуальскую Марка, Ты любишь Изольду и вѣрно ей служишь, возьми эту флягу И слова мои крѣпко запомни, — должна ты хранить это зелье Так, чтоб взоры ничьи не увидѣли, губы ничьи не коснулись Этой фляги волшебной, с напитком любовным. Когда же настанет Брачная ночь и супруги возлягут на брачное ложе, Это зелье ты в кубок вольешь и подашь им, чтоб выпили оба — Марк, король, и Изольда, его королева. Но знай, Бранжіана, Только они могут выпить его. Такова его сила, Что тѣ, кто осушат его, и душою и тѣлом, навѣки, Всѣми чувствами, мыслями, в жизни и в смерти, полюбят друг друга”.
На крестѣ Бранжіана клялась, что приказ королевы исполнит.

Корабль уносил, разсѣкая глубокія волны, Изольду. И чѣм дальше ее уносил он от родины милой, тѣм больше Горевала она, изнывала в тоскѣ и слезами Обливалась, свою вспоминая Ирландію. В сердцѣ Тристана Жалость к Изольдѣ была, и ее он пытался утѣшить. Но она прогоняла его, и тоска, как змѣя, в ея сердце Жало вонзала: — “жалѣетъ меня, он, убійца Маргольда, Мною хитро завладѣвъ, он отдал меня тотчас другому, И, вот, как дабычу свою, он везет меня к старому Марку! Бѣдная я!” — говорила Изольда, — “будь проклято море, По которому плыть я должна! Лучше б мнѣ умереть молодою, На родимой землѣ, чѣм до старости жить, средь врагов, на чужбинѣ!”

На зарѣ вѣтер стих, паруса неподвижно повисли на мачтах,
И причалить Тристан приказал к недалекому острову, чтобы
Вѣтра дожидаться. Всѣ вышли на берег и только Изольда,
С юной служанкой своей, на борту оставались. Случайно
К Изольдѣ Тристан подошел. Было жарко, полдненное солнце
Жгло и жаждой томило; и они попросили служанку
Дать им напиться. И дѣвочка, между вещей, увидала
Винную флягу, и крикнула им: “Я вино отыскала!”
Нѣтъ, не вино это было, а страсть, и томленье, и счастье
Горькое, и безконечная боль, и безумье, и тибель!

Дѣвочка, кубок наполнив, подносит его королевѣ.
И Изольда, большими глотками, отъ кубка того отпивает,
И Тристану дает, и Тристан осушает до дна этот кубок.
В это мгновенье вошла Бранжіана и видит:
Глядят друг на друга Тристан и Изольда, как будто друг друга
Увидали впервые. И флягу и кубок пустой увидала.
Флягу схватив, Бражіана за борт ее бросила, плача,
Вскричала: “Будь проклят рожденіе мое, и будь проклят
День, когда я на корабль сей проклятый вступила!
Изольда, подруга моя, и Тристан, вы отпили от смерти!”

В путь отправился снова корабль, и казалось Тристану,
Что в кровь его сердца корнями глубоко вонзился терновник,
И вѣтви его, что покрыты цвѣтами и иглами, крѣпко
Сплели его тѣло и всѣ его мысли, и всѣ его чувства,
С тѣлом прекрасным Изольды. И совѣсть терзала Тристана:
“Андрѣ, Генелон, Гондоин и Денеалан обвиняли
Меня, что позарился я на богатое Марка наслѣдство.
Но теперь, во сто крат я презрѣннѣй и ниже! Уже не на землю
Позарился я!.. Мой король, вы меня полюбили, не зная,
Что я сын вашей бѣдной сестры. Надо мною вы плакали горько,
Когда на руках вы сносили меня, на рыбацую барку
Без весел и паруса. Если б вы знали, вам было бы нужно
Тристана убить, чтоб не стал он предателем вашим.
Что я дѣлаю?! — Я ваш вассал, а Изольда супруга;
Я сын ваш, Изольда жена. Не должна, и не может вѣдь
Изольда меня полюбить!” — Но Изольда любила Тристана.
Хотѣла его ненавидѣть, но нѣжность мѣшала — та нѣжность,
Которая сердце больнѣй и сильнѣе, чѣм ненависть, ранит.

Бранжіана смотрѣла на них и сердце ея разрывалось.
Ибо знала она, что свершенное зло невозможно исправить.
Два дня и двѣ ночи за ними слѣдила она и видала,

Как они, отказавшись от пищи и сна, от всего отказавшись,
Искали повсюду друг друга. — Так ищут друг друга во мракѣ
Два слѣпца и, когда не находят, томятся в тоскѣ безысходной,
А найдя, еще больше несчастны, страшась рокового свиданья.

В третій день, когда солнце уже заходило, к шатру королевы
Тристан подошел и его увидала Изольда, и встала
Навстрѣчу ему и сказала с улыбкою кроткой: “Войдите,
Государь мой!” Тристан ей отвѣтил: “Зачѣм вы, моя королева,
Своим Государем назвали меня? — Я вассал ваш и данник,
Я служу вам и чту вас всегда, как мою королеву и Даму!”
А Изольда сказала: “Неправда! Ты знаешь, что ты мой любимый,
Мой Государь! — Вѣдь ты знаешь, что сила твоя побѣдила
Меня и я стала рабою твоей. Ах, зачѣм я когда-то
Гнойныя раны фигляра, отравою не растравила!
Почему не оставила я умират, на травѣ, у болота,
Убійцу Дракона! Зачѣм, когда в банѣ он был беззащитен,
Не опустила я поднятый меч! — Но, тогда я не знала —
Увы! — все, что знаю теперь!” — “Что ж теперь вы узнали, Изольда?
Что вас мучит? — “Меня, мучит все, что я знаю и вижу.
Все — и небо, и море, и тѣло мое, и дыханье!”
Руки свои положила Изольда на плечи Тристана,
И текли по щекам ея слезы, а губы дрожали.
А Тристан повторил еще раз: “Что же вас так терзает, Изольда?”
И Изольда сказала: “Тристан, я люблю вас!” — И губы Тристана
Губ дрожащих Изольды коснулись. И, вдруг, Бранжіана,
Что слѣдила повсюду за ними, вбѣжала в шатер и упала
К их ногам и вскричала в слезах: “О, несчастные, остановитесь
И вернитесь обратно! Но, нѣтъ, этот путь не имѣет возврата...
Любовь вас несет, роковая любовь, — больше счастья без боли
Знать не будете вы! Вы напитком любовным, таинственным зельем,
Одержимы навѣки. Его вы должны были выпить, Изольда,
С Марком, вашим супругом, но всѣх нас лукавый попутал,
И вы выпили кубок с Тристаном! Я плохо за вами слѣдила,
Преступленье ужасно мое. — Друг Тристан и подруга Изольда,
Вы выпили смерть и любовь из этого страшнаго кубка!”
И Тристан, улыбаясь, сказал: “Смерть, мы ждем, смерть, прійди!”
И Изольду
К сердцу прижал, и тѣла их дрожали от страсти и жизни.

А ночью, когда все быстрѣй, подгоняемый вѣтром попутным,
Плыл корабль к уже близкой землѣ, короля Корнуальскаго, Марка,
Соединенные в жизни и в смерти, Тристан и Изольда
Отдавались смертельной любви, в каждом кратком мгновеньи — на-
[вѣки.

Влад. Смоленскій.

***

Опять весна, опять начало марта.
Весенний вѣтер мягок и пахуч.
Бывало там, еще на школьной партѣ:
Как помню я! Косой горячій луч
В одиннадцать часов утра касался
Почти пустой чернильницы... потом
Рукав моей тужурки нагрѣвался
Живым, как счастье, мартовским теплом.
А во дворѣ — крик галок, радость, нѣга,
Звон бубенцов в сіяющем кругу.
В горячем солнцѣ — свѣжій запах снѣга
И запах солнца — в тающем снѣгу.

***

Заката высокій весенний пожар
На завитках облаков розовѣет.
И кровью моей наливаясь, комар,
Слетая с руки, безнаказанно реет
Прозрачным рубином в послѣдних лучах
И тонет в прохладных вѣтвях.

***

Окно одѣвает туманом
Дыханья живое тепло.
Когда же дыханья не станет,
Очистится сразу стекло.
И сразу — уже не случайно,
Не в смутном пророческом снѣ,
Откроется страшная тайна
Всего невидимаго мнѣ.

***

Часто слышу ночью, пресыпаясь,
Удаляющійся стук колес:
Это тот же поѣзд проѣзжает,
Что когда-то нас с тобою вез.
Трудно мнѣ в вагонном караванѣ
Не узнать того вагона стук,
Гдѣ еще, как на нѣмом экранѣ,
Наши тѣни ищут прежних рук.

А. Величковскій.

ГОРЬКІЙ И ДЬЯВОЛ

А. М. Ремизову.

— Избави мя от стрѣлы, летящая во дне; от вещи, в нощи преходящая; от сряща и бѣса полуденнаго...

— Природу вмѣстѣ создавали Дажь-Бог и грозный Чернобог.

На каком-то представленіи горьковского “Дна”, уже здѣсь, заграницей, я сидѣл рядом с покойным Зензиновым. Зензинов был социалистом-революционером и занимал в партіи генеральскіе посты. Эта храбрая партія, при Царѣ, поубивала сотни городскихъ, но при большевиках она явно поджала хвост и стала пайнкой. Генералы имѣли вид отставных, без мундира и пенсии.

Я искоса присматривался к Зензинову: простоватое мужицко-ярославское лицо, по-мужицки, с хитрецей в зрачкѣ, смотрит на сцену и явно не вѣрит, что в ведрѣ Василисы — кипятки, что ниточки — гнилыя и что в руках Луки — псалтирь.

Обыкновенно русскіе социалисты были невѣроятно чванливы: если вы не держитесь его мнѣній, — он вас откровенно презирал и чай пить с вами не садился. Истина находилась в его боковом карманѣ. И что такое вы, ничтожный индивидуум, в сравненіи с его просвѣщенностью, особенно марксистской? Большею частью дубы были сиволапые, но всѣ вмѣстѣ составляли силу, иногда внушительную. На этой недалекости и фанатизмѣ разыгрывали свои симфоніи Бетховены “центральных комитетов”. Они, среди которых были и Азефы, гнали стада этих божьих коровок в пекло и заставляли их стрѣлять в городскихъ, всего только регулирующих уличное движеніе. И “создавали террор”, полезный прогрессу и “поступательному движенію”.

Зензинов был ярославскій мужик. Отец его торговал в Москвѣ чаем и чай был не плохой. Вѣроятно, были и деньжонки, часть которых ярославскому социалисту удалось вывезти в эмиграцію, и здѣсь у него был даже собственный автомобиль. Шикарный социалист.

Все это был, как говорят актеры, наигрыш: мужик, по природѣ своей, не может быть социалистом и я готов держать пари, что большевистская власть погибнет не от концентрационных лагерей, а от колхозов. Колхоз — это было, а мужику

надобен индивидуальный надѣл, как поэту — листок бумаги, на котором он напишет свое стихотвореніе.

И, самое главное, что все это я пишу не на тему. Мнѣ надобен мой разговор с Зензиновым, когда послѣ представленія мы вышли на улицу. Оглянувшись и замѣтив, что Вишняка нѣтъ, — Зензинов окончательно осмѣлѣл и сказал слѣдующее:

— Поразительная разница впечатлѣній. Я вспоминаю тот московскій вечер, когда я впервые увидѣл “Дно”. Тот вечер и сегодняшний.. Тогда было впечатлѣніе, которое можно назвать потрясающим. Сегодня мнѣ хочется только выпить стакан пива, потому что за завтраком ѣл рыбу. Теперь я ясно отдаю себѣ отчет, что пьеса — средняя, кое-гдѣ фальшивая.

— Может быть дѣло в игрѣ? — спросил я

— Нѣтъ, — отвѣтил Зензинов: — тогда было какое-то нахождение.

Я почувствовал, что ярославскій мужик сказал настоящее, нужное мнѣ слово.

Я осмѣлѣл и спросил:

— Может быть зайдём и выпьем по кружкѣ?

Зензинов испугался.

— Нѣтъ, нѣтъ, — торопливо сказал он и, пожав мнѣ по-соціалистически руку, скользнул в подземелье: гдѣ-то мелькнула брюнетистая тѣнь.

Блаженъ социалист, иже не иде на совѣтъ нечестивых. Аллилуйя.

***

Из мокраго парижскаго вечера перенесемся на блистательное тиберіевское Капри. Игрушка, упавшая с елки Господа Бога.

Райскій вечер. Тишина. Никаких огней. Темное море, по которому, однажды, в своих челноках пробирался хитроумный Одиссей. А вон темнѣют и камни, которые в него бросал разъяренный Полифем и которые теперь называются фаральонами. Да, сегодня подул вѣтер, который здѣсь называется сорок братьев, и слышно, как в гротах затянули свои пѣсенки соблазнительныя полногрудыя нимфы. Эх, пройись бы сейчас по бережку, но опасно: пѣсенки магнитныя, а постели в гротах глубоки: Одиссей это знал.. Знаю это и я. Знает и Алексѣй Максимович Горькій, мой хозяин и амфитріон.

Вдалекѣ на морѣ свѣтит рыбацкій огонек.

— Бунин когда-то сказал: “как свѣчка”, вспоминает Горькій: — и лучше не скажешь. Простое и ясно.

Мы сидим в соломенных потрескивающих креслах и пьем божественное капрійское бѣлое вино, — то самое, которое не выдерживает переѣзда по морю, потому что у него кружится голова.

Так утверждают капрійскіе винодѣлы.

**
*

Горькій очень цѣнит интересное собесѣдничество и, в этом отношеніи, сам всегда хорошо вооружен. У него есть опредѣленный разговорный репертуар, отлично разработанный: рассказов десять-пятнадцать. Я их всѣ великолѣпно знаю, ибо живу у него в домѣ не первый мѣсяц, и слышу, как он разговаривает со своими визитерами. Всегда — одно и то же, вплоть до интонацій. Только для Сытина он дал нѣсколько искусно сыгранных варіацій:

— Эх, хотѣлось бы в баньку, а потом ко всенощной: прислониться бы вот так к стѣночкѣ, в уголку, и послушать “Хвалите”.

Сытин таял, но за карман держался: рѣчь шла о покупкѣ сочиненій.

**
*

Однажды зашла рѣчь о запрестольных фресках Гирляндайо во флорентійской церкви Санта Марія Новелла. Разсуждали о том, что всѣ сцены Ветхаго Заветѣ написаны в костюмах, современных этому художнику.

— Вот уж никак не могу себѣ представить, чтобы Ветхій Заветъ был бы написан в костюмах, современных, скажем, нам. Авраам в сюртукѣ, Исаак во фракѣ, а Иосиф — в разлетайкѣ?

И постепенно сѣхали на разговор об иконописи.

— А вы знаете? — сказал Горькій: — я вѣдь учился этому ремеслу. Но не пошло: вѣры не было. А это самое главное в этом дѣлѣ. Большая комната. Сидят человѣкъ двадцать богомазов и пишут иконы. А я вступил, как растиратель красок, ну и присматривался, конечно. Пишут Богов, Божію Матерь и Николу. Хозяин — мрачный, платит поденно и слѣдит, чтоб не раскуривали. Скука, а пѣсен пѣть нельзя. Попробовали божественное: “Кресту Твоему” — не идет. Я был мальчишка бѣдовый. Подойдешь к одному-другому и шепнешь: “Нарисуй ему рожки!” Так меня и прозвали: “дьяволенок”. Хозяину это не нравилось, вынул он из кармана сорок копѣек и сказал: “собери свое барахлишко и к вечеру очисти атмосферу”. И вот вечером, когда я пришел к товарищам попрощаться, один из них вынул из стола двѣ маленьких иконки и сказал: “вот для тебя специально написал, выбирай”. На одной был написан мой ангел Алексѣй — Божій человѣкъ, а на другой — дьявол румяный и с рожками. “Вот выбирай, что по душѣ”. Я выбрал дьявола, из озорства. — “Ну вот я так и мыслил”, — отвѣтил богомазъ: — “что ты возлюбишь дьявола. Ты из дьявольской матеріи создан. И мамаша твоя не иначе, как путешествует на Лысую Гору”. “Как же, как же, — отвѣтил я, смѣясь: — я и сам ѣздил с ней не один раз”. “Ну, вот и молись своему образу: он тебя вывезет”, но, прибавил богомаз: “жди конца”. Чтото в душѣ у меня екнуло, но нельзя же поддаваться

паникѣ! Что-то было в этом от “Пана Твардовскаго”, которым я зачитывался: и интересно, и жутковато.

Горькій замолчал, посмотрѣлъ на морской огонек и повторил слова Бунина:

— Как свѣчка.

— А гдѣ же теперь эта вещьца?

— У меня, — отвѣтил Горькій: — я никогда не мог с ней разстаться. Даже в Петропавловской крѣпости вмѣстѣ со мной был. Всѣ вещи отобрали, а его оставили. Приходите завтра ко мнѣ, в кабинет: я вам его покажу.

**

Горькій нанимал небольшую усадьбу-цвѣтничек, на которой было построено, на живую нитку, два маленьких дома. В одном он жил сам, а в другом была столовая, кухня и комната для гостей. Кабинетом ему служила большая, во весь этаж, комната, в которую посѣтителы приглашались рѣдко и развѣ только по особо важным дѣлам. Я подолгу живал у него, но в кабинетѣ был только два раза. Святилище.

На этот раз я был приглашен и Марья Федоровна, работавшая на машинкѣ у лѣстницы, сначала было воспрепятствовала моему восхожденію, но когда узнала о приглашеніи, — пропустила.

Большая комната; продолговатое окно с зеркальным стеклом на море. Библіотека. Витрина с рѣдкостями, которыя Горькій собирает для нижегородскаго музея. Стол — алтарь.

Я пришел в полдень, перед завтраком. Горькій работал с утра, лицо у него было утомленное, глаза помутнѣвшіе, “выдоенные”. Он знал, что я пришел смотрѣть дьявола и показывал мнѣ его, видимо, не с легким сердцем.

Дьявол был запрятан между книгами, но Горькій четко знал его мѣсто и достал дощечку моментально. И он, и я, — мы оба, неизвѣстно почему, испытывали какое-то непонятное волненіе.

Наконец, дьявол — в моих руках и я вижу, что человек, писавшій его, был человеком талантливым. Что-то было в нем от черта из “Ночи под Рождество”, но было что-то и другое и это “что” трудно себѣ сразу уяснить. Словно в нем была ртуть и при поворотѣ свѣта он, казалось, то шевелился, то улыбался, то прищуривал глаз. Он с какою-то жадностью, через мои глаза, впитывался в мой мозг, завладевал в мозгу каким-то мѣстом, чтобы никогда из него не уйти. Он сразу поровнялся с тѣми впечатлѣніями, которыя я имѣлъ от неаполитанской цыганки Корреджіо, от человека с перчаткой Тиціана, от комнаты Ван Гога... Россійскій дьявол этот, пожелал вселиться в меня и я чувствовал, что тут без святой воды не обойтись и что нужно в первую же свободную минуту сбѣгать в собор, хотя бы и католическій.

— Нравится? — спросил Горькій, неустанно слѣдившій за моими впечатлѣніями.

— Чрезвычайно, — отвѣтил я.

— Вот тебѣ и Россіюшка-матушка, обдери мою коровушку. Хотите подарю?

И тут я почувствовал, что меня словно кипятком обдало.

— Что вы, что вы, Алексѣй Максимович? — залепетал я: — лишать вас такой вещи?..

Я чувствовал, что в моем голосѣ звучат тѣ же ноты, которыя звучали у гоголевскаго бурсака, когда он, в "Віѣ", не хотѣлъ оскорбиться.

— Ни за что, ни за что, — лепетал я: — да потом, признаться сказать, я его и побаиваюсь...

Горькій, казалось, добрался до моих сокровенных мыслей, засмѣялся и сказал:

— Да, он страшноватый, Чорт Иванович.

Горькій снова запрятал его между книгами и мы пошли завтракать. Катальдо, повар Горькаго, дѣлал все вкусно и соблазнительно, но у меня пропал аппетит и я часто по ошибкѣ хватался за бутылку с бордо, которую Горькій, обыкновенно, гостям не предлагал. И только разница между бордо и винами итальянскими приводила меня к дѣйствительности: день жаркій, но жарою вкусной, желанной, растворенной сорока братьями; море — как только что сотворенное, налитое свѣжей, лѣтней плотной водой, — и чего волнуется сам себя запугивающій человек?

Но мнѣ казалось, что это — не дом и не крыша, а мост и что сижу я — под мостом и ѣм не баранье жигу, а грязь, и что предо мной сидит старая вѣдьма, притворившаяся красавицей Марьей Федоровной с недобрыми, тонкими, по-жабьи поджатыми губами...

Святая вода в соборѣ, в мраморной раковинѣ, была холодная и, когда я покропил ею лоб, то почувствовал, что дѣйствительно что-то святое, хотя и католическое, папское, коснулось моей души.

Но было во всем этом что-то от "Фауста", от "Пана Твардовскаго", от нѣкоторых страниц "Віа".

**
*

Смертью заканчивается всякое жизнеописаніе. И всегда есть послѣднее слово, которое человек сказал, и послѣднее слово, которое человек написал. С вершины смерти, как с аэроплана, виден весь путь человека.

Я знаю, что много людей будут смѣяться над моей наивностью, но я, все-таки, теперь скажу, что путь Горькаго был страшен: как Христа в пустынѣ, дьявол возвел его на высокую гору и показал ему всѣ царства земныя и сказал:

— Поклонись и я все дам тебѣ.

И Горькій поклонился.

И ему, среднему, в общем писателю, был дан успѣх, котораго не знали при жизни своей ни Пушкин, ни Гоголь, ни Лев

Толстой, ни Достоевскій. У него было все: и слава, и деньги, и женская лукавая любовь.

И все это было, как правильно сказал Зензинов, только навожденіе.

И этим путем навожденія он твердой поступью шел к ча-шѣ с цикутѣй, которую приготовил ему опытный аптекарь Ягода.

Начальники чрезвычайной комиссіи не любят фотографироваться, но, все-таки, гдѣ-то, однажды, я увидѣл портрет Ягоды. И тут вы, пожалуй, будете менѣ смѣяться: Ягода, как двѣ капли воды, был похож на дьявола, пророчески нарисованного талантливим богомазом.

**
*

— На свѣтѣ, другъ мой Гораціо, есть многое такое, что и не снилось нашим мудрецам.

Снимем шапку: это сказал Шекспир.

И. Сургучев.

ШАГИ НЕМЕЗИДЫ

(«Я другой такой страны не знаю...»)

Драматическая хроника в 6-ти картинах, из партийной жизни
СССР 1936-1938 гг.

КАРТИНА 4-ая

(Продолжение. См. «Возрождение» тетр. 45).

Ягода (щелкая каблучками, улыбается пьяной улыбкой и подмигивает Зинаидѣ): Слушаюсь и повинуюсь! (Повертывается по-военному кругом и уходит, через столовую, в дѣтскую).

Зинаида (сестрѣ): О чем вы пререкались?

Варвара: Ни о чем не «пререкались», а просто он пьян и пристает ко мнѣ, словно к «дѣвкѣ»!

Зинаида: Что значит «пристает»?.. Нельзя быть такой... недотрогой! — мы не в монастырѣ, дорогая!.. К тому же Генрих так избалован женщинами...

Варвара: Мнѣ до этого нѣтъ ни малѣйшаго дѣла.

Зинаида (у которой растегнулся браслет, подаренный ей Ягодой): Застегни мнѣ пожалуйста. (Варвара возится с браслетом). Ты не права... Ну, что тебѣ стоит дать минуту отрады тому, от которого мы видѣли столько добра!

Варвара: «Мы»?.. А я тут причем?

Зинаида: А кто исколотал тебѣ таможенные льготы? Замял исторію с нелегальными книжками? Снабжал меня деньгами, чтоб помочь тебѣ учиться в Парижѣ?.. Надо быть хоть капельку благодарной.

Варвара (показывая на браслет): Здѣсь крючок растегнулся. (Старается исправить застѣжку). Я не понимаю, к чему ты меня кло니шь?.. Не могу же я, в угоду твоему любовнику, измѣнять мужу и вообще... потерять всякій стыд!

Зинаида: Какой «стыд»?.. О чем ты говоришь, моя милая? Развѣ любовные грѣшки это такой позор?

Варвара (не выдержав напора одолеваящих ея чувств): Да! позор пользоваться тѣм, от чего я с негодованіем отказалась.

Зинаида (подняв брови): От чего ты отказалась? Я тебя не понимаю...

Варвара: От этого браслета! (Передает его сестрѣ). На, возьми! Он достался тебѣ лишь потому, что я от него отказалась! Поняла?

Зинаида (надѣвая браслет): Ты шутишь?

Варвара: Нисколько! Твой Генрих, пригласив меня в ГПУ и видя, что я не сдаюсь, хотѣл подкупить меня этим браслетом! Да не на ту напал!

Зинаида (блѣднѣя): Ты клеветешь!

Варвара: Даю слово, что нѣтъ!.. И такого-то негодяя ты не только выгораживаешь, не щадя своего самолюбія, но еще толкаешь меня в его объятія... И ради чего? — чтоб жилось тебѣ лучше?.. Или это опять-таки ради сына? Мало ты принесла ему жертв? — хочешь и меня принести ему в жертву? Берегись! — он становится похож на Молоха, твой сегодняшний «октябренок», — на Молоха, требующаго все новых и чудовищных жертв. Смотри, как бы этот «кумир» не оказался на самом дѣлѣ вампиром и не высосал из тебя послѣдніе соки. Опомнись, наконец, дорогая! — ты все извратила, кончая материнской любовью. Все, все!.. И если твоя любовь ко мнѣ, как к сестрѣ, заключается в том, чтобы дѣлиться со мною любовником, ради сына, то... Бог с тобой, милая, — я тебѣ не сестра, в таком случаѣ, и забудем скорѣй о существованіи друг друга!

Зинаида (внѣ себя от удивленія): Что за чушь ты несешь?.. Откуда взялся этот бред?..

Варвара: Можешь не вѣрить — я не заставляю!

Зинаида: Но почему же ты мнѣ раньше не сообщила о его поведеніи?

Варвара: Потому, что раньше я его опасалась, как начальника ГПУ...

Зинаида (саркастически): А потом перестала?.. (Звонок телефона).

Варвара: А потом перестала! Потому что его увольняют и назначают на другую должность.

Зинаида (не вѣря ушам своим): «Увольняют»?.. — ты с ума сошла?.. Откуда ты это взяла?

Варвара: Он сам мнѣ сказал и.... показал, в подтвержденіе, письмо, гдѣ ему предлагают должность начальника почты.

Зинаида (с глумливым смѣхом): «Начальника почты»?.. Может быть, просто почтальона?.. (Идет к телефону).

Варвара: Можешь издѣваться, сколько угодно! — ты живешь в таком невѣдѣніи, что... мнѣ жаль тебя, бѣдная! жаль, потому что жутко будет твое «пробужденіе», когда ты осознаешь наконец истинное положеніе вещей!

Зинаида (в телефон): Алло! алло!.. это откуда говорят, я не понимаю?

Варвара (прошаживается, чуть не ломая в отчаяніи руки): И зачѣм я пріѣхала сюда, спрашивается?.. Зачѣм меня влекло в этот «крошечный рай», гдѣ надо быть послѣдней тварью, чтобы чувствовать себя хорошо.

Зинаида (в телефон): Радека?.. Чтобы Радек спустился вниз?.. Хорошо! я скажу ему, что за ним заѣхали.

Буланов (появляясь на порогѣ столовой; — за ним еще нѣсколько гостей; всѣ очень пьяные): Зинаида Авдѣевна! что ж это вы удалились?.. Без вас ничего не клеится. (Среди гостей говор: «уже

поздно... пора по домам!», «который час?», «мнѣ завтра рано вставать» и т. п.).

Зинаида (овладѣвая собой, как опытная актриса): Сейчас, сейчас, товарищ Буланов!.. Попросите только сюда товарища Радека! — за ним заѣхали. (К другим, послѣ того, как Буланов побѣжал снова в дѣтскую). Еще рано, товарищи! успѣете насидѣться дома! Сегодня такой день для меня!.. (Завидѣв Радека под-руку с Бухариным, а рядом с ними Буланова): А-а, да, вот и сам Радек!.. (Ему): Вас ждут внизу! (Буланов шепчется о чем-то с пианистом и усаживает его за рояль).

Радек: Кто?

Зинаида: Кто-то из ваших товарищей; — сказали, что по важному дѣлу.

Радек: Отчего ж они не назвали себя?.. Что за ерунда! (Уходит в переднюю; — Бухарин за ним слѣдом. — К этому времени всѣ уже вернулись из дѣтской, за исключеніем няньки с ребенком. Гости начинают прощаться с хозяйкой дома. — Послѣдними возвращаются из дѣтской Рыков и Ягода; оба совершенно пьяные).

Буланов (кричит, вскочив на стул): Товарищи! Прежде, чѣм мы покинем этот гостепріимный дом, — споемте хором, как вѣрные сыны своего отечества, «Пѣсню о родинѣ». Согласны?

Всѣ: Согласны! Согласны! Даешь «Пѣсню о родинѣ»!.. (Пианист лихо играет к этой пѣснѣ вступление. Все поют нѣсколько «спившимися» голосами):

Широка страна моя родная,
Много в ней лѣсов, полей и рѣк.
Я другой такой страны не знаю,
Гдѣ так вольно дышит человѣкъ!..

Бухарин (вбѣгает из передней, сильно взволнованный): Товарищи!.. подождите!.. Сейчас... сейчас только что арестовали Радека.

Зинаида: Что?

Бухарин: Радек арестован!.. (Общее оцѣпенѣніе. — Ягода тянется губами к Варварѣ, но потерявъ равновѣсіе, грузно валится на близ стоящее кресло, в то время, как она отбѣгает от него с гадливой гримасой).

Рыков (в блаженном состояніи): Чепуха!.. Оче... очередное недоразумѣніе!.. Пора бы к этому привыкнуть!.. Все скоро выяснится в самом лучшем видѣ!.. Продолжаем пѣсню и кончен бал... Эй, товарищи, начинайте!.. (Пианист повторяет вступление; всѣ поют с нарочитым азартом):

Я другой такой страны не знаю,
Гдѣ так вольно дышит человѣкъ!

З а н а в ѣ с .

(Второй антракт).

КАРТИНА 5-я

«В Горках», у Сталина (то же мѣсто дѣйствія, что и в карт. 2).

Снова — поздним вечером. — На правой сторонѣ рабочаго кабинета багрово догорает большой камин, — единственный источник свѣта при поднятіи занавѣса. Этот свѣтъ ярко очерчивает фигуру Сталина, отдыхающаго за столом и курящаго трубку, придавая его силуэту фантастически-зловѣщій характер.

«Красный» диктатор слушает радіо-сообщеніе, которое четко передается безукоризненным аппаратом (начавшим дѣйствовать до поднятія занавѣса).

Голос радіо-«спикера»: «... и только злостные враги Совѣтскаго Союза могут оспаривать, что пролетарскій суд является единственным, в исторіи міра, подлинно народным судом... Страшен приговор такого суда. И нѣтъ сомнѣнія, что он сумѣет с должным вѣсом опустить свою карающую руку на **новых** государственных преступников, к числу которых слѣдственные власти причисляют таких видных представителей компартіи и Совнаркома, как наш полномочный посол в Лондонѣ, наш замѣститель наркоминдѣла, замѣститель наркома тяжелой промышленности, командующій московским военным округом и ряд других, столь же отвѣтственных работников в нашем партійном аппаратѣ. — Эти люди, облеченные довѣріем народа, использовали свои командные высоты не для укрѣпленія нашей государственной мощи, а для саботажа ея военной промышленности и для содѣйствія, таким образом, захвату иностранными государствами нашей отечественной территоріи. (Во время послѣдних слов, раздается приглушенный звонок телефона, стоящаго на письменном столѣ).

Сталин (зажигает свѣтъ в висящей над столом лампѣ и приложив трубку телефона к одному уху и закрыв ладонью другое, — говорит громче обыкновеннаго, чтобы быть услышанным **на фонѣ радіо-рѣчи**): Николай Иванович?.. Привез ее самолично?.. Ну, очень рад! (Смѣется). Веди ее прямо ко мнѣ: — у меня сейчас никого. Входи, не стучась!.. (Вѣшает трубку телефона).

Голос радіо-«спикера»: Эти презрѣнные преступники пойманы теперь с поличным и дадут отвѣтъ, за свои злодѣянія, народу гораздо **скорѣе**, чѣм они предполагали, в своей самонадѣянности. Богиня возмездія — Немезида — не терпит у нас волокиты, какая допускается в судебных дѣлах буржуазнаго Запада. Немезидѣ стало невтерпѣж... Это значит: — **скоро, очень скоро** будут сведены всѣ счеты с явными и тайными врагами нашего многострадальнаго отечества... Немезидѣ невтерпѣж. Мы уже слышим энергичную поступь ея приближающихся шагов. И нам вспоминаются строки совѣтскаго барда, воспѣвашаго пролетарскій Верховный Суд:

Судьи садятся за стол суровый,
Время идет и народы ждут,
Чтобы сказал беспощадное слово,
Выбранный ими Верховный Суд.

Ибо для сволочи и мерзавцев
Злобных, продавшихся до конца,
Только один разговор остался —
Точный, скупой разговор свинца!

Что же, товарищи, мы спокойны,
Мы еще будем судить того,
Кто для народов готовил бойню,
Смерти и гибели торжество!

Время идет и идет — повѣрьте,
Что не напрасно идут года,
Что не умрет он своею смертью
И не укроется от суда!

(Раздаются звуки «Интернационала», под которые входит Ежов и здоровается со Сталиным, являя рѣзвостью своих движений и мимикой отличное расположение духа. — Сталин машет рукой, в сторону радио-аппарата, и Ежов заставляет умолкнуть начавшуюся музыку).

Сталин (не выпуская руки Ежова из своей): Можно, значит, поздравить?

Ежов: Еще как!

Сталин: Ну, очень рад за тебя!

Ежов: А я — за вас.

Сталин: Спасибо... И впрямь: «на ловца и звѣрь бѣжит».. Что ж она медлила с разоблаченіем?

Ежов: А это уж она сама вам объяснит: — дѣло тонкое... (Обернувшись в сторону двери): Позвать голубушку?

Сталин: Зови, зови! Только предупреди, что времени у меня «кот наплакал». А то я знаю женщин: пойдут такія изліянія, что всѣ дѣла придется забросить.

Ежов: Я уж предупѣдомил! — не беспокойтесь! (Открывает дверь и кличет): Товарищ Попова, можете войти... (Секунда, — и входит Зинаида. Поклонившись Сталину, она замедляет шаг и останавливается у двери, как бы не рѣшаясь приблизиться к «отцу народов». Она в элегентном траурѣ, который чрезвычайно идет к патетическому выраженію ея лица. В руках Зинаиды туго набитый портфель, который она прижимает к груди).

Сталин (не вставая с мѣста, кивает ей привѣтливо головой и, указуя на кресло, стоящее перед столом, говорит с добродушіем, приличествующим «отцу народов»): Здравствуй, душа моя!.. Ишь, какая красавица!.. Подойди-ка поближе! — я не кусаюсь... Очень рад тебя видѣть. Садись — гостьей будешь!

Ежов (ей, поощрительно): Подойдите же, товарищ Попова! — не бойтесь, вам говорят!.. (Она робко подходит к столу).

Сталин (любуясь ею): Вот она «краса и гордость» русскаго балета! — прямо загляденье... Ну, садись, рассказывай, почему на сценѣ так рѣдко показываешься? больна была что ли? или отдыхала

опять заграницей? Кстати, — что у вас там с Ягодой не «вытанцовывается?» — ревновать тебя заставил, или чѣм обидѣл?

Зинаида (сядаясь и поправляя вуаль): Ах, вы уже знаете, по какому я дѣлу?

Сталин (переглядываясь с Ежовым): «Слухом земля полнится».

Зинаида: Дѣло не только во мнѣ! — мое дѣло частное и из-за него я бы не посмѣла отрывать вас от работы, Иосиф Виссарионыч... Дѣло, по которому я пришла к Николаю Иванычу (показывает глазами на Ежова), а теперь — к вашей милости, — это дѣло, можно сказать, государственное... политическое!.. Дѣло это я скрывала до поры, до времени, но теперь уже сил моих нѣтъ. И я пришла с жалобой не только на Генриха, но и на себя самое: — зачѣм не раскрыла я раньше того покушенія, какое все время готовится и на вашу драгоценную жизнь, и на самые основы нашего совѣтскаго государства?.. Дѣлайте со мной, что хотите, — мнѣ теперь все равно: — я была невольной соучастницей человѣка, который хотѣл погубить вас и опозорить!

Сталин (послѣ короткой паузы, тоном величайшаго удивленія): «Погубить» меня и «опозорить»?! Вот тебѣ раз!.. За что же, спрашивается?.. за то, что я замая перед партией его «грѣхи» по расходо-отчетным книгам?.. за это что ли?.. Или за то, что вмѣсто скамьи подсудимых, я дал ему мѣсто наркома почты и телеграфа?.. Что за ерунда!.. Ты что-то путаешь, душа моя! или, клеветашь со злобы на своего Дон-Жуана... Думаешь, — если тебѣ измѣнил он, то и мнѣ тоже самое?.. Я, вѣдь, женскій нрав знаю! — психологія у вас особенная! Забыла только, голубушка, что мы с Ягодой десять лѣтъ как пріятели! и что не раз он спасал меня и от вражеских происков, и от вражеских пуль!

Зинаида (с большим самообладаніем): Он ждал только часа, чтобы погубить вас тѣм или другим способом.

Сталин: Какого «часа»? — Он мог бы давно это сдѣлать, как глава ГПУ. А что касается «опозорить», то... как он мог меня опозорить? и чѣм, хотѣл бы я знать? чѣм, я спрашиваю?!

Зинаида (с рѣшимостью человѣка, бросающагося в пучину): Вот чѣм!.. (Она раскрывает портфель и выбрасывает из него на стол разные документы, письма, фотографіи и записные книжки). Вот улики против вас, которые Ягода копил изо дня в день, в продолженіи 10-ти лѣтъ.

Сталин (озадаченный, рассматривает, в лихорадочном порывѣ, содержаніе портфеля Зинаиды): Что это такое?.. Какія такіе улики против меня?

Ежов (пока Сталин знакомится с предъявленными Зинаидой «уликами», говорит ей, понизив голос, быстро и ласково-внушительно): Теперь, товарищ Попова, раз вы признали и за собой вину, — вам остается загладить ее и как можно скорѣе. А для этого, прежде всего, вы обязаны назвать соучастников в преступных планах Ягоды.

Зинаида (подняв плечи): О, с наслажденіем, если бы я их знала! Но вы, конечно, догадываетесь, как осторожен и скрытен был Генрих?

Ежов: Но не с вами же, моя, милая, кому он довѣрил эти тайные

документы. Назовите хотя бы тѣх, с кѣм Ягода яхшался и кого вы видѣли в его окруженіи.

Зинаида (с кривой улыбко): Гм... тѣх, с кѣм Ягода был близок, он потом... предавал или изничтожал...

Ежов: Но не всѣх же?

Зинаида: За малым исключеніем... Смѣшно сказать, но дружил он главным образом с тѣми, в ком видѣл своих **врагов**.

Ежов (улыбаясь): Чтобы залѣзть им, как слѣдует, в душу и...?

Зинаида: ... и вывести на чистую воду.

Ежов (насмѣшливо вздыхая): Это проторенный путь всѣх претателей.

Зинаида: Если б не эти вот документы, кто бы повѣрил, что пріятель самого Сталина... Бррр!

Ежов (договаривая): ... подбирался под него, как ехидна?.. (В это время Сталин, знакомясь с документами, о которых говорит Зинаида, рвет один из них на куски, а другіе мнет, тихо приговаривая: «сукин сын!.. сволочь, каких мало!.. довѣряйся таким!.. сссыщик проклятый!.. вот провокатор!.. и это называется «пріятель»!.. мерзавец-двурушник! — вот она «школа царской охраны!.. чистая работа, нечего сказать!.. соглядатай паршивый!.. довѣряйся таким, чорт возьми!..» — Послѣ послѣдней реплики Зинаиды, этот поток ругательств из тихого становится громогласным. Сталин, внѣ себя от злости, опрокидывает на документы чернильницу, схватывает обертку, в которой документы хранились, и, подцѣпив все, подходит к камину и бросает в огонь).

Сталин (возвращаясь на свое мѣсто, задыхается от негодованія): Вот пес паршивый! — снимал с меня тайком фотографіи, когда я был пьян, или за бабой ухаживал!.. А?! Каков предатель!.. Вѣдь до этого надо додуматься... И «каждое лыко» мнѣ «в строку»! — ни малѣйшей ошибки мнѣ не спускал! — даже в черновиках! — подбирал резолюции, от которых я отказался, и хранил мои автографы, как камень за пазухой!.. (Зинаидѣ): Почему же ты раньше не принесла мнѣ весь этот сор, под которым он думал похоронить меня? а?

Зинаида: Он лишь недавно мнѣ передал его на храненіе... И потом — смѣйтесь, не смѣйтесь — я его все же любила... и потому...

Сталин: Любила такого прохвоста? Такого измѣнника?... Вѣдь он измѣнял тебѣ направо-налѣво! Об этом вся Москва говорила.

Зинаида: Я любила его, не как любовника, а как отца моего единственного ребенка... Кромѣ того, он терроризировал меня при малѣйшей размолвкѣ. Подумайте только, какая страшная власть у главы ГПУ!..

Сталин (строго): Его двѣ недѣли уже, как смѣстили с должности; — чего же ты медлила с разоблаченіем?

Зинаида (голос ее дрожит, в нем слышатся слезы): Мой ребенок был болен. Я была внѣ себя... Я была, как безумная!.. Обо всем позабыла!

Сталин (послѣ паузы, смягчившись): Почему ты в траурѣ и по ком?

Ежов (с максимальной предупредительностью): Ребенок ея умер, Іосиф Виссарионович.

Сталин: А-а! Ну, тогда все понятно! (Встает и задумчиво прохаживается в глубинѣ комнаты).

Зинаида (рыдая): Он умер, мой маленькій!.. умер тот, кому я посвятила всю свою жизнь!.. Боже мой! Боже! чего я только ни дѣлала ради него! каких только жертв я ни принесла своему маленькому... И все оказалось напрасно! все, все!.. Он умер, обезцѣнив всѣ жертвы ради него, мои бессонныя ночи, мою связь с безнравственным человѣком. Словно он насмѣялся над моей материнской любовью. За что? за что?.. Почему я так наказана?!.. (Горько плачет. — Звонок телефона заставляет ее придти в себя).

Ежов (взяв трубку телефона): Алло!.. Да, да... я же отдал соотвѣтственное приказаніе... Что?.. Нѣтъ, нѣтъ! — никого потом не пускайте... Ладно! — мнѣ некогда! (Вѣшает трубку).

Зинаида (встает и вытирает глаза): Я отнимаю у вас драгоценное время... Простите, товарищи, за минутную слабость!

Сталин (подавая ей руку): Я тебѣ очень сочувствую и... благодарен, что открыла всю правду... Не за себя благодарствую, а за нашу страну! — столько фракцій у нас расплодилось, столько уклонов, загибов и перегибов среди партійных работников, что... не держи я генеральную линію в твердых руках, — нас давно бы фашисты захватили голыми руками.

Зинаида (направляясь к выходу, с низким поклоном): Вся советская страна вам за то благодарна!

Сталин (проводя ее до двери): Если в чем надобность, — позвони: все устроим, что нужно! (Показывает на Ежова).

Зинаида: Премного признательна. У меня одна пока просьба: устраните препятствія, если б Ягода стал их дѣлать, к отъѣзду сестры! — он ее заставил подписать какую-то возмутительную бумагу.

Сталин: Не беспокойся: — все обдѣлаем в лучшем видѣ. Одного только требую — молчи, пока, словно рыба! — чтоб с крючка не сорвалось. Поняла? (Ухмыляется).

Зинаида: Поняла, Іосиф Виссаріонныч!

Сталин: Досвиданья, душа моя!

Зинаида: Досвиданья! (Ушла).

Сталин (подмигивая Ежоу): А у него «губа — не дура», у этого ерника: — ишь какую кралю подхватил в свой гарем!

Ежов: Не завидую, Іосиф Виссаріоныч: хороша «князя», которая предаст тебя при первом же удобном случаѣ.

Сталин (вздыхнул): Да, в этом отношеніи ты прав!

Ежов: Безусловно!.. как и прав был, когда утверждал, что Ягода орудует против вас! Теперь вы убѣдились?

Сталин (разводя руками): Да, уж тут ничего не скажешь!.. А я думал, понимаешь, что ты торопишься его мѣсто занять; оттого и пугаешь им понапрасну.

Ежов (качая головой): Что вы, Іосиф Виссаріоныч, да развѣ я смог бы на такую подлость пойти?..

Сталин (усаживаясь за стол): Ну-у, почему «подлость»?!.. каждый хочет, чтоб ему было лучше! никто себѣ не враг...

Ежов: Помилуйте, Іосиф Виссаріонич!..

Сталин (перебивая ласково): Бросим!.. все это мелочь! Сейчас главное выяснить, с **кѣм** еще этот негодяй состоит в заговорѣ.

Ежов (потирая руки, самодовольно): Ну, это плевое дѣло! — это мы узнаем от Радека, который стал под арестом еще сообщителѣмъ, чѣмъ раньше. Надо его только постращать хорошенько: — он и выдаст нам, кого слѣдует.

Сталин (недоумѣнно): Почему Радек?.. Откуда знать Радеку, кто был в заговорѣ с Ягодой?

Ежов (деликатно вразумляет): А очень просто, Іосиф Виссаріонич: — Ягода якшался лишь с тѣми, кого собирался предать. Якшался Ягода и с Радеком, как извѣстно; однако ж его не предал: — предали его Зиновьев и Каменев.

Сталин (все еще не понимая): Ну, так что ж?

Ежов: А то, что Радек стало-быть ему нужен; нужны же Ягодѣ лишь тѣ, кто с ним заодно; и раз Ягода стал злоумышлять против вас, — навѣрно и Радек был с ним заодно.

Сталин (в восхищеніи): Ну, брат, прямо Шерлок Холмса заткнул за пояс!

Ежов (скромничая): Помилуйте, Іосиф Виссаріонич! — здѣсь сама очевидность, так сказать, вопіет.

Сталин (хлопая в ладоши): Ну, коли так, — пошли за ним поскорѣе! — Я сам допрошу этого «Крадека». Ты куда его запрятал покамѣст? в Бутырки?

Ежов: В секретный ИЗО.

Сталин: Правильно!

Ежов: Он сам умолял о свиданіи с вами: хочет жаловаться — мол, невинная жертва... А я знал, что послѣ разоблаченія Поповой, Крадек может понадобиться вам и велѣл его доставить сюда.

Сталин (потирая руки): Молодец! — золотая голова все предвидит заранѣе!

Ежов: В 9 часов Крадек будет уж здѣсь.

Сталин (взглянув на часы): Уже 9 часов.

Ежов: Значит, сейчас сообщат о пріѣздѣ. (Посмотрѣвъ на свой хронометр). Ваши спѣшат на пол-минуты. (Раздается звонок телефона. — Ежов к нему подходит).

Сталин (аплодируя): Прямо, как по расписанію!

Ежов (улыбаясь самодовольно): Аккуратность — первое условіе в нашем дѣлѣ. У меня строго на этот счет! (В телефон): Алло!.. (Пауза). Отлично! — ведите его прямо наверх. (Вѣшает трубку).

Сталин (вынимает револьвер из ящика стола и кладет его перед собой): Оставь нас погода с глазу на глаз, — чтоб он не стѣснялся тебя, как «чужого»!

Ежов: Слушаюсь! Не забудьте только припугнуть его хорошенько.

Сталин: Не безпокойся! — для этого и оружіе вынул, как видишь. (Стук в дверь. — Ежов идет на стук и, скрывшись за дверью, вводит через секунду-двѣ Радека. Послѣдній слегка исхудал, обрюзг и оброс волосами; одѣт он неряшливо и видимо наспѣх).

Радек (кланяется, не смѣя подойти к Сталину и говорит чуть-

чуть заикаясь): Иосиф Виссарионыч, в чем дѣло? Я пріѣхал жаловаться на недоразумѣніе.

Сталин (перебивая, с издѣвкой): А-а, пріятель, здравствуй!.. Доигрался-таки до тюрьмы, двоерушник?!.. Я тебя предупреждал, что с огнем не шутят. Хотѣл посадить меня в лужу, подлец?! и в ней утопить? На жизнь мою покушался?! И это — пріятель, которому я открывал свою душу! сообщал планы по важнѣйшим дѣлам, доверял наблюденіе над совѣтской прессой!

Радек (в неврастеническом трансѣ, почти «заговаривается», еле владея русской рѣчью): Я же вас увѣряю, что это чистое недоразумѣніе. Я даю вам честное слово! (Сталин фыркает и презрительно отмахивается). Что?.. вам мало моего честнаго слова? — тогда я вам все разъясню, чтобы вы видѣли!..

Сталин (перебивая): Разъяснять ты будешь потом, на судѣ. А сейчас не морочь мнѣ голову и говори прямо, кто твои сообщники? Ну?.. Говори, не то худо будет!

Радек (с улыбкой на помертвѣлых губах): Что значит «кто мои сообщники»? — вы же знаете, кто обвиняемые в новом процессѣ? (Скороговоркой): Пятаков, Муралов, Сокольников, Дробнис, Шестов, Богуславскій, Ратайчик и Серебряков. Из них около половины я указал совѣтскому правосудию... А если привлекли и меня самого, то лишь потому, что я притворялся будто я соучастник! а это лишь для того, чтоб узнать, кого слѣдует опасаться из них, а кого опасаться не стоит.

Сталин (хватает револьвер и начинает вертѣть его в руках, как игрушку): Врешь, сукин сын! — Твоя переписка с Сѣдовым и Троцким **разоблачает** тебя до конца.

Радек: Что значит «разоблачает»?! — Чтоб меня «разоблачить», так надо, чтоб я был сперва «облачен»! т. е., чтоб я маскарад устраивал. А если человек голый, то и 10 атлетов не смогут его разоблачить.

Сталин (постукивая ручкой револьвера по столу): Ты у меня поостри еще, провокатор паршивый! Поостри, пока пуля не продыривила тебѣ черепа. Ты что — шутить со мною вздумал? а? Мало ты меня анекдотами донимал? — Ими вся страна наша сыта уж по горло: с души воротит!

Радек: Какіе «анекдоты»? При чем тут анекдоты?.. Мнѣ сейчас — смѣйтесь или не смѣйтесь — а вовсе не до анекдотов!.. И в самом дѣлѣ: что это за «Missinverständnis!» — берут человека ни за-што, ни про-што и сажают его в тюрьму!.. Хорошенькое дѣло! За что, хотѣл бы я знать? За то, что я всегда доносил на тѣх, кто был подозрителен в партіи? За то, что я разоблачал таких «стратегов», как маршалец пан Тухачевскій? и что от меня не мог схватиться ни один из контрреволюціонеров? За что меня посадили в тюрьму, проше пане?

Ежов (сухо): За то, что вы не донесли прежде всего на **себя**! а с этого слѣдовало начать!

Радек: «На себя»?!.. Хорошенькое дѣло!.. А в чем я был виноват, чтоб доносить на себя? Это легко сказать!

Ежов: Виноваты в укрывательствѣ, — это во-первых! и в анти-партийном заговорѣ, — во-вторых!

Радек: Но я же объяснил, что это было нарочно, чтоб узнать, кто из заговорщиков настоящий, а кто — просто дурака валяет, чтоб другим импонировать. А если я не успѣл во время донести, то, я извиняюсь, мы не на скачках, чтобы торопиться вперед, слсмя голову!

Сталин (с грохотом кладя револьвер на стол): Довольно болтовни!.. Или ты сейчас же выдашь соучастников новаго заговора, или я не дам тебѣ и до суда дожить, подлый предатель!

Радек (дрожит, с виноватой улыбкой): Но кого вы хотите, чтоб я выдал? Назовите, и я подтвержу, чи это так, чи не!

Ежов: Бухарин!

Сталин: Рыков!

Радек (смотрит на них, как затравленный звѣрь): Бухарин и Рыков?.. Хорошенькое дѣло! — вы же знаете из газет, что для их обвиненія у прокурора нѣтъ юридических данных.

Ежов (рѣжущим тоном): Это напечатано по моей просьбѣ, чтобы усыпить их бдительность и провѣрить, с кѣм они связаны... (Пауза «гробового» молчанія).

Сталин (Радеку, глухим голосом, тяжело дыша): Отвѣчай немедленно насчет Рыкова и Бухарина!

Радек («извиваясь», как червяк на огнѣ): Что же мнѣ отвѣчать, раз вы лучше моего информированы. (Усмѣхаясь): Это я должен у вас спросить, а не вы у меня!

Сталин (шипит): Пачему на них не донес?

Радек (сдавленным голосом): Потому что не знал!.. Да. Не знал!

Сталин (свирѣпо): Не знал, с кѣм ты замышлял против партіи и покушался на мою жизнь?

Радек (полу-мертвый от страха): Клянусь, я не знал, что это так все серьезно!.. я думал, что это, как водится, одни «разговорчики».

Сталин (взявшись за револьвер): Не ври, сукин сын, или я за себя не ручаюсь!

Радек (истерически): Но я же клянусь! клянусь самым священным, что для меня существует: — коммунистической партіей, ради которой я рисковал жизнью!.. Что вы от меня хотите еще? за что вы меня мучаете? Хотите, чтоб я на колѣнках вам поклялся? — иначе не вѣрите? (Опускаясь на колѣни): Так я могу и на колѣнках поклясться, что это, ей Богу, у в правду, что я говорю! (Начинает жалобно хныкать, достает платок и слезливо сморкается. — Сталин переглядывается с Ежовым и кивает ему головой в сторону двери).

Ежов (взглянув на часы): У меня еще дѣло, нетерпящее отлагательства, так что, если позволите...

Сталин (ему): Ступай, дорогой мой! — я и один с этой сволочью справлюсь.

Ежов (с кривой усмѣшкой): Счастливо оставаться! (Уходит).

Сталин (ему вслѣд, не без ироніи): Благодарю покорно!

Радек (ползая на колѣнях перед Сталиным, почти вопит): Ой, что вы со мной дѣлаете?! и за что, хотѣл бы я знать? Если я виноват перед вами, то все же я был вашим другом и добрым совѣтчи-

ком! Или все уж забыто?!.. Забыто, что это таки я донес на Гамарника и на Корка? что это я выслѣдил Уборевича в связи с Тухачевским? Забыто, что я писал в «Извѣстіях» против Зиновьевской шайки? что я требовал публичной казни против «бѣшеных псов»?!! Все забыто? Даже и то, что я **первый** подсказал Людендорфу разрѣшить нам ѣхать сюда в plombированном вагонѣ?! — так читайте тогда Фрица Пляттен, что он пишет в «Die Reise Lenins durch Deutschland im plombirten Wagen»! Нельзя же отрицать всю заслугу у человѣка и судить его словно жулика! Я же был секретарем Циммервальдской Конференціи и руководитель политики у в Третьем Интернаціоналѣ!

Сталин (сурово): Кѣм бы ты ни был по должности, ты всегда был сволочью по своей сущности и мерзавцем, котораго давно уже слѣдовало разстрѣлять!

Радек (убѣдительно-вкрадчиво): Ну, допустим, что я мерзавец! но зачѣм же меня слѣдует разстрѣлять, если я могу еще пригодиться партіи?!.. Развѣ Ленин не учил, что «иной мерзавец потому-то и цѣнен, что он мерзавец», ибо то, что может сделать мерзавец, то никак не под силу честному дураку! И развѣ не тот же Ленин, уча, как проникнуть нам в профсоюзы, разрѣшал идти «на всяческія уловки, хитрости, нелегальные приемы, умолчанія и сокрытіе правды». Это же напечатано в полном собраніи его сочиненій.

Сталин (положив револьвер на стол): Ну, вот что! — Я тебѣ сохраню твою паршивую жизнь, но при одном лишь условіи: выдай **всѣх**, кто был в окруженіи Бухарина, Рыкова и тебя. Слышишь — **всѣх**, даже тѣх, кого пуше огня опасаться выдашь!

Радек (поднимаясь с колѣн): Но позвольте, Иосиф Виссаріонович!..

Сталин (перебивая): Ничего не позволю! — выдай сейчас же, или будет плохо. (Снова берется за револьвер).

Радек (откашливается и говорит, смотря в сторону): Крестинскій!..

Сталин: Полпред в Берлинѣ?

Радек: Он самый!

Сталин: Еще?

Радек: Раковский!

Сталин: Полпред в Парижѣ?

Радек: Он самый!

Сталин: Еще?

Радек (колеблясь конфузливо в затрудненіи): Гм... так их очень много.

Сталин: Ничего не значит!

Радек (почти на-распѣв, с улыбкой смущенія): Чернов, Розенгольц, Безсонов, Гринько, Шарангович, Ходжаев, Икрамов, Максимов-Диковскій, Крючков, доктор Левин, Плетнев, Казаков... вот и все!

Сталин (топнув ного): Нѣт, не все!.. Я знаю, с кѣм вы еще замышляли против партіи и меня. И если ты сейчас же не назовешь его имени, — не жди себѣ, Радек, пощады! Говорю тебѣ совершенно серьезно!

Радек (мнется): Ой, Боже мой, неужели я кого-нибудь забыл?.. гм... Кого же я мог позабыть, дай Бог памяти?.. (пауза). Ах, да, вспомнил!..

Сталин: Ну?

Радек (опуская голову, говорит еле слышно): Генрих Ягода!

Сталин (с удовлетворением): То-то!.. «Открывает ящик стола и с грохотом кладет в него револьвер». Твое счастье!.. — можешь идти!.. (Радек еще ниже опускает голову, как бы кланяясь, и уходит мелкими шажками из комнаты).

З а н а в ъ с .

КАРТИНА 6-ая

Кабинет народного комиссара внутренних дѣл Н. И. Ежова, — заново отдѣланный и меблированный. Это тот самый кабинет, в здании НКВД, об отравлении воздуха котораго, — с цѣлью покушенія на жизнь Ежова, — подробно говорится в Судебном Отчетѣ, по дѣлу антисовѣтскаго «право-троцкистскаго блока». (См. выпуск «Юридическаго Изд-ва» 1938 г., Москва, стр. 492-494 и слѣд.).

Три двери в глубинѣ сцены ведут: направо — во внутреннее помѣщеніе ГПУ; налево — в прихожую и «залу ожиданія»; и посреди — в корридор, сообщающійся с секретными помѣщеніями ГПУ. — Всѣ три двери завѣшены тяжелыми портьерами; когда их раздвигают и распахивают двери, — за ними неизмѣнно виднѣется стража ГПУ, несущая охрану кабинета и прилегающих помѣщеній.

Очень мало мебели заполняет эту комнату, декорированную в холодном, неуютном «казенном» стилѣ. — Направо, близко к рампѣ, массивный стол народного комиссара; за ним — большое кресло, а с боков стола — два других поменьше.

За столом, на стѣнѣ — фотографическіе портреты внушительных размѣров Сталина, Ленина и Феликса Дзержинскаго.

При поднятіи занавѣса за столом сидят: на предсѣдательском мѣстѣ — Ежов; направо от него, за узким концом стола (лицом к публикѣ) — прокурор Вышинскій, совмѣщающій в процессѣ анти-совѣтскаго блока и должность **слѣдователя**; напротив него, спиною к публикѣ — секретарь; напротив Ежова, т. е. слѣва за столом, сидит, скрестив руки на груди, Бухарин.

В то время, как судебный персонал отличается сравнительно здоровой, выхоленной внѣшностью, — Бухарин поражает измученным видом своего похудѣвшаго лица, болѣзненным румянцем, лихорадочным блеском глаз и нервными движеніями непослушных ему рук и ног.

Прокурор Вышинскій: ...и я еще раз спрашиваю: подтверждаете вы **этот** разговор с маршалом Тухачевским, или не подтверждаете?

Бухарин: В «Логикѣ» Гегеля слово «этот» считается самым трудным.

Прок. Вышинскій (Ежову): Я прошу вас, товарищ предсѣдатель, разъяснить обвиняемому Бухарину, что он допрашивается мной не в

качествѣ философа, а в качествѣ преступника, и о гегелевской философіи ему лучше помолчать, хотя бы из уваженія к гегелевской философіи!..

Бухарин: Развѣ преступник не может быть философом?

Прок. Вышинскій: Может!.. но не тогда, когда он прибѣгает к выкрутасам, желая запутать слѣдствіе в цѣлях самозащиты.

Бухарин (загорѣвшись): Мнѣ защищаться нечего! — мнѣ в этом дѣлѣ принадлежит скорѣй роль обвинителя! А если и — защитника, то не своих интересов, а всей коммунистической партіи, которую Сталин обратил в «голосующее стадо»!

Прок. Вышинскій (с издѣвательской улыбкой, — как бы «между прочим»): ... за что вы и рѣшили расправиться с ним без зазрѣнія совѣсти?

Бухар.: О совѣсти говорить не приходится, когда рѣчь заходит о Сталинѣ, — особенно послѣ того, как он дискредитировал совѣтскую демократію, уничтожил партійные кадры, организовал избіеніе комсомола и инсценировал судебные процессы, которые, вздорностью обвиненій, превзошли средневѣковые «процессы вѣдьм».

Прок. Вышин. (усмѣхаясь): Благодарю покорно!.. Но вѣдь план ареста созрѣл у вас еще в 1918 году.

Бухар.: Не Сталина только, а и Ленина. Но то были одни «разговоры».

Прок. Вышин. (Ежову): Я буду ходатайствовать о вызовѣ, в качествѣ свидѣтелей, тѣх «лѣвых коммунистов», которых Бухарин возглавлял в первые годы революціи.

Бухар.: Очень жаль, что мы тогда отказались от плана, о котором вы говорите! — тогда нам не пришлось бы сейчас пререкаться о режимѣ, который допускает осужденіе своих героических основателей! О правительствѣ, которое истребляет тѣх, кто были его вождями и безсмѣнными труженниками! О пролетарской республикѣ, в которой отмѣняется свобода труда и рабочіе прикрѣпляются к фабрикам, на подобіе рабов!

Прок. Вышин. (с ироніей): Это, конечно, похвально, что вы признаетесь в своем преступном намѣреніи, но далеко не похвально, что вы его начали приводить в исполненіе. Потому что это — вы сами знаете — пахнет статью 58-й Уголовнаго Кодекса, грозящей **смертной** казнью. И вам, говоря откровенно, тут нечего негодовать, так как вы **сами**, в своей «программѣ коммунистов» убѣдительно доказали, что пролетарское государство, как и всякое другое, **является** организаціей насилия. Вѣрно я вас цитирую?

Ежов: Тот вовсе не революціонер, — говорится у Бухарина, — кто боится насилия со стороны пролетарскаго государства.

Прок. Вышин. (Бухарину): Нѣтъ и 10-ти дней, как вы сами, в Политбюро, грозили **вышей мѣрой наказанія** за уклон от той линіи, которая вам представлялась главенствующей.

Ежов: Да уж протестовать теперь не приходится! — Сами стояли горой за смертную казнь.

Прок. Вышин.: Дѣло сводится, значит, к тому, желаете ли вы умереть, не покаившись в своих заблужденіях перед пролетаріатом, — умереть, так сказать, «собачьей смертью», — или же предвари-

тельно покаяться и тѣм оказать существенную услугу коммунистической партіи.

Ежов (Бухарину): Вѣдь вы всегда учили с кафедры и в своих книгах, что наша партія является носителем истинной доктрины, — непреложной для настоящего марксиста, что вожди ея могут ошибаться, но сама партія остается незыблема в своих главных устоях?

Бухар. (стиснув зубы): Я окажу гораздо большую услугу партіи, если изобличу такого «узурпатора», как Сталин, нежели распишусь в винѣ, которую вы мнѣ приписываете, только чтоб скомпрометировать наше правое дѣло!

Прок. Вышин. (холодно): Ваша воля!

Бухар.: Я не страшусь разстрѣла и смертью вы меня не запугаете. Но прежде, чѣм пасть под «чекистскими» пулями, повѣрьте, — я хорошо использую скамью подсудимых, в качествѣ почетной трибуны!

Прок. Вышин. (кривя губы): Не думаю, чтоб это вам далось безнаказанно! (Переглядывается с Ежовым).

Бухар. (вызывающе): Чего мнѣ бояться, раз я иду на вѣрную смерть?

Ежов (откашлявшись): Развѣ Ягода не говорил вам, что смерть уличенных в контрреволюции бывает... разная?

Ежов.: Гм... для того, чтобы преступник был приговорен к **нормальной** смерти... надо заслужить ее! (Пишет что-то на блокнотѣ и передает записку секретарю).

Бухар.: Каким образом?

Прок. Вышин. (подсовывая Бухарину мелко исписанный лист): Вот тут я сформулировал, какого рода покаянія мы ждем от вас на судѣ. Прочтите внимательнѣе и верните мнѣ бумагу с вашей подписью... (Секретарь уходит с запиской Ежова направо).

Бухар. (взглянув на прокурорскую бумагу, с возмущеніем хлопает по ней рукой): Что это за бред?.. Что за инсинуаціи вы мнѣ подсовываете для подписи?.. Я... я не знаю, из каких соображеній вам понадобилось обратить меня в «шпіона». — Я знаю только, что ни за какія блага в мірѣ не распишусь в тѣх подлостях, в каких я неповинен ни словом, ни помысленіем!.. (Секретарь возвращается на свое мѣсто).

Прок. Вышин.: Вы, значит, наотрѣз отказываете нам в признаніи, что состояли эти годы на службѣ у фашистов?.. И это вопреки тѣм фактам, какіе засвидѣтельствованы вашими друзьями?.. (Пишет что-то на клочкѣ бумаги и передает Ежову).

Бухар. (разсердившись): Какими такими «друзьями»?.. Этому так же трудно повѣрить, как тому, что вы, **будучи прокурором**, выступаете в том же процессѣ в качествѣ **слѣдователя**. — Нѣчто неслыханное в судебных анналах?

Ежов (Бухарину, строго): Ну, ну! — не забывайте, гдѣ вы находитесь!

Прок. Вышин. (Ежову, с «иезуитской» улыбкой): Я попрошу тогда немедленно об очной ставкѣ обвиняемаго с... очередным свидетелем.

Ежов (передавая записку Вышинского секретарю): Прошу исполнить требование прокурора! (Секретарь уходит направо).

Прок. Вышин. (Бухарину): Напрасно упрямитесь послѣ того, как ваш пріятель Рыков дал уже нам свою подпись под такого же рода бумагой.

Бухар. (ошеломленный): Рыков?.. Алексѣй Иванович. бывший председатель Совнаркома?..

Прок. Вышин.: Ну, разумеется! — чему вы удивляетесь? (Показывает Бухарину одну из бумаг, находящихся в его папкѣ). Можете убѣдиться, если угодно! (Бухарин, внѣ себя от волненія, просматривает предъявленную ему бумагу, в то время, как Вышинскій потирает руки, переглядываясь с Ежовым).

Бухар. (с трясущейся бородкой): Хотя я и сквернаго мнѣнія о нашем совѣтском судѣ, но, каюсь, — никогда в жизни не повѣрил бы, чтоб он дошел до обвиненія в **завѣдомо** ложных фактах. Меня просто охватывает чувство безгливости и тошноты!

Прок. Вышин.: Напрасно изволите кутаться в бѣлоснѣжныя ризы самонящей буржуазіи! — Партія большевиков, коль это нужно, имѣет право требовать от своих членов любого выступленія, самодискредитированія и даже самообвиненія в том, что партія предпишет из политических соображеній!.. (Ежов кивками головы подтверждает многократно слова прокурора). Вам, как начетчику коммунистической партіи, должно быть извѣстно, что большевику не пристали медоточивыя рѣчи о **своей** собственной чести, когда Центральнѣйшій Комитет партіи требует, чтобы данный член ея предстал перед общественным судом с «подмоченной» репутаціей! (При послѣдних словах, справа показывается секретарь, в сопровожденіи Радека. Послѣдній вполне «комильфотно» одѣтъ, выбрит, подстрижен и имѣет вид челоуѣка, довольнаго своею судьбой. Секретарь указывает ему на стул, недалеко от прокурора Вышинскаго, и возвращается на свое мѣсто).

Радек (раскланивается с Ежовым и Вышинским): Честь имѣю кланяться, глубокоуважаемые граждане!.. Буду искренно счастлив помочь правосудію разобраться в наших темных дѣлах! (Садится в отвѣтъ на пригласительный жест Ежова и с развязным видом поворачивается к Бухарину): Здравствуйте, товарищ!.. (Бухарин хмурится). Я имѣю в виду — «товарищ по несчастью».. В чем дѣло? — Я предчувствую, что вы запираетесь у в том, у в чем запираетесь теперь совершенно излишне! — Мы пойманы с поличным и нам остается только **честно** сознаться в организаціи шпіонажа по заданіям Троцкаго, — чтоб ему, «ни дна, ни покрывки»!

Прок. Вышин. (ему, — спокойным тоном): Здѣсь Рыков разсказал нам довольно послѣдовательно, как в вашем подпольи формировалась партія антагонистов Сталинской политики и как произошел переход у вас к террористическим актам. — Мнѣ хотѣлось бы теперь **выяснить, поскольку** обвиняемый Бухарин участвовал не только в **шпіонской** дѣятельности «троцкистскаго блока», но и прямо замѣшан в **военном заговорѣ** маршала Тухачевскаго.

Радек (с торопливой угодливостью): Это очень просто выяс-

нить! — Спросите только у гражданина Бухарина, чи он налаживал связь с польской развѣдкой, чи не налаживал.

Бухарин (смотря в потолок): На такого рода вопросы я не унижусь, чтобы отвѣчать!

Прок. Вышин. (ему): Вам незачѣм дѣлать постное лицо, подсудимый Бухарин! — хотите или не хотите, а нужно признаться в том, что есть. А есть вот что: у вас имѣлась группа сообщников в Бѣлорусси, возглавляемая Червяковым, Голодѣдом и Шаранговичем...

Радек: Совершенно вѣрно!

Прок. Вышин.: ... по вашей директивѣ, эти лица связались с польской развѣдкой и польским генеральным штабом.

Радек: Совершенно вѣрно!

Прок. Вышин.: Слѣдовательно, кто был организатором шпіонажа, коим упомянутыя лица занимались?

Радек: Рыков и Бухарин!

Прок. Вышин.: Значит, можно вас считать шпіоном, или нѣт?

Бухарин (Вышинскому): Считайте меня за кого угодно! — я вам в этом лживом навѣтѣ поддакивать не намѣрен!

Радек: Почему «лживом»? Откуда такое недовѣріе к моим словам? — Вы всегда так чутко относились к моим замѣчаніям!..

Бухарин: А с вами, подлый предатель, я вообще разговаривать не намѣрен!

Радек (с улыбкой превосходства): «Подлый предатель»?!.. Хорошенькое дѣло! Почему я «подлый предатель», — объясните, пожалуйста! Потому что я стою за раскрытіе правды перед судебной властью? Или потому, что у меня память лучше, чѣм у вас, когда рѣчь заходит о шпіонажѣ?.. (К Ежову и Вышинскому): Почему я «подлый предатель», хотѣл бы я знать?

Бухарин: Потому что вы знаете не хуже меня, что я никогда не был шпіоном и не мог им быть по самому складу своего характера, хотя, правда, и полагал, что в Бѣлорусси и на Украинѣ привольнѣе жилось бы под властью интеллигентных фашистов, чѣм под властью таких изувѣров, как Сталин.

Радек (Ежову и Вышинскому, — страстным тоном доносчика): Вы слышите, как мыслит этот безумец? Отсюда только один шаг, чтоб открыть фронт непріятелю и погубить всю совѣтскую власть.

Прок. Вышин. (Бухарину): К чему же, собственно, сводилась роль, которую вы взяли на себя среди всѣх этих шпіонов, диверсантов и просто убійц, терроризировавших наше правительство?

Бухарин («профессорским» тоном): Я был занят **проблематикой** общаго руководства и **идеологической стороной**, что, конечно, не исключало моей освѣдомленности относительно практической стороны дѣла.

Прок. Вышин. (с нескрываемым издѣвательством над Бухариным, обращается к Ежову, ища его поддержки): Вот и извольте оцѣнить роль этого господничка, занимающагося якобы не руководством всевозможных преступлений, а «проблематикой» этих преступлений, не организаціей этих чудовищных преступлений, а «идеологической стороной» этого чернаго дѣла!.. Как вы слышали, — пойманный с

поличным Бухарин призывает в свидѣтели самого Гегеля, бросается в дебри лингвистики, филологіи и риторики, бормочет какія-то ученныя слова, лишь бы как-нибудь замести слѣды. Я не знаю другого примѣра, гдѣ бы шпион и убійца орудовал философіей, как толченым стеклом, чтобы запорошить глаза своей жертвѣ перед тѣм, как раз мозжить ей голову!

Радек (Бухарину, не без пафоса и с развязностью, доходящей до неприличія): Стыдно, гражданин Бухарин!.. Стыдно двоерушничать перед товарищем слѣдователем, который, не покладая рук, развязывает узел ваших государственных преступленій. Надо быть **честным** в своем покаяніи, когда вас поймали с поличным. Надо честно признать свою вину и указать, в данном случаѣ, без изыятія, на ближайших сообщников. **Честность** перед партіей и ея судебными органами — вот священная обязанность всякаго большевика!.. Берите примѣр у в с меня, гражданин Бухарин! — имѣйте, наконец, мужество сознаться в своих контрреволюціонных дѣяніях и расписаться в своих государственных преступленіях.

Ежов (взглянув на часы): Спасибо, свидѣтель Радек! (Вышинскому): Товарищ прокурор не имѣет больше вопросов к свидѣтелю?

Прок. Вышин.: Благодарю. Я вполне удовлетворен очной ставкой.

Ежов (Радеку): В таком случаѣ мы вас больше не задерживаем. (К секретарю): Проводите свидѣтеля! (Секретарь встает, чтобы исполнить приказаніе).

Радек (с чувством гадливости): Стыдно, гражданин Бухарин! (Низко кланяется Ежову и, гордо подняв голову, как челоуѣк, исполнившій свой долг, — уходит направо, в сопровожденіи секретаря).

Прок. Вышин. (Бухарину, вертя бумагу, данную им обвиняемому на подпись): Итак, вы наотрѣз отказываетесь расписаться в том, что работали, как **шпион**, по заданіям фашистов и, в связи с этим, ѣздили так часто за границу?

Бухарин: Я не мѣняю своих слов каждыя 10 минут!

Прок. Вышин.: Жаль! потому что чистосердечное раскаяніе могло бы, в данном случаѣ, смягчить вам наказаніе.

Бухар. (смѣясь): Так я вам и повѣрил! — Зиновьеву и Каменеву тоже, небось, было обѣщано сохранить жизнь, а между тѣм, их разстрѣляли самым вѣроломным образом.

Прок. Вышин.: Напрасно так думаете! — совѣтская власть дорожит своим словом, а кстати и такими свидѣтелями, которые ей могут еще не раз пригодиться.

Ежов (Бухарину): Развѣ ваш пріятель Ягода не говорил вам о своем изобрѣтеніи «загробной казни»?

Бухарин: «Загробной казни»?

Ежов: Ну, да! — о так называемой «второй смерти»? (Секретарю, вернувшемуся в кабинет): Вы подготовили смертников, о которых я говорил?

Секретарь: Так точно! — Они к вашим услугам.

Ежов: Приведите-ка их сюда! (Секретарь уходит в среднія двери).

Прок. Вышин. (Бухарину): Вы сейчас убѣдитесь в своем заблужденіи...

Ежов (встает и, перебивая Вышинскаго, обращается к нему): Хотите сдѣлать перерыв покамѣст?

Прок. Вышин. (встает): Ничего не имѣю против.

Ежов: Пойдемте тогда в буфет на минуту — промочить глотку.

Прок Вышин.: Спасибо! (Оба направляются к правой двери, в момент, когда из средних дверей появляются Зиновьев и Каменев, в сопровожденіи секретаря. За дверями видна четко тюремная стража, стоящая на дежурствѣ).

Ежов (обернувшись на ходу к секретарю): Перерыв! — Можете отдохнуть. Стража дежурит?

Секретарь: Так точно!

Ежов: Идемте с нами! (Всѣ трое уходят направо. — Бухарин, не вѣря глазам своим, подходит к Зиновьеву и Каменеву и смотрит на них, как на выходцев с того свѣта. Они и в самом дѣлѣ похожи, своим угрюмым видом, исхудалыми, сѣрыми лицами и обтрепанными, выцвѣтшими одеждами, на привидѣнія).

Бухарин (послѣ паузы): Вот уж не думал застать вас в живых!.. Что это значит?

Зиновьев (сдавленным голосом, озираясь по сторонам): Это значит, что ад существует!..

Бухарин: «Ад»? В каком смыслѣ?

Каменев: В самом настоящем!

Зиновьев: Говорили, что это «поповскія выдумки», а между тѣм, ад дѣйствительно существует и притом — невообразимый!

Бухарин: Что за ерунда!.. Объясните, в чем дѣло?

Каменев: Гм... очень просто: в газетах и родственикам объявляют, что такіе-то преступники разстрѣляны, а между тѣм их лишь зачисляют в покойники, чтобы можно было с ними поступать, как заблагоразсудится: лупить почем зря, кормить всяким гнильем и изводить до чертиков здорово-живешь.

Зиновьев (торопясь высказаться): Меня третьяго дня так отодрали нагайкой, что я до сих пор сидѣть не могу... Вѣдь это же нечто неслыханное!

Каменев (Зиновьеву): А все потому, что ты пререкаешься с надсмотрщиками... Бери примѣр с меня: я, как ягненок, держусь: что прикажут, то и дѣлаю! — велят мемуары писать, пишу мемуары; велят отхожія мѣста чистить, чищу отхожія мѣста; велят спяна кусок мыла сожрать, жру его безпрекословно... Оттого и любимцем стал среди смертников.

Зиновьев (ему): У тебя нѣтъ самолюбія! — тебѣ легко. Но не всѣ же, как ты!

Каменев: Самолюбіе?.. А на кой чорт мертвецу самолюбіе?.. И вообще какое может быть у покойников самолюбіе?.. Вѣдь нас не существует по официальным данным, значит и самолюбія нашего не существует больше.

Зиновьев: Парадокс и больше ничего! Смѣшно подумать, что, когда ты правил Москвой, тебя считали первым сибаритом в Россіи.

Каменев: Об этом надо забыть, потому что, чѣм больше ты тю-

ремщикам напоминаешь о своем прежнем величии, — тѣм сильнѣе у них охота набить тебѣ морду. — «Бывшій предсѣдатель Коминтерна»?! — Ну, так валяй его, чтобы не зазнавался!

Зиновьев (Бухарину): Мой добрый совѣтъ: соглашайтесь на любое самообвиненіе! распишитесь в любом преступленіи! согласитесь играть самую унижительную роль на судѣ! — лишь бы они вас **в самом дѣлѣ** разстрѣляли, а не только на бумагѣ. Ибо это — хуже смерти! в тысячу раз хуже!

Бухар. (недоумѣнно): Развѣ вы не вдосталь бичевали себя на судѣ, чтобы заслужить нормальную смерть?!

Зинов. (с горькой ироніей): Мы каялись на 60%, а Сталин хотѣл, чтобы на всѣ 100.

Камен. Вышло просто недоразумѣніе и мы не теряем надежды...

Бухар. (живо): Покончить с собой?

Камен. Испросить на то разрѣшеніе.

Зинов. Иначе немислимо! (показывая на двери) — вездѣ «архаровцы» надзирают.

Камен. Коль замѣтят поползновеніе, — садись на голодный паек или ѣшь отбросы. У каждого ада есть своя преисподняя.

Зинов. С них самих строго взыскивают.

Камен. Помните слова Троцкого: «самоубійство в подвалах Лубянки является недостижимой роскошью».

Бухар. (пройдясь по діагонали кабинета): Что ж это получается в концѣ концов?.. процесс между властью и подсудимыми проходит на самом дѣлѣ не на судѣ, а за его кулисами; в партійных комитетах, а не в органах судебного слѣдствія; в наркоматѣ внутренних дѣл, а не юстиціи!

Камен. Развѣ для вас это новость?

Зинов. Что вы с луны упали, товарищ?

Бухар. (внезапно останавливается, что-то вспомнив): Я вам не товарищ, послѣ того, как вы меня предали! И я до сих пор не понимаю, на кой чорт вы так сподличали!

Зинов. Да развѣ мы виноваты, что нас опоили в ГПУ такой гадостью, от которой воля человѣческая расслабляется и начинается припадок откровенности.

Бухар. (скептически): Какой такой «гадостью»? Еще чего выдумаете!

Камен. (с «юмором висѣльника»): А такой, которой Ягода больше всего в жизни гордится.

Бухар. Уж не он ли выдумал «загробную казнь»?

Зинов. Ну, а кому же другому могла такая штука придти в голову?

Камен. (лихорадочно): Правда, что и он попался на удочку Сталина?

Бухар. Ежова, вы хотите сказать?

Зинов. Ну — Ежова! Здѣсь такой слух прошел.

Бухар. Это правда! Ягода под арестом и судится заодно с нами.

Камен. (чуть не подпрыгнув от злорадства): Вот когда он сам испытает, что такое «загробная казнь»!

Зинов. Уж я ему все припомню, проклятому шарлатану!

Камен. (продолжая торжествовать): Исчадьям ада — мѣсто в аду! Он сам его себѣ приготовил. Я начинаю вѣрять в роковой ход событий. (Справа, в сопровожденіи Вышинскаго и секретаря, возвращается Ежов; всѣ трое, видимо, глотнули «живительной влаги»).

Ежов (Бухарину, посмѣиваясь): Ну, что? как поживают «разстрѣлянные»? Убѣдились в их добром здоровьи?

Прок. Вышин. (Бухарину): Вразумила вас бесѣда с ними?

Ежов: От вас, как теперь видите, зависит **выбор смерти**. Подумайте об этом и дайте нам завтра отвѣтъ... (Секретарю, усаживаясь за стол): Отпустите обвиняемаго и отошлите смертников!.. (Секретарь уводит Бухарина направо, а Зиновьева и Каменева — в среднюю дверь).

Прок. Вышин. (сидя на своем мѣсто, заглядывает в папку): Сегодня предстоит закончить допрос Ягоды и его помощника Буланова.

Ежов (игриво, щелкая пальцами): И еще одну особу.

Прок. Вышин. (снова заглянув в папку): Совершенно вѣрно! — Двѣ очных ставки сразу.

Ежов (завидѣвъ возвращающагося секретаря): Приведите-ка сюда Ягоду и Буланова.

Секретарь: Слушаюсь! (уходит направо).

Ежов (Вышинскому): Вы должны, в своей обвинительной гѣчи, подчеркнуть, как можно рѣзче, что всѣ эти троцкисты, зиновьевцы и бухаринцы — просто **капитулянты**, которые, под маской революціонных фраз, добивались восстановленія у нас капитализма. И когда же? Тогда, когда наша страна стала наслаждаться уже счастьем коммунистическаго строя, — того строя, который превратил бѣдную, отсталую Россію в богатѣйшую и могущественнѣйшую пролетарскую державу.

Прок. Вышин. (записывая, словно «под диктовку», слова Ежова): Святая истина! и вы гениально ее выразили, Николай Иванович... (Секретарь к этому моменту вводит Ягоду и Буланова. — Оба обвиняемых имѣют нѣсколько «пришибленный» вид, хотя и стараются держаться «молодцами»).

Ежов (Ягодѣ и Буланову): Садитесь! (Указывает им мѣста перед собою и обращается к Вышинскому, кончающему запись): Вы хотѣли продолжить допрос обвиняемых...

Прок. Вышин.: Сю минуту! (Приводит в порядок лежащія перед ним бумаги).

Секретарь (Ежову): Разрѣшите вопрос Ягодѣ?

Ежов: Сдѣлайте одолженіе!

Секрет. (Ягодѣ, разбираясь в своих бумагах): Когда вы **крестились?**

Ягода (соображая): «Крестился»?

Секрет.: Да; — в год поступленія на царскую службу?

Ягода: В началѣ войны.

Секрет.: А не раньше? (Записывает).

Ягода: Нѣтъ. До войны не было резону спастись в «охранкѣ». А когда стали призывать на передовыя позиціи... ну, тогда другое дѣло! (Усмѣхается).

Секрет. (Записывает, улыбаясь): Понимаю!

Прок. Вышин. (Ягодѣ): Возвращаясь к покушенію на товарища Ежова, — нашего наркома внутренних дѣл (слегка кланяется в сторону Ежова), я хотѣл бы выяснитъ подробности отравленія этого кабинета. (Показывает на окружающія стѣны). Что вы можете прибавить к своим показаніям?

Ягода: Я это дѣлал не из личной мести, а чтоб спасти себя, с заговорщиками, которых Ежов уже начал громить. Отравленіе же этой комнаты (оглядывает ея стѣны) производил фактически не я, а Буланов. (Показывает на недалеко усѣвшагося от него Буланова).

Прок. Вышин. (Буланову): Что вы можете сказать по этому поводу?

Буланов: Я ни черта не смыслю ни в химіи, ни в медицинѣ. И все же, по приказанію Ягоды, смѣшал ртуть с кислотой и велѣл опрыскать этой смѣсью ковры, портьеры и сукно вот на этом столѣ. (Показывает на стол). Брала мы пульверизатор из «уборной» Ягоды... И старательно, должен сказать, опрыскивали, — так, чтобы от вдыханія яда Николай Иванович безпремѣнно скончался бы в этой комнатѣ (кланяется в сторону Ежова); да видно я чего-то не сообразил, по химической части, — вот наше старанье и пропало даром!

Ежов (смѣясь): Ай-ай-ай! Как же это так подвели вашего Генриха Григорьевича? — Он, поди, был здорово опечален такой неудачей? а?.. (Вышинскій и секретарь тоже начинают смѣяться).

Буланов (Ежову, потупив взор): Коли не подвел бы, так не вы сидѣли бы на предсѣдательском мѣстѣ, а Генрих Григорьевич.

Ежов: А я на его мѣстѣ, хотите вы сказать?

Буланов: Ежели б выжили. (Общій хохот).

Ежов (Ягодѣ): Нѣтъ, серьезно, Ягода, почему вы меня не прикончили из-за угла? — Это было бы куда проще!

Ягода (усмѣхаясь): Покорно благодарю! — Чтоб нарваться на свидѣтелей и потом оправдываться перед Сталиным?

Буланов (подакивая): А так — «шито-крыто»..

Ежов (договаривая): ...пока все не обнаружилось. (Общій смѣх).

Ягода: Ну, да вѣдь, кто мог ждать предательства из-за спины?.. Ваше счастье, что такая **стерва** нашлась среди моих близких!

Ежов (перебивая): Чшшш!.. Что толку браниться теперь попустому?.. (К Вышинскому): Имѣются еще вопросы к Буланову?

Прок. Вышин. Да! Я хотѣл бы выяснитъ, посылал ли подсудимый деньги Троцкому или нѣтъ?

Ягода (бурно реагируя на слова Вышинскаго): Никаких денег я Троцкому не посылал

Прок. Вышин. Так ли?

Буланов (Ягодѣ): Изволили запомнить, Генрих Григорьевич! (Вышинскому): Еще в позапрошлом году Ягода предупредил меня, что придет один человѣкъ, которому я должен выдать 20 тыся **долларов**. А когда я доложил потом, что приказанье исполнено, — Ягода мнѣ велѣл и впредь выдавать этому человѣку субсидіи для Троцкаго, потому что тот сильно нуждался.

Прок. Вышин. А как звали этого посредника между Ягодой и Троцким?

Булан. (трет себѣ лоб): Гм... Мирон-Абрамов.

Ягода: Я категорически отрицаю, что посылал деньги Троцкому и понятія не имѣю о Миронѣ-Абрамовѣ.

Прок. Вышин. Прекрасно! Мы это сейчас же проверим самым доскональным образом. (Пишет записку и передает ее Ежову, а тот, улыбнувшись, — секретарю, который уходит с нею налѣво).

Ягода (в нѣкотором смущеніи): Не может быть, чтоб я запятывал!.. Впрочем, на моем посту мнѣ приходилось встрѣчаться с такой массой народа, что... все, конечно, возможно!.. (Секретарь вводит слѣва, из «залы ожиданія», Зинаиду Попову. Она уже не в траурѣ, — наряженная по послѣдней парижской модѣ 1936-1937 гг. — Ежов здоровается с ней за-руку и ласково усаживает между собой и Вышинским, — лицом к Ягодѣ).

Прок. Вышин. (ей, слегка кланясь): Мы вас вновь побезпокоили, чтобы выяснить очень важный вопрос: посылал ли Ягода, находясь на посту комиссара внутренних дѣл, т. е. будучи призван охранять нас от таких врагов, как Троцкій, — посылал ли он этому самому Троцкому денежки за границу?..

Зинаида (соображая): Не могу сказать опредѣленно, но... вообще Ягода часто поручал мнѣ передачу денег нѣкоторым лицам!..

Прок. Вышин. Напримѣр?.. Кому?..

Зинаида: Доктору Левину, Плетневу, Казакову...

Прок. Вышин. Ну, а в долларах случалось?

Зинаида: Случалось и в долларах.

Прок. Вышин. Кому, напримѣр?

Зинаида (припоминая): Ну, напримѣр... Мирону-Абрамову.

Прок. Вышин. (поспѣшно записывает, с улыбкой удовлетворенія): Мирону-Абрамову. (Послѣ паузы, Ежову): У меня нѣтъ больше вопросов к свидѣтельницам. (Ей): Премного благодарен.

Ежов (привставая и протягивая Зинаидѣ руку): Вы свободны, товарищ Попова! (Секретарю): Отпустите и Буланова!.. (Секретарь проводит Буланова до дверей направо и возвращается на свое мѣсто).

Зинаида (пожимая руку Ежова): Сестра просила поблагодарить вас за содѣйствіе ея отъѣзду. Она крайне тронута вашей любезностью.

Ежов: Когда она уѣзжает?

Зин. Она уже уѣхала вчера с курьерским.

Ежов: Вы тоже, я слыхал, собираетесь к ней в Париж?

Зин. Да, но это уже по окончаніи процесса.

Ежов: Само собой разумѣется!

Ягода (привстав, — Ежову): Разрѣшите мнѣ задать вопрос гражданкѣ Поповой.

Ежов: Пожалуйста!

Ягода (слегка нервничая): Вы уѣдете с моим ребенком? да?... Я хотѣл бы его повидать перед этим.

Зин. (с подчеркнутой безжалостностью): Ваш ребенок умер... умер... Вы этого не знали?—так знайте, что его нѣтъ больше в живых! И слава Богу, что с его смертью порвалась послѣдняя связь между нами!.. Лелѣять ваше потомство, — потомство величайшаго преступ-

ника в мірѣ, лгать кругом, унижаться до общенія с вами и притворяться, что люблю вас, становилось мнѣ уже не под силу! (Вдруг вспомнив что-то, вынимает из сумочки драгоценный браслет, подаренный ей Ягодой, и кладет его на стол). Само воспоминаніе об «Октябринах» нашего младенца мнѣ стало в тягость и я вам возвращаю этот «сувенир»!.. (Ягода потянулся было к браслету, но Ежов его предупредил).

Ежов (разглядывая браслет): Ого!.. откуда этот браслет... из «Исторического музея»?!.. (Смотря в глаза Ягодѣ): Еще одно доказательство расхищенія вами государственных имуществ!.. Ну и низко же вы пали, мой милый!.. (Зинаидѣ, прощаясь с нею): Благодарю за лишній штрих к характеристикѣ моего... предшественника!

Зинаида (подавая ему руку): Досвиданья!

Ежов: Всего хорошаго! (Она кивает головой Вышинскому и уходит налѣво).

Вышин. (Ягодѣ): Я одного не понимаю: как вы могли так долго «служить двум господам»: — партіи, возглавляемой Сталиным, и его врагам, возглавляемым Троцким?

Ягода: Что ж тут непонятнаго?!.. Жизнь это игра, гдѣ надо ставить иногда на двух лошадей сразу! — Какая выиграет, от той и поживиться... Я и ставил на Сталина и на Троцкаго сразу.

Прок. Вышин.: Да, но ваши политическія симпатіи?..

Ягода: Какіе к чорту «симпатіи»!.. (Встает и разминает члены, слегка потягиваясь). — Ни программа троцкистов, ни сам Троцкій не вызывали во мнѣ ни малѣйшей симпатіи. Но, как глава ГПУ, я отлично знал о той ненависти, какая растет у народа в отношеніи Сталина. Вот я и ждал, какая «лошадь» выиграет в состязаніи, заранѣе готовясь примкнуть к той сторонѣ, на чьей будет побѣда.

Прок. Вышин.: Цинично! но... по крайней мѣрѣ откровенно!

Ягода: А чего мнѣ стѣсняться, когда пѣсенка моя уже спѣта и маска болѣе не нужна!

Прок. Вышин.: «Маска»? Какая «маска»?

Ягода (вздыхает): Я всю жизнь ходил в **маскѣ**, выдавая себя за большевика, которым никогда не был!

Прок. Вышин.: Зачѣм же вы притворялись?

Ягода: Затѣм, что носом чуял: — придет время большевиков и начнется дѣлежка наслѣдства буржуев! (Потирает руки) — будет, чѣм поживиться!.. Да и не я один **актерствовал** в этом родѣ, а почти всѣ, начиная со Сталина... Вглядитесь только, что сейчас происходит на **подмостках** Россіи! — всѣ власть-имущіе дѣйствуют **под псевдонимами**, словно в **театрѣ**, ходят в **масках**, потайными ходами, **притворяются** вѣрнопопданными ея величества Партіи и пресмыкаются перед ея вождями, которых нарывают стащить за ногу и сбросить в подвалы Лубянки. Всюду одна лишь **комедія**: — комедія служенія народу. Комедія обожанья вождей! Комедія суда и принесенія повинной! Комедія, наконец, смертной казни! Какая-то безпардонная **игра в театр** или кровавая **мелодрама**, какія сочинялись в прежнія времена, на потѣху черни! — Вот, что такое наше теперешнее житье-бытье. Одни играют роли «благородных отцов народа», другіе доносчиков-предателей, третьи «роковых женщин», четвертые «пала-

чей»! (показывая на себя). И все это несуразное **представленіе** дается с серьезным видом, словно ни въсть какое остроумное «ревью»!

Прок. Вышин. (с кривой улыбкой): И за **чей** счет?

Ежов: За счет несчастнаго народа, который тратит на такое «зрѣлище» послѣдніе гроши.

Ягода (усмѣхаясь): Ну, что ж! — Не даром же ломаться пред народом, который терпит подобныя зрѣлища!

З а н а в ѣ с.

Н. Евреинов.

ТАЙНА ДѢТСТВА

(Из воспоминаний Б. П. Вышеславцева)

Трудно изобразить, передать маленькій узкій мірок дѣтства. Для взрослого духа, безконечно раздвинувшаго свои границы до предѣлов біографическаго, историческаго, національнаго, общечеловѣческаго и даже космическаго сознанія, он кажется тѣсным «тупичкомъ», в котором нѣтъ, собственно, ничего **объективно-значительнаго** и о котором мало можно рассказать интереснаго; и, однако, **субъективное значеніе** этого «микрокосмоса» огромно — обратно пропорціонально его объективной незначительности и миниатюрности. Не только потому оно огромно, что переживанія дѣтства опредѣляютъ всю нашу судьбу и характер, как маленькія причины опредѣляютъ большія слѣдствія, не только по своимъ біографическимъ послѣдствіямъ оно заслуживаетъ глубокаго вниманія, какъ учитъ «психоанализъ» — нѣтъ, и самъ по себѣ микрокосмосъ дѣтства есть «цѣлый міръ, полный безконечности», только безконечность эта совсѣмъ другая и особенная: безконечность **безсознательнаго**, а не безконечность сознанія; безконечность **субъективная**, а не объективная; безконечность **интенсивная**, а не экстенсивная.

В этомъ — особое эстетическое очарованіе дѣтства, в этомъ его притягательность для памяти, в этомъ насыщенность и полнота его «**миниатюр**». И оно принципиально связано съ **эстетическимъ** воспріятіемъ міра. Дѣтство «поэтично» потому, что в поэзіи есть непременно нѣчто дѣтское: «поэзіи ребяческіе сны»... Даже инфантильное: «поэзія, прости Господи, должна быть глуповатой». Дѣти суть величайшіе поэты и «**фантасты** в своихъ играхъ, они постоянно видятъ **сны наяву**»; и эту дѣтскую способность необходимо охранить, чтобы потомъ фантазировать и «играть» в качествѣ взрослого артиста, музыканта и поэта. Часто говорятъ, что «в артистахъ есть нѣчто дѣтское»; важно сохранить это **дѣтское**, важно, чтобы не

«Исчезли при свѣтѣ просвѣщенія
«Поэзіи **ребяческіе сны**»...

И, однако, «просвѣщеніе», **ум** — тоже не должны исчезнуть. Свѣтъ Логоса необходимъ для великой поэзіи и великаго творчества — «ребяческіе сны» недостаточны. Об этомъ говоритъ и Евангеліе: «не будьте дѣти по уму» и, однако, «будьте, какъ дѣти». Это значитъ нужно сохранить в себѣ **нѣчто дѣтское** и преодолѣть **инфантильное**. Современная психологія хорошо показала негативный смыслъ

«инфантильности», дурного мальчишества с его кулачным правом, комбативностью, революционным протестом. Есть люди навсегда остающиеся «мальчишками». Но необходимо показать позитивный смысл дѣтскости, **поэзіи дѣтства**. Она состоит в **близости к бессознательному**, в архаичности и символичности, в игрѣ фантазіи, в снах наяву, в прелести пробужденія души;

«Есть бытіе — но именем каким
Его назвать? — ни сон оно, ни бдѣнье;
Меж них оно, и в человѣкѣ им
С безуміем граничит разумѣнье».

Прикосновеніе к этому бытію доступно только поэзіи и дѣтству. В этом и состоит поэзія дѣтства и вѣчное дѣтство поэзіи. И другое прикосновеніе к нему еще возможно: через **безуміе**; оно одинаково родственно и дѣтским фантазіям и поэтическим снам наяву, и оно в качествѣ «священнаго безумія» необходимо для творчества и вдохновенія (Платон).

Это — таинственный мір фантазіи и невыразимых чувств, мір чародѣйства, опасный для душ; в нем живут страшныя рожи и прекрасныя видѣнія, в нем живет «царь-дѣвица», сказочныя мечты дѣтства и вмѣстѣ с тѣм вѣчная греза поэтов.

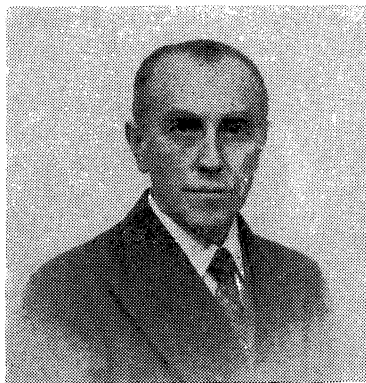
«Но я вижу, я знаю, живет гдѣ-нибудь,
Гдѣ-нибудь да живет Царь-Дѣвица...
Как достигь до нея — не ищи, не гадай;
Не раздумье, не ум, но **безумье** в тот край,
Но удача принесть тебя может...»

Мы видим, как двусмысленно это **полусознательное** — полусознательное бытіе, и как опасно пребываніе в нем: «священное безуміе» здѣсь граничит с самым бесплодным сумасшествіем; поэзія дѣтства — с самой вульгарной инфантильностью.

Бывают сны, которые трудно, иногда невозможно рассказать — и даже самому себѣ. Они ярки, реальны, насыщены чувством, полны значенія, пока их видишь и переживаешь, но когда хочешь рассказать и выразить в понятіях, то все ускользает, или становится банальным, незначительным... Таков и сон дѣтства. То, что было нам безконечно цѣнно и дорого, что заставляло плакать, как-будто не заслуживает вниманія читателя, даже знакомаго собесѣдника; то, что кажется глубоко индивидуальным, интимным, моим — превращается в общія мѣста, для всѣх одинаковые образы и событія. Вот почему рассказы о дѣтских воспоминаніях часто невыносимо скучны. Рассказывается о строгости отца, о красотѣ матери, о елках, подарках, о ссорах с братьями и наказаніях. Все это никому не интересно, потому что не интересно самому себѣ. Вспоминается, как милый вздор, как забавныя мелочи со снисходительной улыбкой, с сознанием превосходства своей взрослой персоны с ея важными дѣлами. Такая **персона** обычно не знает цѣнности дѣтства, его архаической поэзіи и глубины, — и вмѣстѣ с тѣм, в своей дѣловитости сохраняет всѣ дефекты инфантилизма. Об этой суетной «дѣловитости» Августин сказал: «дѣла суть игры для взрослых».

Сны рѣдко представляют собою связно развивающуюся исторію, обычно это ряд импрессиональных образов, большой насыщенности и силы. Точно также и наше дѣтство. Его можно вспомнить и вообразить, но трудно рассказать: оно «безсловесно» (алогично). Только искусство знает тайну подобнаго импрессиональнаго изображенія. Как передать тот особый мір, какой свойствен дѣтству? Я вспоминаю лучшія достиженія импрессионизма, напр., хоть Коровина: какой-нибудь стакан чаю на лѣтней террасѣ, теплую бронзу в вечерней гостиной, утренній сумрак, в котором свѣтится фарфор... есть что-то непостижимо-значительное в этом уголкѣ с фарфоровой чернильницей, какой-то утренній трепет перед невѣдомой далью жизни. Именно так я видѣл мір в дѣтствѣ. А когда я любил прятаться один вечером в темной высокой гостиной моей бабушки, с ея французскими диванчиками и бронзовыми амурами, я слышал ту самую музыку далеких времен, которая звучит у Чайковского в спальнѣ графини, в этой пустынной спальнѣ, гдѣ вѣют духи рококо и жуткаго Каліостро. И когда я впервые услышал эту интродукцію оркестра при пустой сценѣ, я тотчас понял, что она говорит о том, что было в гостиной моей бабушки. И еще один примѣръ: это «Щелкунчикъ» Чайковского — в нем все наше дѣтство, всѣ переживанія московской елки съ ея дѣтской фантастикой, с невыразимой грустью убѣгающих времен, вложенной в этот вальс.

Вот это все я и хотѣл-бы передать, сохранить, спасти «времен от вечной темноты».

Б. П. Вышеславцев.

Мой первый мір был «отчій домъ», «материнское лоно», из котораго я вышел на свѣт. Только этот выход совершается совсѣм не мгновенно, в день рожденія; человек долго и постепенно «выходит на свѣт», выходит в этот широкій, интересный и опасный мір из маленькаго «тупичка» дѣтства. И этот выход, это первое окно в безконечность — особенно интересно.

Оно было в Москвѣ, в старой дореволюціонной Москвѣ восьмидесятих годов, в «домѣ церкви Св. Евыла». А эта церковь. — розовая церковь в два этажа — стояла на углу Мясницкой и Милютинскаго переулкa. Она была потом снесена, как и многія церкви, большевиками. В этом церковном домѣ, во втором этажѣ, протекло мое дѣтство, отрочество и юность. Отсюда я увидѣл мір, патриархальный мір старой Москвы, гимназію эпохи Александра III и Делянова, коронацію двух монархов, наконец даже университет...

Извѣстно, что годы в дѣтствѣ текутъ очень медленно, а в старости очень быстро. Это оттого так, что человѣкъ усваивает в первые годы жизни безконечно много. Я хорошо помню себя 4-х и 5-ти лѣтъ, до рожденія моего брата. Наш дом — это был, конечно, пѣлый мѣ, насыщенный невыразимыми чувствами уюта, жуткости и непонятной тоски.

Вот, я вижу себя в своей дѣтской вечером. Топится печка, бѣлая изразцовая печка, которую так пріятно трогать руками, когда она горячая. Я сижу с няней перед открытой заслонкой и смотрю, как очарованный, на красные угли, играющіе синими огоньками. Няня кочергой разбивает «головешки» и загребаёт угли. Она рассказывает мнѣ про Апостола Петра (а на дворѣ, должно быть, была холодная весна и ранняя Страстная): «и вот и предсказал Господь Иисус Христос Петру, что будет он трижды отречься, когда пѣтух пропоет, а тот зачал креститься да божиться, что никогда, мол, не отрекусь. А как начались страсти Господни, стал Петр скрываться да пробираться и приходит на двор к Понтійскому Пилату, а на дворѣ стужа стоит — и вот видит, развели жида огонь и сидят пѣтуха жарят. А одна жидовка его и узнала, и говорит, что ты, дескать, Петр — Апостол Христов. Тут и начал Петр креститься и божиться, что никакой он не Апостол, и не знает, мол, какіе такіе Апостолы бывают, — а пѣтух-то со сковороды, как вскошет, да как пропоет трижды — тут Петр все и вспомнил и заплакалъ горько»... А я сижу с няней на скамеечкѣ перед открытой заслонкой и, как очарованный, смотрю на красные угольки, на вспыхивающіе послѣдніе «головешки» и жалѣю, что няня их разбивает, чтобы скорѣй «загребать» уголья; и мнѣ хорошо понятно, почему так сидѣли «жиды» и смотрѣли на огонь, и почему Апостол Петр тоже подошел посмотреть и погрѣться... Так и остались навѣки в душѣ эти милые теплые огоньки дѣтства: как сейчас, вижу эти изнутри свѣтящіеся рубины, по которым блуждают, играют и манят вверх предательскія синія вспышки...

И потом, гораздо позже, вставая в зимнія сумерки в гимназію, я всегда чувствовал уют родного дома всего сильнѣе, слушая, как тянет и пылает и гудит утренняя печка в нашем большом корридорѣ с гардеробами, шкафами и буфетами. И вот нужно покинуть этот «очаг» и идти через неуютные переулки и тоскливые дворы в гимназію, в большой, суровый, неумолимый и чужой мѣр...

Странно, что я вспомнил прежде всего «очаг»; вѣдь это домашніе боги: лары и пенаты! Вѣдь это Веста, священная душа отцов и предков! И вот желая их вернуть, спасти из вод забвенья — я бессознательно начал с того, что раздулъ покрытый золою «домашній очаг». Есть великое очарованіе в древнѣйшей греко-римской религіи, которая велит хранить алтарь домашних богов, алтарь предков, и никогда не угашать его пламень, ибо в нем живет душа наших отцов, которая нас любит и охраняет, если мы ее не забываем и питаем своею любовью и не жалѣем «жертвовать» ей силы нашей души, что-то отдавать от себя, подобно красному яичку на могилу (обычай, далеко уходящій в до-христіанскій архаизм древнѣйших религій). Как же мнѣ, русскому гимназисту 80-х годов, с перваго

класса окруженному бюстами героев и богов: Аполлонами, Ахиллами и Цезарями — как-же мнѣ не узнать своего родства с древними ларами и пенатами, когда и отец мой говорил, возвращаясь из суда домой: «ну, теперь к родным пенатам!»

Для меня существовали три міра: наша квартира в домѣ церкви св. Евпла, квартира бабушки в домѣ Черткова на Мясницкой и — Москва, старая патриархальная Москва с Чистыми Прудами, Мясницкой, Кремлем, куда няня водила меня гулять.

Квартира бабушки — это тоже «цѣлый мір, полный безконечности». В него я погружался в воскресенье на цѣлый день. От нас она была совсѣм близко. Но меня одѣвали, как в далекій путь: шерстяные «гамашы», безконечные шарфы на шею и платки на голову. Стоит московская зима... Пролетки не гремят, поскрипывает снѣжок... Няня в своем стеганном салопѣ и в шерстяном платьѣ, ведет меня «за ручку»... Косое морозное солнце. Пересѣкаем Милютинскій переулок За церковной оградой лежит тихій снѣг, испещренный вороньими узорами. На углу Мясницкой стоят знакомые извозчики, это Гараська и Никита. «Мясницкая, дом Черткова» — вот, гдѣ живет моя бабушка. Каждый старый москвич помнит этот дом, старый дворянскій дом с двумя крылами и большим полукруглым въѣздом с Мясницкой. Одно крыло было на углу Фуркасовскаго переулка, и в нем помѣщался книжный магазин Карцева, а потом Думнова, и притом помѣщался во 2-м этажѣ. Туда вела снизу широкая большая лѣстница. Окна второго этажа были большія, зеркальныя. Другое крыло того же дома, с такими же окнами, выходило на Мясницкую со стороны Милютинскаго переулка. В нем помѣщалась роскошная квартира моей бабушки. Но эта роскошь было ничто в сравненіи с былой, княжеской роскошью всего этого «Чертковскаго дома». Это был цѣлый дворец, цѣлое государство, выходившее на три улицы... Я осмотрѣл его впослѣдствіи, уже взрослым, и понял, что это один из блестящих особняков старой знати, повидавшему обѣднѣвшей, или жившей за границей. Боковые два крыла сдавались под магазины и квартиры. Но когда-то это палаццо составляло единое цѣлое с огромным количеством зал и комнат.

Прямо с улицы, полукругом, парные сани лихо взвивались к крытому, каменному подъѣзду и вы входили в мраморный вестибюль с колоннами. Здѣсь во время балов и пріемов лакеи берегли господскія шубы. А наверх шла торжественная лѣстница, дальше огромный зал с тѣм замѣчательным паркетом, который встрѣчался только в Россіи и еще в Венеціи... Осматривая этот огромный дом, с его холодными гостиными, с его странными переходами и закоулками, я старался угадать эту пышную минувшую жизнь, которая здѣсь протекала. Мнѣ показали и то крыло дома, гдѣ помѣщалась родная мнѣ квартира. Вполнѣ взрослым я вошел в давно покинутый мір перваго дѣтства... Это потрясающее впечатлѣніе! Да, все так! Все здѣсь! И вмѣстѣ с тѣм ничего нѣтъ, все прошло!

В этой странной пустотѣ я спрашивал себя: гдѣ же та жизнь, которая все это наполняла? Гдѣ эти родныя лица, голоса, объятія, присутствіе которых так неотъемлемо, так очевидно? Когда они бы-

ли со мной, я утверждал их вѣчное присутствіе и совершенно не допускал их гибели и исчезновенія.

Но, спрашивая так, я стоял в Москвѣ, на Мясницкой, в родном городѣ — а теперь он безконечно далеко, нельзя пойти и посмотреть, да и нѣтъ, пожалуй, дома Черткова, как нѣтъ церкви св. Евпла на углу, как нѣтъ Храма Спасителя, как нѣтъ Сухаревой башни, как нѣтъ многих домов, улиц и церквей. Впрочем, нѣтъ и гораздо большаго: нѣтъ цѣлаго космоса русской жизни, нѣтъ ея Атлантиды!

И, вот, на склонѣ жизни, на далекой чужбинѣ, «пришедше на запад солнца, видѣвше свѣтъ вечерній», хочу вспомнить свѣтъ утренній, хочу согрѣть золу на алтарѣ отцов.

Пятилѣтним мальчиком поднимался я в квартиру моей бабушки. В дѣтствѣ поражают и запоминаются запахи: совсѣм особо пахла бабушкина квартира, совсѣм не так, как папин кабинет с его «гильзами» и табаком, или мамин туалет с ея пудрами и духами. Послѣ долгаго разматыванія платков и раздѣванія в передней, я проникал в большую «залу». Московскія «залы» представляли собою большія, а иногда и огромныя комнаты с блестящим паркетом, с роялем, со стульями по стѣнам, с неизмѣнными зеркалами в простѣнках, в них было чувство простора, пустоты и ненужности. Они годились лишь для «балов» и музыки. Но бабушкина зала была своя и родная, в ней стоялъ концертный рояль красного дерева, серебряные подсвѣчники на «ломберных» столиках под зеркалами. Налѣво к залѣ примыкалъ небольшой кабинет дѣдушки — там играли в шахматы и пахло сигарами. Странно, что я всегда думал, что иду к бабушкѣ, хотя там же существовал и дѣдушка, хозяин дома, котораго я любил и не боялся. Но бабушка занимала огромное мѣсто в моем дѣтствѣ.

Направо из залы шла гостиная. Меня поражала, почти пугала убѣгающая высота ея потолка, и я чувствовал что-то особое в этой комнатѣ, гдѣ появлялись чужія надушенные дамы, гдѣ лежал французскій ковер с огромными розами, гдѣ стояли изогнутые диванчики и кресла и лампа, поддерживаемая амурами. Вечером, в темнотѣ, были жутки тѣни, бродившія далеко наверху. Я чувствовал красоту, смотрѣвшую на меня из каких-то иных времен, гдѣ протекала иная жизнь. Но особыя чувства ранняго дѣтства столь же яркие, как и невыразимы. Скажу только, что я всегда узнавал впослѣдствіи в этом стилѣ моцартовскаго вѣка чувство бабушкиной гостиной и отзвук играемых ею сонат. Чайковский лучше всего передал впослѣдствіи то весело-фривольный, то жуткій дух того вѣка. Послѣ гостиной шел бабушкин «будуар», угловая комната с большими зеркальными окнами на Мясницкую: одно окно открывало другую сторону улицы; помню вывѣску «Урлауб», магазин машин, и дом, в котором жили мои родители, когда поженились — так мнѣ рассказывали... Другое окно открывало вид на Мясницкую, убѣгавшую в сторону Лубянской площади. Направо был книжный магазин Бр. Салаевых (впослѣдствіи Думнова); налѣво, по ту сторону Мясницкой, начинался Златоустинскій переулочек, гдѣ была маленькая часовня и вход в Златоустинскій

монастырь, куда меня водила богомольная няня. Вмѣстѣ с тетей Агньюшей, которая была другом моего дѣтства и только на 6-7 лѣтъ старше меня, мы любили зимой смотрѣть в окна на издали мчащіеся по Мясницкой шикарные выѣзды «своих лошадей», и когда вороной рысак одиночкой, или сѣрая пара под синюю сѣткой неслись нам навстрѣчу, взрывая облака снѣга, мы наперерыв кричали: «моя, моя!». Лошади обыкновенно восхищают мальчиков, но они восхищали и мою тетю, которая по характеру была настоящим мальчишкой и стала позже в деревнѣ страстной наѣздницей.

В этом «будуарѣ» бабушка старалась меня занимать: она показывала мнѣ старую флейту моего прадѣда. Этот инструмент, со своими сложными клапанами, почему-то возбуждал во мнѣ страх, он казался непонятным орудіем; тогда как кремневый пистолет, который прадѣд брал с собой во время далеких путешествій «на лошадах», мнѣ сразу понравился и заинтересовал, а впоследствии, уже восьмилѣтним мальчиком, я его выпросил у бабушки, чтобы «охотиться» в паркѣ за иволгами в ея тульском имѣніи, — «охотиться», конечно, в воображеніи, ибо кремневый пистолет давно превратился в игрушку.

Другая дверь из «будуара» вела в спальню дѣдушки и бабушки, гдѣ стояли рядом двѣ бѣлоснѣжных постели с лакированными спинками орѣхового дерева, и гдѣ не было ничего интереснаго для меня; но дальше был темный, жуткій и безконечно интересный выход в сложные переходы, закоулки, корридоры с большими тяжелыми, красного дерева хозяйственными шкафами. Дѣти обожают такіа таинственныя пространства; отсюда несовсѣм понятным образом можно было проникнуть в кухню, к толстой и властной кухаркѣ Маврѣ, с веселыми карими глазами. Можно было еще проникнуть в столовую, но еще интереснѣе — по лѣстницѣ на антресоли, гдѣ жили «барышни». Барышни — это были мои молодые тетки, и их комната называлась по старой памяти «дѣтской». Мнѣ казался уютным низкій потолок этих «антресолей», здѣсь не было никакого холоднаго и мрачнаго величія, окна были полукруглыя, на уровнѣ пола. «Туалет» барышень был карельской березы с большим зеркалом — русскій ампир. Впоследствии я всегда так себѣ представлял спальню Татьяны. Вѣдь в этом старом барском «чертковском» домѣ еще цѣликом присутствовал вѣкъ Пушкина, от котораго меня отдѣляли тогда всего какія-нибудь 50 лѣтъ.

К бабушкѣ меня приводили по воскресеньям на цѣлый день, и «барышни» вели меня гулять, на Кузнецкій Мост, к Бартельсу покупать пирожныя. Этот Бартельс сохранился очень поздно, чуть ли не до революціи и его должны помнить всѣ старые москвичи. Но многое не сохранилось, конечно, со времен моего дѣтства, а теперь и вообще нѣтъ старой Москвы. Думаю, однако, что «дом Черткова» еще стоит, хотя едва ли кто помнит его старую дворянскую фамилію.

Тетя Саша и тетя Агнюша ведут меня «через улицу». Идем мимо «Братьев Салаевых», загибаем по Фуркасовскому переулку, пересекаем Малую Лубянку... Налѣво стоит на Малой Лубянкѣ церковь (в Москвѣ всюду были разбросаны приходскія церкви). Проходим мимо стѣны Третьей гимназіи, гдѣ впоследствии мнѣ пришлось прой-

ти восьмилѣтнюю страду. Тогда я и не подозревалъ еще, что такое «гимназія». Это было счастливое первое дѣтство, с его беззаботнымъ воспріятіемъ міра и людей, вѣриѣ — дѣтство, незнающее, что такое «счастье» и «несчастье». Только отрочество узнает, что такое «забота». Гимназія была полна забот и тревог. Только юность узнает, что такое счастье и несчастье. Дѣтство просто вдыхает и впивает с удивленіемъ всѣ запахи и ароматы міра: ладан, табак, духи, запахъ мороза и московскаго снѣга... И еще непрестанно смотрит и видит, впрочем, что-то свое.

Мы шли на угол Большой Лубянки и Кузнецкаго; прямо перед нами — церковь Успенія; налѣво, на углу Фуркасовскаго и Лубянки — Бауэр, винный магазин; дальше, налѣво — Генералов, гастрономическій магазин, с его розовой лососиной, балыками, окороками и виноградомъ в окнѣ; еще дальше — сад за оградой и в глубинѣ фотографія Мебіус, гдѣ снимались мои тетки и мама, всегда в задумчивыхъ позах, опершись на какую-то античную балюстраду, увитую виноградомъ. Позже, уже взрослымъ, я не могъ безъ смѣха видѣть этихъ фотографій барышень с ихъ дѣвственными косами, перекинутыми черезъ плечо, с ихъ скромными лицами, на которыхъ еще «не отразилось ничего».

Ничего этого не было уже в мои студенческіе годы: ни Генералова, ни Мебіуса, ни садика за рѣшеткой, ни такихъ барышень с косами, ни такихъ ложно-классическихъ фотографій. Но Кузнецкій, с его банками, ювелирами, пассажирами, кондитерскими, с его Теодоромъ и Бастонжогло, с его солидно-заграничнымъ Нанксомъ, с его шикарными домами и экипажами, рос и богатѣлъ. Москва моего дѣтства была скромнѣе, уютнѣе, провинціальнѣе, патриархальнѣе. Старая Москва имѣла свой московскій мірокъ, мало знавшій о существованіи большого міра. Но у меня тогда былъ еще только дѣтскій мірокъ, в которомъ происходили открытія: горизонтъ расширялся отъ Милютинскаго и Мясницкой до Кузнецкаго и Чистыхъ Прудовъ, даже до Никольской и Кремля, куда няня водила меня гулять. Но сначала впечатлѣнія Кузнецкаго. Помню, направо: Яковъ и Юсифъ Кон — вѣнская мебель, Фраже — мельхиор и серебро. Налѣво: оптический магазинъ, приковылавшій мое вниманіе своими трубами, колбами и микроскопами, и, наконецъ,—Бартельс... Поднимаемся по небольшой лѣстницѣ, открываемъ двойную стеклянную дверь с мѣдными поперечными держалками, пахнуло сразу привѣтливымъ теплымъ запахомъ горячаго хлѣба. Пирожныя — в самой глубинѣ магазина, на мраморномъ прилавкѣ... Мнѣ предоставляется выбирать. Барышня все укладываетъ в корзиночку изъ древесныхъ дранокъ и завязываетъ ленточкой. Слѣдуетъ обратный путь, раскутываніе и раздѣваніе в передней. Пахнетъ воздухомъ и холодными шубами. Бѣгу къ бабушкѣ..., но в гостиной у нея дамы, с визитомъ. Онѣ разодѣтыя, какъ говоритъ моя няня. От нихъ пахнетъ духами и пудрой, но очень «чужія» и мнѣ с ними неуютно. Они говорятъ съ бабушкой о «неинтересномъ», о чемъ обыкновенно говорятъ «большіе», а мнѣ улыбаются и спрашиваютъ, но все какъ будто «нарочно», не настоящему, не такъ, какъ няня и мама. Я вижу, что это какія-то странныя созданія, но еще далекіе годы должны пройти, пока я, наконецъ, пойму, что «дамы» — это женщины. Чувствую только, что

онѣ говорят не так, как говорят свои у нас дома. Дѣти прекрасно чувствуют, что чужія дамы, обращаясь к ним, вѣчно что-то изображают, и от этого становится скучно и неловко. Но дамы скоро уходят.

Мы обѣдаем в столовой. Суп с клецками, который почему-то дѣти не ѣдят без принужденія: «за папу, за маму, за бабушку»... все с трудом и по ложечкѣ. Затѣм большой ростбиф на кости, как подавался только в Россіи и назывался филей, с жаренным картофелем шариками и с салатом из красной капусты. Затѣм пирожныя от Бартельса. Выбирать — это цѣлая проблема... Со мною рядом сидит бабушка Анна, — это сестра моей бабушки, — которая приходит по воскресеньям обѣдать на положеніи бѣдной родственницы (как я понял впоследствии). Послѣ обѣда, когда все уберут и зажгут лампы (электричества еще долго-долго не существовало), и когда я побѣгаю по лабиринту корридоров и шкафов и загляну в кухню к Маврѣ, что особенно интересно, начинается столовая моя бесѣда с «бабушкой Анной». Я ее люблю, конечно, меньше, чѣм мою настоящую бабушку. В дѣйствительности это было созданіе странное: эгоистическое, ограниченное, очень богомольное, и цѣликом поглотившее жизнь своей дочери. Но бабушка Анна мнѣ рассказывает сказки про бабу-Ягу, при этом мнѣ рисует ея избушку с большой русской печью, с кочергой, ухватом, и котом на печи, и с самой бабой-Ягой со страшным носом крючком. Этот рисунок дѣтски-примитивный вижу, как сейчас. Я видѣл и тогда его «нереальность», но сквозь него я видѣл и угадывал настоящую бабу-Ягу, она вставала из древней первобытной души моего народа, из его жутких и темных зимних ночей...

Но вот вечер кончается. Прощаніе с бабушкой. Няня ведет домой. Мы выходим во двор Чертковскаго дома. Темнота. Сугробы на дворѣ. Пахнет морозом и сѣменами из складов Иммера. И вот помню, однажды выйдя с няней в этот родной, знакомый двор, я увидѣл нѣчто новое; ночное небо — черное, морозное глубокое небо с лучистыми, совсѣм маленькими, но страшно живыми точками звѣзд. Дѣти обыкновенно гуляют днем, а не ночью, и дневное небо я знал и, конечно, не замѣчал. Но это черное небо над трубами домов меня удивило и воспоминаніе о нем я сохранил навсегда. Оно вошло тогда впервые в ряд дѣтских удивленій и образов вмѣстѣ с темным двором, бабой-Ягой, запахом московской зимы. Безконечно далеким и безконечно родным кажется мнѣ это видѣніе. И я спрашиваю себя, неужели и теперь я могу увидеть ту самую звѣзду, которая послала свой луч в темный двор чертковскаго дома маленькому мальчику с няней. Нѣтъ, никогда больше не могу увидеть! Ум как будто говорит, что можно, но сердце чувствует, что нельзя. То, что я теперь вижу, — это «звѣздное небо надо мною», которому удивлялся Кант, небо философов и ученых... страшные шары, несущіеся неизвѣстно куда во мракѣ и безмолвіи безконечных пространств. Но первая звѣзда ранняго дѣтства — ее можно увидѣть только из отчуждающаго дома, из темноты родного двора...

И вот, сквозь темные ворота чертковскаго двора выходим мы с няней опять в Милютинскій переулок. Чистый свѣжій снѣжок чуть

тронут полозьями саней, мерцают газовые рожки фонарей... (кто помнит их, эти старые московские фонари?). Тишина зимой... Вот за рѣшетками темныя таинственныя окна нашей церкви. Вот желѣзные, запертые засовом, ворота нашего дома. У ворот «дежурит» дворник Максим в огромной овчинѣ, как медвѣдь..., но он свой и его рыжая заиндѣвѣвшая борода торчит привѣтливо. Он гремит тяжелыми засовами и мы входим в родной, знакомый двор. От кого, от каких врагов, охранялись московскіе дворы тѣх времен, точно флорентійскія палаццо ренессанса, превращенныя в крѣпости. Зачѣм «дежурили» эти звѣроподобные дворники? Или вылѣзали из своих «сторожек» в накинутом тулупѣ на жгучій мороз, чтобы ночью отворять ворота «господам»? Но вот, мы с няней дома. «Пора спать!..» и я вижу себя в «дѣтской» — няня меня укладывает, я лежу в постелькѣ с плетеными шнурочками держалок... Няня в углу на своем сундукѣ (всѣ няни всегда спали на сундуках). Это большой черный сундук, гдѣ лежит ея «добро». Он рѣдко отпирается и она не любила показывать, что там. Но я видѣл, что он внутри был оклеен бумагой с картинками. В дѣтской горит зеленая лампадка перед образом Екатерины-Мученицы, и я повторяю за няней: «Богородица Дѣва — радуйся, благодатная Марія, Господь с Тобою»... От образов идут тѣни по потолку. Около шкафа висит что-то страшное, противная рожа на тощем, длинном тѣлѣ... Вспоминается Баба-Яга-костяная нога. Почему-то особенно страшна эта «костяная нога». Свѣтъ лампадки рождает видѣнія во всѣх углах. И вот я зову: — «Няня, а няня!»... Она отвѣчает не сразу: — «Спи, спи, грѣховодник!» Но я долго не сплю: я вижу образы богатырей, волшебников, колдунов, домового, и, наконец, черного кота на печкѣ у Бабы-Яги... Неправда, что все это няньки наговорили дѣтям. Онѣ лишь разбудили образы, дремавшіе в душѣ, в народной душѣ с незапамятных времен. И эти образы космическаго-безсознательнаго связаны с родной землей, с родными лѣсами, болотами, оврагами, омутами... Только в русском домѣ может появиться «домовой». В парижской квартирѣ это непонятно. Русским дѣтям заграничей всѣ эти образы ничего не говорят и, странно, старыя русскія няни, которых еще вывезли в Париж, этих сказок больше не рассказывают... Но когда я впервые — семилѣтним мальчиком — увидѣл в Малом Театрѣ «Сон на Волгѣ» Островскаго и когда там в темных покоях спящаго «Воеводу» появляется маленькій шустрый «домовой» с фонариком в рукѣ (его играла маленькая Щепкина, в русской рубашкѣ и штанишках), я сразу узнал его, как нѣчто родное, домашнее, хотя и жуткое. Так же узнавали мы и всѣ страшныя видѣнія Гоголя. Они потому и страшны, что свои — и этот «Вій», и этот Колдун из «Страшной мести», и вся эта нечисть, врывающаяся сквозь рѣшетку в окна церкви. Никогда я не забуду, с каким трепетом я начинал вмѣстѣ с Хомой Брутом каждую новую ночь читать в церкви над покойницей-панночкой. А носящійся гроб и страшное появленіе «Вія» было настоящим потрясеніем! Все, о чем говорит Гоголь, есть русскій космос, который живет в душѣ, поскольку душа живет в нем. Мнѣ было 13 лѣтъ, когда я все это впервые читал в «страхѣ и трепетѣ». Потом, уже наклонѣ дней, заграничей, я перечел все и удивился, что «страха и

трепета» больше не было: яркость образов исчезла, демоны, русалки, домовые покинули мир.

На Святках в Москвѣ по вечерам в окнах сіяли елки. Задолго до Сочельника можно было видѣть на Театральной площади, около Китайской стѣны, цѣлый лѣс елок. На салазках, на извозчиках, тащили их по всему городу в веселой предпраздничной суетѣ... Я впервые увидѣл-запомнил елку, когда мнѣ не было еще пяти лѣт, мой младшій брат еще не родился. На цѣлый день меня отправили к бабушкѣ. Это было обычное дѣло, и я не подозрѣвал ничего исключительнаго. Вечером с няней я возвращался обычным путем, по снѣжку, тихо падали снѣжинки маленькими звѣздами. Мы позвонили у нашей двери, обитой сукном, празднично сіяла мѣдная вычищенная дощечка на двери и мѣдная ручка звонка. Из передней (она была большая, с окном во двор) бѣлая двухстворчатая дверь вела прямо в залу. Эта дверь торжественно распахивается и я вижу море огня, чудесное теплое золотое сіяніе сквозь темную зелень родной ели. Она подымается до потолка со своим розовым ангелом со звѣздой на верху. Она украшена всѣми воплощеніями дѣтской фантазіи: херувимами, человѣчками, обезьянками, лошадами, сіяющими шарами, морозными нитями, пряниками, крымскими яблочками, золочеными орѣхами, непонятными фигурками причудливых форм... Разсмотрѣть все это и осознать сразу невозможно. Я останавливаюсь в изумленіи. Бабушка играет марш из «Тангейзера» со всѣм блеском и бравурностью своего темперамента. Я его запомнил навсегда, как символ торжественной радости, и лишь много лѣт спустя узнал, что это «Тангейзер». Но вот, под елкѣй, я вижу новое чудо: настоящія санки и лошадь в запряжкѣ — сани, в которыя я могу сѣсть и возжи, которыми могу править — мечта каждаго мальчика тѣх времен, когда еще не было автомобилей, аэропланов и даже велосипедов, а всего только лошади, как в древнем Римѣ или у Скифов, или в этой милой древней Москвѣ моего дѣтства.

Но свѣчи догорают, взрослые переходят в столовую. Если вы хотите увидѣть и пережить русскую елку, воскресить милое «Рождество» далекаго дѣтства — то знайте, что его музыка еще жива. Чайковскій сохранил ее в своем «Шелкунчикѣ» навѣки. Лишь взмахнет его волшебная палочка, как возстанут в душѣ «Святки», зажгутся свѣчи, запахнет хвоей елки, засіяют, засверкают, запляшут и зазвѣят картонажи дѣтской фантазіи. Китайскіе богдыханы с колокольчиками, восточные чалмы из 1001 ночи, лихіе русскіе плясуны и сам Шелкунчик... А вот и сам Чайковскій садится за рояль и играет, как он любил это дѣлать, послѣдній вальс для танцующей молодежи — для этих русских «барышень» и юношей, душа которых, влюбленная, тоскующая и очарованная, ему понятна и созвучна. Простой как-будто вальс, но что в нем скрыто, это никогда не поймет Вѣна или Париж. В нем для меня оживают русскія «Святки», поэзія русских балов и романтизм «Благороднаго Собранія». Таких собраній больше не существует, как не существует и «барышень». Но искусство сохраняет все, что прекрасно и цѣнно, в своей «вѣчной» памяти и имѣющіе уши могут это слышать...

Б. Вышеславцев.

КАК РОССИЯ ПОМОГЛА СОЮЗНИКАМ ВЫИГРАТЬ В 4 ГОДА ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

(Из личных воспоминаний)

В настоящее время в международном общении больше не слышен голос России, за нее говорят коммунистические дипломаты, не склонные вспоминать о том, что было нами достигнуто до их прихода к власти. Но те русские, которые пережили тяжелый период борьбы до-революционной России с Германией и ее союзниками, не нарушая истины, с чувством справедливого удовлетворения, могут открыто сказать, что в войну 1914 года Россия помогла своим союзникам не только (как любят утверждать иностранцы), жертвою миллионов русских жизней, но и разрешением одного из главных вопросов в деле истощения Германии, которое сыграло такую значительную роль в окончательной победе держав тройственного согласия.

Россия в лице ее блокадных организаций внесла в дипломатическую работу союзников новый элемент — воображение — и это позволило преодолеть препятствия, стоявшие на пути полной изоляции Германии от внешнего мира, препятствия, против которых обычные приемы классической дипломатии оказались бессильными.

Позвольте, скажет читатель, причем тут дипломатическая работа. Блокада это дело военного флота. Это когда военные суда захватывают и арестуют торговые корабли, везущие военное снабжение неприятелю. Дипломаты тут не при чем.

Это до известной степени правильно, но не совсем.

Блокада конечно орудие войны. Современная стратегия учит, что победа есть факт не материального, а психологического порядка. Иначе нельзя было бы объяснить, каким образом рота солдат берет иногда в плен батальон численно гораздо ее сильнейший.

Суворов обычно одерживал свои победы, имея меньше войск, чем его противник.

Победа есть психологический эффект — внушение врагу *сознания*, что он побежден.

Армия и флот стремятся достичь этого эффекта путем истребления и разрушения, блокада же пытается сломить волю противника более медленным путем. Закрывая доступ к неприятелю необходимого военного снабжения (а в последние войны также и продуктов питания населения), блокада должна подорвать волю народа к сопротивлению путем *истощения*.

Это очень старое испытанное и могущественное орудие войны,

очень популярное в Англии. тѣ оно получило в прошлом широкое при-
мѣненіе.

Блокада с помощью искусной пропаганды, руководимой лордом Нортклиф*) добилаь того, что война закончилась до рѣшительнаго пораженія нѣмецких армій. В результатѣ трехлѣтней блокады населеніе Германіи оказалось в таких тяжелых условіях жизни, что оно взбунтовалось, свергло власть Императора Вильгельма II и замѣнило его правительством, подписавшим перемиріе на условіях, предложенных президентом США Вильсоном (без анексій и контрибуцій). Нѣмцы и до сих пор утверждают, что первая міровая война была ими проиграна вслѣдствіе “удара в спину” арміи социал-демократіей.

Главными противниками идеи блокады всегда были и остаются нейтральныя страны.

Тѣ, кто сумѣли остаться в сторонѣ от военных дѣйствій (т. е. объявили себя нейтральными) естественно очень недовольны, когда воюющіе начинают мѣшать их торговлѣ.

Нейтральные выдвинули принцип “свободы морей”, получившій свое реальное выраженіе в цѣлом рядѣ международных соглашеній, ограничивающих права блокады.

Так, прежде всего, было запрещено вмѣшиваться во время войны в торговлю нейтральных стран между собою. Корабль под нейтральным флагом, идущій из одного нейтральнаго порта в другой, тоже нейтральный, также не подлежит захвату независимо от того, что он везет.

Блокада, чтобы быть законной, должна была быть не только наперед объявлена, но и дѣйствительна, т. е. объявившій блокаду должен был имѣть достаточное число кораблей, чтобы остановить всѣ подлежащія по правилам блокады захвату суда и т. д.

Эти постановленія международного права, ограничивающія права блокирующаго, оказались роковыми для союзников в войнѣ 1914 года.

Очень скоро послѣ начала войны обнаружилось, что морская блокада Германіи помогает очень мало. Тройственный Союз (Германія, Австро-Венгрія и Италія) был окружен нейтральными странами: Скандинавскими и Голландіей на сѣверѣ, Швейцаріей на юго-западѣ и Румыніей на юго-востокѣ. Флоты Тройственного Согласія (Англія, Франція и Россія) не имѣли права останавливать нейтральные корабли, шедшіе в порты Голландіи, Норвегіи и Швеціи, и оттуда германскій блок получал все ему необходимое из заокееанских стран: сырье для промышленности и продукты питанія для населенія.

Нужно было что либо предпринять и выход был найден в формѣ блокадных договоров с нейтральными странами, дававших союзникам право контроля над торговлей этих нейтральных стран с непріателем. Союзныя Министерства Иностраннх Дѣл не были приспособлены к этой новой работѣ и в Англіи и Франціи были созданы новыя спеціальныя блокадныя организаціи; в Англіи, которая несла на себѣ главную тяжесть блокадной работы, в формѣ Министерства Блокады.

Во главѣ новаго Министерства был поставлен один из выдающихся политических дѣятелей лорд Роберт Сесиль.

Во второй половинѣ 1914 года в Парижѣ состоялась междуна-

*) Извѣстный владѣлец группы англійских газет: — «Times», «Daily Mail» и других.

родная блокадная конференція. Россія на ней была представлена морским агентом Кап. I ранга Дмитриевым и Совѣтником русскаго посольства в Парижѣ — Севастопуло.

На этой Конференціи было рѣшено, что Россія должна также устроить у себя подобную же блокадную организацію. Протоколы и другіе матеріалы по этой Конференціи были посланы Севастопуло в Министерство иностранных дѣл, а Дмитриевым в Морской Генеральный Штаб.

В Штабѣ они попали ко мнѣ, как консультанту по экономическим вопросам.

Убѣдившись, что в Министерствѣ Иностранных Дѣл ничего по этому поводу не дѣлается, я разработал и составил положеніе о междусоюзном блокадном Комитетѣ в С. Петербургѣ. Проект через Начальника Штаба адмирала Русина и морского министра адм. Григоровича был внесен в Совѣт Министров и утвержден без особых возраженій.

Эта блокадная организація состояла из междусоюзнаго Комитета, многочисленнаго учрежденія из представителей Англіи и Франціи и от всѣх заинтересованных русских министерств. Собирался он не слишком часто и рѣшал главным образом вопросы общаго направленія нашей блокадной политики.

Предсѣдателем Комитета был назначен Петръ Бернгардович Струве с правами товарища министра.

Текущая блокадная работа была возложена на Управление дѣлами Комитета, завѣдывать которым (с правами директора департамента) было поручено мнѣ. Комитет не принадлежал ни к какому Министерству, но для того, чтобы он мог вносить необходимые новые проекты в Совѣт Министров, он считался в вѣдѣніи (личном) Министра Торговли и Промышленности, бывшаго морского офицера князя Шаховскаго.

Комитет был учрежденіем секретным и для внѣшняго міра носил названіе Экономической Канцеляріи при Министерствѣ Торговли.

В іюнѣ 1917 года с отказом П. Б. Струве от участія в правительственной дѣятельности, по его совѣту и рекомендаціи, мѣсто как Предсѣдателя Комитета, так и Директора Экономическаго (бывшаго 2-го) Департамента Мин. Ин. Дѣл было предложено мнѣ. По примѣру Англіи, гдѣ лорд Роберт Сесиль был одновременно министром блокады и товарищем М-ра Ин. Дѣл, и у нас было рѣшено соединить эти двѣ должности в одном лицѣ, тѣм болѣе, что в теченіе войны дипломатическая работа блокады не только не сократилась, но наоборот постоянно приобретала все большее значеніе.

Одним из чрезвычайно важных вопросов, подлежавших разрѣшенію блокадными организаціями, был вопрос о прекращеніи снабженія Германіи высокопроцентной желѣзной рудой.

Как извѣстно, для веденія важных операцій сталь абсолютно необходима, и в современной войнѣ ее нужно имѣть в громадном количествѣ.

Пушки, которыми стрѣляют, и снаряды, которыми убивают людей и разрушают укрѣпленія, производятся из стали; танки, моторизованный транспорт и многое другое, необходимое арміи для ея военных операцій, дѣлается из стали или желѣза, и до сих пор не удалось

найти ничего, что могло бы быть употреблено вмѣсто этого металла для снабженія солдат необходимым им новѣйшим оружіем.

Не имѣя своих нефтяных источников, Германія во время войны наладила у себя добычу промышленным путем нефти из угля; естественная резина (каучук) была замѣнена синтетической; вмѣсто хлопка и шерсти стали употреблять целлюлозу и т. д., но пушки, стрѣлявшія в союзных солдат, и снаряды, их убивавшіе или калѣчившіе, попрежнему были стальными.

Естественно и понятно поэтому, что вопрос снабженія Германіи желѣзной рудой очень беспокоил союзное командованіе и правительства держав Тройственного согласія настоятельно требовали от своих блокадных организацій принять рѣшительныя мѣры к тому, чтобы закрыть в Германію доступ руды из заграницы.

В Европѣ высокопроцентная желѣзная руда находится главным образом в двух мѣстах: в Испаніи, которая является главным источником снабженія англійских заводов, и в Швеціи, отправлявшей ее в огромных количествах в Германію.

Из окрестностей Кируны (на сѣверѣ Швеціи) руда шла по желѣзной дорогѣ к Ботническому заливу и оттуда на пароходах по Балтійскому морю подавалась прямо к нѣмецким чугуноплавильным или сталелитейным заводам.

Конечно пароходы эти были под ударами наших подводных лодок, но практика показала, что число перехваченных или потопленных на этом пути судов было слишком мало, чтобы серьезно вліять на снабженіе Германіи шведской рудой. Кромѣ того, в случаѣ крайности руду можно было доставить в Германію и по желѣзной дорогѣ.

Прекратить этот подвоз, имѣвшій такое важное значеніе для дѣйствій нѣмецких войск, можно было только путем заключенія со Швеціей блокаднаго договора, чего союзныя блокадныя организаціи и добивались в теченіе первых 2½ лѣтъ войны.

Но тщетно. Шведское правительство рѣшительно противилось установленію какого бы то ни было союзнаго контроля над ея торговлей, ссылаясь главным образом на то, что такой контроль будет нарушеніем ея суверенитета.

Дѣятельность С.-Петербургскаго блокаднаго Комитета подробно описана в книгѣ сэра Самюэля Хора (**Sir Samuel Hoar**), бывшаго одним из двух англійских членов Комитета, но сэр Самюэль покинул Россію вмѣстѣ с миссіей лорда Мильнера перед началом февральской революціи (в шутку говорили, что революцію задержали, чтобы не тревожить знатнаго и высокопоставленнаго гостя) и нижеописанныя событія прошли уже без его участія.

О договорѣ со Швеціей сэр Самюэль рассказывает, но уже не по личному опыту, слѣдующее:

“Послѣ многих безуспѣшных попыток с консервативным правительством союзникам удалось заключить удовлетворительный блокадный договор с новым либеральным правительством Швеціи.

Струве и Нордман, дѣйствуя от имени Комитета, приняли живое (**prominent**) участіе в этих переговорах. Главным образом благодаря их усиліям было, наконец, достигнуто взаимное пониманіе по многим вопросам, которые так долго раздражали шведов и вредили союзникам.

Было дѣйствительно трагично, что Россія вышла из войны за нѣсколько мѣсяцев до ратификаціи соглашения, которое окончательно закрыло восточную дверь в Германію и впервые гарантировало русской промышленности свободное получение машин, резины и другого сырья, в которыхъ она такъ нуждалась***)

Это описаніе не совсѣмъ точно в одномъ отношеніи.

Какъ было указано выше, П. Б. Струве ушелъ в отставку сейчасъ же послѣ извѣстныхъ іюньскихъ событій в СПетербургѣ, англійская же нота относительно договора со Швеціей была получена нами лишь в іюль.

В этой нотѣ, ссылаясь на совершенно непримиримую позицію, занятую на конференціи в Вашингтонѣ шведскими представителями по отношенію къ предложеніямъ союзниковъ о заключеніи блокаднаго договора, Великобританское Министерство Иностранныхъ Дѣлъ в весьма категорической и настойчивой формѣ сообщало, что, ввиду предстоящаго провала конференціи в Вашингтонѣ, союзники рѣшили блокировать Швецію.

Для насъ это рѣшеніе представляло большія опасности.

Во-первыхъ, черезъ Швецію, особенно в зимнее время, когда Архангельскъ не работалъ, шло наше снабженіе изъ заграницы, о размѣрахъ котораго можно судить по тому, что отъ одной Англіи мы пользовались на эту надобность кредитомъ в 300 мил. фунтовъ стерлинговъ (300 милліардовъ франковъ) в годъ.

С другой стороны блокада Швеціи означала переходъ ея окончательно на сторону Германіи, т. е. мы, в результатѣ ея, могли получить новый фронтъ на сѣверѣ.

Создалось очень трудное положеніе.

Отказаться отъ предложенія англичанъ о совмѣстной с ними блокадѣ Швеціи было невозможно, а согласиться — тяжело и опасно.

Нота попала “по принадлежности” в Экономическій Департаментъ и я предложилъ отвѣтить англичанамъ, что мы согласны, но просимъ, прежде чѣмъ начинать блокаду, сдѣлать еще разъ попытку договориться со шведами дипломатическимъ путемъ. А самъ, для вѣрности, заѣхалъ къ совѣтнику англійскаго посольства Линдлею и просилъ его, чтобы посольство поддержало наше предложеніе. Линдлей былъ вторымъ членомъ отъ Англіи в блокадномъ Комитетѣ, и у насъ с нимъ были хорошія отношенія: онъ обѣщалъ сдѣлать, что возможно.

Черезъ нѣсколько дней пришелъ отвѣтъ, что англичане согласны.

“Ну”, — сказалъ мнѣ министр, какъ мнѣ казалось съ нѣсколькими ироническою улыбкой. — “Вы заварили эту кашу, вы ее и расхлебывайте. Собирайте чемоданъ, поѣзжайте в Стокгольмъ, Лондонъ или вообще куда понадобится и заключайте договоръ со Швеціей”.

В Стокгольмѣ в это время нашимъ посланникомъ былъ Гулькевич**), очень способный дипломатъ, котораго я встрѣчалъ у П. Б. Струве. В этомъ отношеніи все было благополучно, полное содѣйствіе нашего посольства было обезпечено. Но нужна была еще помощь англійскаго посланника.

---

*) The fourth Seal, by Rt. Hon. Sir Samuel Hoar M. P. London, p. 195.

**) Впослѣдствіи Завѣдующій отдѣломъ бѣженцевъ в Лигѣ Націй.

Для этого я взял с собою одного из служащих в Управлении дѣлами Комитета В. Питерса.

Вильям Яковлевич Питерс был очень молодой шотландец, окончившій Абердинскій Университет по экономическому отдѣленію и находившійся в Россіи в началѣ войны для изученія положенія русской хлопчатобумажной промышленности.

Русским языком он владѣлъ превосходно и был одним из тѣх англичан, которые ухитрялись говорить по-русски без малѣйшаго акцента.

Мы с ним были большіе друзья, хотя я немного подозрѣвал, что в число его неофициальных обязанностей входило сообщать в Лондон о нашей работѣ в С. Петербургѣ.

Это меня мало смущало и было даже в извѣстном смыслѣ полезно.

Наш Комитет работал не за страх, а за совѣсть и дѣлал все возможное для сокращенія войны путем истощенія Германіи. Вильям Яковлевич был во всѣх отношеніях высоко порядочный человѣкъ, ни на какія интриги неспособный.

Как всѣм знакомым с англичанами хорошо извѣстно, они дѣйствительно довѣряют только своим, и доклады Питерса, если они были, могли быть наилучшим средством пріобрѣсти довѣріе англійских министерств.

Все это, конечно, лишь предположеніе, но что несомнѣнно, это то, что по мѣрѣ того, как время шло, наши отношенія с англичанами все улучшались и мы получали от Министерства Блокады иногда сѣнь секретныя свѣдѣнія.

По моем пріѣздѣ в Стокгольм, мы с Гулькевичем отправились в шведское министерство Иностраннх дѣл и тут с первых же слов сразу стало ясным, что наш собесѣдник вообще не желает *никакого* соглашенія.

Мы оказались в тупикѣ. Совершенно бесполезно дѣлать предложенія, даже самыя заманчивыя, человѣку, который просто не желает, того, за чѣм мы пріѣхали и вообще не скрывает, что единственное его желаніе это поскорѣе прекратить ненужный и бесполезный разговор.

По возвращеніи в Посольство Гулькевич собрал совѣщаніе союзных посланников.

Англійскій и французскій — профессиональные дипломаты, смотрѣли на положеніе крайне пессимистично. Они были убѣждены, что консервативное шведское правительство опредѣленно симпатизирует нѣмцам и что поѣтому ничего сдѣлать нельзя.

Американскій посланник, из крупных дѣльцов, сдѣлал для дипломата, довольно необычайное заявленіе.

“Вы дипломаты”, — сказал он, — “умѣете только хорошо разговаривать, а нужно дѣйствовать. У нас, в Америкѣ, достаточно денег, мы просто купим шведскіе рудники и повезем руду в Англію или Америку”.

Американское предложеніе не встрѣтило большого сочувствія. Всѣм было ясно, что никакая шведская компанія не согласится во время войны продать рудники воюющим без санкціи своего правительства, что и подтвердилось во время послѣдней войны, когда аналогичная американская попытка окончилась полной неудачей.

На слѣдующій день я просил Питерса зайти в англійское посольство и уговориться о моем визитѣ посланнику. Англійским посланником в Швецію в это время был сэр Эсме Ховард (Sir Esme Howard) — старый дипломат классическаго англійскаго типа, корректный, любезный и привѣтливый. Перед Швеціей он был в Италіи и женился там на очаровательной итальянкѣ, что, вѣроятно, и было причиною его назначенія в другую страну. Впрочем, англичане обычно не оставляют своих дипломатических представителей слишком долго на одном и том же посту.

Насколько любезность сэра Эсме была результатом визита Питерса, конечно, сказать трудно, но как бы то ни было, посланник встрѣтил меня, как стараго знакомаго, и у нас сразу установились самыя простыя отношенія.

На мой вопрос, не может ли нам помочь шведское общественное мнѣніе и нѣтъ ли у него кого-нибудь, кто бы мог устроить нам контакт со шведскими политическими дѣятелями, стоящими в оппозиціи к правительству, сэр Эсме отвѣтил, что он думает, что это возможно. В дѣлах обезпеченія правильнаго движенія англійских товаров, идущих в Россію, особенно предупрежденія отправки их вмѣсто востока (в Россію) на юг (в Германію) весь англійскій транспорт был передан одной шведской компаніи (Transito), во главѣ которой стоял шведскій дѣлец, вполне преданный англичанам. У него в оппозиціонных кругах были хорошія связи и он навѣрно не откажет нам в своем содѣйствіи.

В результатѣ этого разговора был устроен обѣд совершенно частнаго характера, на котором, кромѣ хозяина, присутствовали сэр Эсме, один из главных вождей шведской либеральной партіи Лефгрен, нѣсколько других видных членов той-же партіи и я.

На этом совѣщаніи мы встрѣтили со стороны шведов совершенно иное отношеніе, нежели в министерствѣ иностранных дѣл.

Прежде всего они не занимали официальнаго положенія и могли обсуждать вопрос по существу, не считаясь с соображеніями національнаго престижа. Кромѣ того, наши предложенія вполне отвѣчали их партійным интересам и очень быстро мы пришли к полному согласію.

Проект договора (в общих чертах) был очень прост:

Швеція обязывалась прекратить вывоз желѣзной руды в Германію и давала согласіе на союзный контроль за исполненіем этого условія. Кромѣ того, она предоставляла союзникам свой торговый флот, что было очень важно, так как в этот період германскія подводныя лодки топили до 1 мил. тонн наших кораблей в мѣсяц.

Взаимъ этого союзники принимали обязательство снабжать Швецію до конца войны всѣм необходимым для шведскаго населенія.

Договор этот давал либеральной партіи очень большія преимущества в предстоящей предвыборной кампаніи. Они могли сказать избирателям, что сохраненіе у власти консерваторов поведет к блокадѣ Швеціи со всѣми ея тяжелыми послѣдствіями для населенія и может даже вовлечь Швецію в войну. Либералы же обезпечат им нормальныя условія жизни и мир.

Оставалось одно послѣднее препятствіе — убѣдить американцев закрыть конференцію в Вашингтонѣ и перенести ее в Лондон.

Опасения, что Америка может на это не согласиться, были и у лорда Роберта Сеспиля. Рѣшено было просить американскаго согласія условно, т. е. на случай, если либералы в Швеціи дѣйствительно побѣдят на выборах и окажутся у власти. Тогда конференцію в Вашингтонѣ можно будет закрыть, сославшись на то, что шведскіе представители назначены министерством, потерявшим руководство дѣлами.

Все дальѣйшее прошло гладко.

Американцы согласились, консерваторы в Швеціи потеряли большинство в парламентѣ, либеральная партія образовала новое правительство. Вашингтонскую конференцію перенесли в Лондон и без больших затрудненій, в февралѣ 1918 года, договор со Швеціей был заключен.

Конечно, в этом послѣднем актѣ я принять участія уже не мог.

Я успѣл, правда, присутствовать на завтракѣ в отелѣ Ritz, устроенном лордом Робертом Сесилем от имени правительства Его Величества русскому досовѣтскому дипломату, оказавшему услугу союзному дѣлу: был вечером в оперѣ в ложѣ с женами чиновников англійскаго министерства иностранных дѣл, смотрѣвшими на меня с большим любопытством, как на нѣчто необычное из далекой и неизвѣстной страны; успѣл осмотрѣть шесть департаментов министерства блокады, помѣщавшагося во временных бараках, построенных в St. James Park, но попасть на Лондонскую конференцію не успѣл.

В Россіи в ноябрѣ (по новому стилю) произошел коммунистическій переворот. Пришлось прежде всего заняться разъясненіем англійскому общественному мнѣнію, почему февральскія событія въ дипломатическія миссіи припали, как простую смѣну формы управленія государством, а ноябрьскую революцію считают насильственным захватом власти разбойничьей группой.

Вмѣстѣ с доктором Гавронским мы послали по этому поводу открытое письмо в редакціи, напечатанное в 8-ми самых крупных лондонских газетах. Корреспондент Сытинскаго "Русскаго Слова", Поляков, начал изданіе еженедѣльника на англійском языкѣ «*Russian Commonwealth*», а с проф. исторіи Оксфордскаго университета Павлом Гавриловичем Виноградовым мы выпустили под его редакціей небольшую книжку «*The Reconstruction of Russia*», в которой выступили против довольно распространенной тогда в Англійи тенденціи расчлененія Россіи на нѣсколько отдѣльных государств.

Англійское правительство, нас, представителей прежняго правительства, нѣкоторое время еще признавало, но только наполовину. С нами еще совѣтовались (иногда даже исполняли наши совѣты), но неофициально. Константинъ Дмитріевич Набоков занимал еще Chesham House, с его царскими портретами, но в другом помѣщеніи уже появились совѣтскій представитель и постепенно с ним тоже начали считаться.

Впрочем, на этом темном фонѣ были и свѣтлыя пятна.

Пріятно вспомнить, что моя просьба урегулировать реквизиціи русских торговых судов англійским министерством судоходства встрѣтила самый живой отклик у лорда Роберта Сеспиля, и по его распоряженію была образована русско-англійская коммиссія по этому вопросу. В результатѣ ея почти полуторалѣтней работы, нѣсколько тысяч

русских моряков вмѣсто насильственной отправки в Совѣтскую Россію (какъ было сдѣлано при первыхъ реквизиціяхъ) были оставлены в Англіи на полномъ содержаніи, выплачиваемомъ имъ англійскимъ правительствомъ (правда за счетъ ихъ обществъ), а владѣльцы пароходовъ, по окончаніи войны, получили свои пароходы обратно, также и плату за ихъ пользованіе и возмѣщеніе стоимости тѣхъ, которые были потоплены.

В послѣднюю войну, несмотря на помощь хваленыхъ совѣтскихъ дипломатовъ, блокадного договора съ Швеціей заключить такъ и не удалось и германская армія в теченіе всей войны пользовалась шведскою сталью.

Нѣкоторые изъ участниковъ описанныхъ событій оставили значительный слѣдъ в англійской политической жизни.

Сэръ Робертъ Сесиль (нынѣ лордъ Сесиль) послѣ заключенія Версальскаго мира былъ первымъ постояннымъ членомъ от Англіи в Лигѣ Націй — постъ, который онъ занималъ в теченіе многихъ лѣтъ. Горячій сторонникъ высокой идеи этого учрежденія, которое по мысли ея основателя идеалистическаго американскаго профессора и президента США Вудро Вильсона должно было установить на землѣ вѣчный миръ, лордъ Сесиль в то же время возглавлялъ в Англіи движеніе (общество Лиги Націй), поддерживавшее Лигу и получившее, особенно в первые годы ея существованія, очень широкое распространеніе. Несмотря на его преклонный возрастъ, этотъ обаятельный государственный дѣятель продолжаетъ выступать в Палатѣ Лордовъ при обсужденіи вопросовъ крупнаго значенія.

Сэръ Самюэль Хор — нынѣ лордъ Темпельвуд (Lord Templewood) послѣ окончанія войны былъ в теченіе многихъ лѣтъ членомъ англійскаго правительства вплоть до сильно шумѣвшаго, такъ наз., Хор—Лавальскаго инцидента. Онъ занималъ посты военнаго министра, министра по дѣламъ Индіи (провелъ черезъ Палату Депутатовъ столь сильно оспариваемый законъ о новомъ положеніи Индіи), затѣмъ министра внутреннихъ дѣлъ, хранителя печати и министра иностранныхъ дѣлъ в кабинетѣ Балдвина.

Во время послѣдней войны, уже в званіи лорда, онъ былъ посломъ в Испаніи.

Сэръ Самюэль хорошо владѣлъ русскимъ языкомъ и очень увлекался древне-русскою иконописью.

Мистеръ Линдлей впоследствии былъ дипломатическимъ уполномоченнымъ англійскаго правительства при правительствѣ Чайковскаго в Архангельскѣ и затѣмъ, если не ошибаюсь, посломъ в США.

Вильямъ Яковлевичъ Питерс (Peters) продолжалъ службу по департаменту заграничной торговли (Department of Foreign Trade). Во время убійства в С. Петербургѣ англійскаго военнаго моряка, командовавшаго во время войны англійскими подводными лодками в Балтійскомъ морѣ, капитана Кроми (Captain Cromie), Питерсъ оказалъ старшимъ в англійскомъ посольствѣ и передалъ Совѣтамъ ноту о разрывѣ дипломатическихъ сношеній.

Сейчасъ онъ занимаетъ в департаментѣ довольно видное положеніе.

Н. Нордман

НЕКУЛЬТУРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

1.

Я нѣкоторое время колебался: как назвать этот разсказ? Но в концѣ концов остановился на выставленном мною заглавіи, так как рѣчь в разсказѣ будет идти об истинно некультурном человѣкѣ.

Этим некультурным человѣком был дѣд Матвеич.

Затрудняюсь сказать точно, сколько лѣтъ ему было. На вид — немного за 60. Однако, моя бабушка увѣряла, что “дѣдом” его зовут не меньше, чѣм лѣтъ 20. Так неужто ж 20 лѣтъ тому назад ему было только 40? Не станут же люди звать “дѣдом” сорокалѣтняго мужика! Очевидно, что лѣтъ 20 тому назад он был уже в лѣтах дѣдовских и, слѣдовательно, в то время, к которому относится мой разсказ, ему было по меньшей мѣрѣ за 70. Но был он топорно крѣпок, по медвѣжьему здоров и косолапо силен. Возможно, что состарѣвшись в свое время лѣтъ 60-ти, он перестал старѣть, а застыл в своей несуразной формѣ, мало мѣняя ее с годами, а только укрѣпляясь и матерѣя в ней.

А форма его, т. е. весь его вид, была, дѣйствительно, несуразная. Он отчасти напоминал паука, а отчасти и угрюмаго медвѣдя: был коренастый, плечистый, неуклюжій, весь заросшій спутанными волосами, которых словно не смѣла тронуть просѣдь. Голову он раза 2-3 в год подстригал, но к бородѣ и усам весьма убѣжденно и, может быть, принципиально, не прикасался ножницами. В результатѣ такого міропониманія куаферской области борода и усы дѣда Матвеича срослись в общій комок, из котораго торчал его ровный нос и над которым поблескивали его добродушно-суровые глаза. А над ними был лоб: ясный, чистый, спокойный и к тому же мудрый той первобытной мудростью, которая не вѣдает ни дешевой суеты, ни бесплодных сомнѣній.

Когда дѣд Матвеич стоял на мѣстѣ, он непремѣнно топтался, мягко пошлепывая подошвой липоваго лаптя: быть неподвижным он не умѣл. Когда ходил, то ходил медленно, и не только передвигал ногами при ходьбѣ, но и помогал себѣ при этой операциі всѣм туловищем, перенося его вслѣд за ногой при каждом шагѣ: сначала с тяжелым полуоборотом вправо, а потом с таким же полуоборотом влѣво. От этого его походка была развалистая, медленная и какая-то необыкновенно на-

пористая: про него нельзя было сказать безлично — “идет”, а надо было говорить образно — “прет”.

Сидѣть же, а тѣм болѣе без дѣла, дѣд Матвейч и не любил, и не умѣл: цѣлыми днями он все “топтался” то туда, то сюда, что-то урча себѣ в бороду. Присаживался же он только во время ѣды и уж тогда сидѣл чинно: “Ѣсть надо во славу Божию! --- наставительно поучал он. — И неча за ѣдой туда-сюда шовгаться!” Натомившись же за день, он ложился спать, долго подмачивая свои немудренія спальныя принадлежности, громко крикая и охая при этом: вѣроятно, для собственного удовольствія.

Зимой и лѣтом он одѣвался одинаково: пестрядиновые штаны, грубаго деревенскаго полотна рубаха, армяк и громадная шапка из вылезшей овчины, которую он называл загадочно и не совсѣм вразумительно: “мамаха”. Возможно, что он считал ее разновидностью папахи, так сказать — деревенско-лѣсным вариантом ея. Обувку же он мѣнял по сезону: лѣтом — босиком или в лаптях, зимой — в валенках. Однажды я заговорил с ним о сапогах, и он (даже с видом какого-то превосходства) заявил, что он их “сроду не нашивал” и даже ни разу не надѣвал их.

Чистоплотен дѣд Матвейч был необыкновенно. Дѣло не в том, что он еженедѣльно по субботам топил свою баньку и парился по два-три часа; дѣло и не в том, что свои штаны и рубаху он смѣнялъ своевременно и часто, самолично вываривая их в крутом березовом щелокѣ. Дѣло, надо вам сказать, было в том, что дѣд Матвейч всегда вел себя как-то так привычно-настороженно, что нигдѣ и ни обо что не пачкался. Я бы сказал, что грязь и пыль даже не осмѣливались приставать к нему, но боюсь упреков в излишней идеализаціи фигуры моего героя. Но должен замѣтить: я хорошо помню, что от дѣда Матвейча никогда не несло ни потом, ни прѣлью, но всегда бодро и вкусно пахло сырой землей, воском, ржаным хлѣбом и сухим сѣном.

Выше я сказал, что глаза у дѣда Матвейча были “добродушно-суровые”. Это не описка с моей стороны. Его глаза, дѣйствительно, были на рѣдкость добродушными, и это добродушіе сіяло из них ласковыми, чарующими лучами. Но в то же время дѣд Матвейч считал суровость необходимым свойством и даже, может быть, добродѣтелью старческих лѣт. А потому он так давно привык притворяться суровым, что надѣтая маска как бы приросла к нему. И тон его был суровый, и слова, и рѣчь... Внучку свою, Дашеньку, которая, осиротѣвъ, жила с ним, он любил чуть ли не до самозабвенія, но и с нею был неизмѣнно суров и никогда не называл ее, как всѣ звали, Дашенькой, но всегда — Дашуткой: вѣроятно, имя “Дашенька” казалось ему недостойной слабостью старика.

Но вмѣстѣ с тѣм дѣд Матвейч любил улыбаться. И тогда вся суровость сразу же исчезала, а каждая морщинка лица начинала сіять мягкими и добрыми лучами.

— Неча, неча тут! — пытался он сурово бурчать на Да-

шеньку. — Хи-хи да смѣхи до добра не доведут, а ты поди-ко лучше да у крыльца подмети!.. Ишь, разсѣлась тут... Курица медеянская!

Но Дашенька, хорошо знавшая истинную природу дѣдовской суровости, отвѣчала на нее взрывом такого яснаго смѣха, что дѣд Матвейч тут же расплывался в улыбку:

— Ишь залилась! — умиленно любовался он смѣхом внучки. — Ишь, вѣдь, как залилась, горличка сизокрылая!.. Ну, и Господь с тобой! Господь с тобой! Только вѣд и твое, милушка, что молодые годы твои... Только и твое!

Говорил дѣд Матвейч глухим голосом, словно в себя, а не из себя. Слова произносил невнятно и неразборчиво: не зубы мѣшали, вѣрнѣе — не отсутствіе зубов (их у него был полон рот!), но губы и язык его были, как и весь он, непослушно ко-солапы, а усы и борода так опутывали рот, что тот положительно не мог правильно артикулировать.

Слѣдует упомянуть еще об одной чертѣ нашего дѣда: он никогда не ругался, не чертыхался и не сквернословил, а всегда выражался простой и упоительной крестьянской рѣчью, немного примитивной и бѣдной, но способной в мѣтком образѣ выразить глубокую и тонкую мысль. Ко всѣм же сквернословящим дѣд Матвейч относился с недоверчивой безгласностью и, заслышав гдѣ-нибудь грубую ругань, уходил прочь, бурча себѣ в бороду, что-то неодобрительное.

Жил он в лѣсной сторожкѣ, вдали от людей: чуть ли не с незапамятных времен он служил у моей бабушки лѣсником. Но кромѣ служебных обязанностей он по доброй волѣ нес и другіе труды: он “пчелу любил”.

2.

Каждое лѣто у моей бабушки собиралось в имѣнье много народа: и родные, и чужіе. Каждый, кто ѣхал туда, спокойно приглашал с собой друзей и пріятелей, даже не спрашивая согласія бабушки, так как знал: пріивѣтливая старушка всѣм будет рада.

Появился даже, помню, какой-то Павел Михайлович. Прожил он двѣ недѣли, ходил с нами на рыбную ловлю, лихо катался верхом и мастерски играл в крокет. А когда он уѣхал, бабушка долго допытывалась у всѣх: кто он, собственно говоря, был, откуда взялся и кто его пригласил? Но она так и не допыталась.

Мы, молодежь, любили ходить в гости к дѣду Матвейчу.

Как мнѣ ни прискорбно, но я вынужден признать, что ходили мы к нему, лишь желая повеселиться на его счет и набрать новый матеріал для домашних анекдотов. По молодости лѣт своих мы не умѣли цѣнить по достоинству нашего само-бытнаго старика и видѣли в нем лишь источник курьезов. А поводов для курьезов дѣд Матвейч давал нам предостаточно, так как он был необычайно и, так сказать, непосредственно невѣжественен. Да и то сказать! — он вѣдь был неграмотен и почти весь свой вѣкъ прожил в лѣсу.

И мы весело издѣвались над его невѣжественностью, создавая “из дѣдовъх перлов” немудрящія, но гиперболическіе гротески.

Придем мы, бывало, к нему в сторожку и начнем провоцировать его неожиданными вопросами.

— Дѣд Матвейч! — невинно и кротко спрашивали мы. — А почему это цвѣты душистые, а листья не пахнут?

— А потому, — с полной охотой и ничуть не задумавшись, пояснял он, — что листья по утру серебряной росой умываются, а цвѣты, тѣ — золотой! Вот поди-кось утречком по лѣсу, сам увидишь.

— Какая золотая роса? — еще невиннѣе спрашивали мы. — Из золота?

— Не то, чтобы совсѣм уж из золота, — с нѣкоторым сожалѣніем отвѣчал дѣд Матвейч, — а так тебѣ сказать, милый, что из золотой воды она. Вродѣ, как купавель!

— Какой такой купавель? — чуть не прыскали мы со смѣха.

Дѣд Матвейч начинал улыбаться снисходительно: такой-де простой вещи не знают городскіе!..

— Купавель? А это тоже знать надо!.. Нешто вас там, в городѣ-то, про него не учат? Он послѣ дождика с чистаго неба каплет, купавель этот самый! Видал, чать? Как тучи-то уйдут, как дождю, значит, конец, вот тут купавель и начнет капать. Капает он с чистаго неба, а солнышко его и золотит... И гдѣ купавель упадет, там — и-и-и, Боже Ты мой! — там все так буйным цвѣтом и зацвѣтет к произростанію! И хлѣбушко, и трава, и деревья, и продохта всякая...

— Всякая? — не выдерживали мы и прыскали совсѣм уж откровенно. — Да неужели же всякая? И финацетин? И готвальни? И л-ориган Коти?

Дѣд Матвейч, чуя неладную насмѣшку, подозрительно косился на нас, но никогда не обижался, а только бурчал через заросли бороды:

— Може, и они... Не видал!

В лѣшаго дѣд Матвейч не то, чтобы вѣрил, а просто признавал его существованіе, безо всякой тѣни сомнѣнія, как мы признаем существованіе барсуков, бѣлок, ежей и прочей лѣсной твари. Надо полагать, что с лѣшим он был, так сказать, близко знаком, потому что “сколько разов его в лѣсу видал: вродѣ, как еловый весь, а замѣсто спины — ноздри!” Хотя дѣд Матвейч и не оправдывал лѣшаго за то, что тот “больно шалит, да и шалит-то не совсѣм уж ладно!”, но тѣм не менѣе, питал к своему лѣсному хозяину нескрываемую симпатію. Я полагаю, что это была та невольная симпатія, которую мы обычно питаем к землякам: своеобразный патріотизм лѣсных аборигенов.

— Какой же он из себя, лѣшій этот самый? — спрашивали мы.

— Лѣшій-то? — ласково и снисходительно улыбался дѣд Матвейч. — А он, милаи вы мои, весь как есть растрепанный!

— Растрепанный?

— А конечно же! — Ты-то посуди, что он вѣдь в лѣсу живет, гребня у него нѣтути! Там за вѣтку зацѣпится, в другом мѣстѣ его хвоей противу шерсти мазнет, вот он и взлохматится, словно копна под вѣтром... А гребня и нѣтути! Ну, замѣсто гребня он еловой шишкой причесывается, а рази же ею можно, как слѣд, пригладиться? Вот он и ходит: растрепанный! Он, может, и сам не рад тому, да что ж он подѣлать-то может? И осудить его за это нельзя! Никак нельзя!

Дѣд Матвеич ни разу в жизни не был в губернском городѣ и никогда не видѣл желѣзной дороги, а разсказам о ней он хоть и вѣрил, но вѣрил с нѣкоторым осторожным и даже углубленным сомнѣніем. В телефоны же, в кинематографы и в автомобили он не вѣрил самым откровенным образом и отрицал их существованіе с той лукавой усмѣшкой, которая без слов говорила: “Не проведешь! Я и сам с усам!”

— Да врут, милаи вы мои, — убѣждал он нас, покровительственно улыбаясь. — Это все в насмѣшку над вами говорят, будто оно есть такое. Чтобы, значит, посмѣяться над вами! Потому, как вы еще махонькіе, ну — и легко вѣрите!

“Махонькіе” весело переглядывались: младшему махонькому было лѣтъ 16, а страшему и всѣ 20.

— Дѣд Матвеич! — спрашивали мы. — А почему это при солнцѣ бывает тѣнь, а при облаках нѣтъ ея?

— А потому, — нравоучительно и наставительно отвѣчал он, — что тѣнь, она вѣдь родная дочка солнцу-то! Оно — на небесах, а она тут, на землѣ гуляет. Вот, как тучи солнышко закроют, она сейчас и забеспокоится: “Ах, ах! Что такое с папашей приключилось? Не бѣда ли какая!” Ну, и бѣжит с земли на небо... Вот ее в тѣ поры здѣсь и не бывает.

— Так она солнцева дочка? А почему ж она и ночью бывает, при мѣсяцѣ?

— Так то — солнцева дочка, а то — мѣсяшна! — с нѣсомнѣнной убѣжденностью вразумлял нас дѣд Матвеич. — У мѣсяца своя дочка есть! Хоть и похожа она на солнечну, а все ж различить можно, ежели который человѣкъ понимающій. Солнцева малость посвѣтлѣе будет, а мѣсяшна — та, как есть черная!

Дѣд Матвеич знал объясненія всѣх явленій природы, но объясненія эти были черезчур оригинальны и страдали излишней независимостью, откровенно расходясь с физикой, астрономіей и естествознаніем. Лѣс рос, по его мнѣнію, оттого, “что на этом мѣстѣ земля чесалась”; дождь падал оттого, что “небеса малость попачкались и умываться стали”; а зима приходила оттого, что “солнышко за лѣто устает и уж только полсилы работать начинает”.

— Оно бы, может, и совсѣм на покой легло опочить, — подробнѣе объяснял он свою теорію, — потому, что дюже за лѣто устает, сердечное, да от Бога ему на то позволенія нѣту: “Ежели ты совсѣм на покой опочивать ляжешь, сказал ему Господь, так вѣрь это же всему православному люду хвормен-

ный зарѣз будет и неминуемая смерть придет! Нѣтъ тебѣ на то Моего разрѣшенія. А коли ты больно уж устаешь за лѣто, так ты зимой только в полсилы работай, это тебѣ замѣсто отдыха, значит, будет. А потом и опять на полную силу переходи! По череду! Вот оно у нас с тобой и будет ладно: коли по порядку, так оно порядочно и выйдет!”

Конечно, убѣдить дѣда Матвеича в ошибочности его пониманія было невозможно, да вряд ли и нужно. Ко всяким толкованіям он относился опасно и недоувѣрчиво, хорошо зная людскую суетность и остерегаясь вредных ересей. Надо полагать, что он был природным консерватором, который не мог разстаться с привычным для него міровоззрѣніем, тѣм болѣе, что в этом міровоззрѣніи были всѣ признаки атавизма. Собственная его система с началом XX вѣка была никак не совмѣстима! Сами посудите: с одной стороны люди в небѣ летать начали, а с другой они в какой-то купавель вѣрят и в договорѣ Бога с солнцем не сомнѣваются.

В области же практической жизни дѣд Матвей был наивен до крайности, так как воспринимал практику жизни через призму все того же своего міровоззрѣнія. Так, напримѣр, он запрещал Дашенькѣ носить красные платки и сарафаны, увѣряя, что они на фабрикѣ “собачьей кровью красятся”, а требовал от нея пристрастія к синим и зеленым матеріям, так как тѣ красятся “небесной краской” и какой-то “веселой травкой”. Он пробовал соль на зуб и досадливо кричал оттого, что “ее теперь совсѣм мало солить стали”, а в прежнія времена она “много солонѣ была”, потому что ее “вполнѣ по-совѣсти солили”. К желѣзу он относился с большим уваженіем, так как, по его мнѣнію, “сам Христос Батюшка желѣзо благословил”, а гвозди, которыми Он был пригвожден ко кресту, “еще царь Соломон по божьему повелѣнію выковал”.

Мастеровых людей и их инструменты дѣд Матвеич почитал, но неизмѣнно справлялся всегда: “А ты свой рубанок под бибелью благословлял?” Впрочем, к себѣ в сторожку он никаких мастеровых не допускал, а всѣ нужныя работы справлял сам, удивительно ловко владѣя топором и считая, что топором все можно сдѣлать.

О наукѣ дѣд Матвеич, конечно, слыхивал. То есть, он знал, что на свѣтѣ существует нѣчто такое, что люди называют наукой. Но представлял он себѣ эту науку очень своеобразно, путая ученых с цыганами. Во всяком случаѣ, человѣческим знаніям, как точным, так и отвлеченным, он не очень-то довѣрял, утверждая, что они “хоть глаза людям и открывают, да все же зрячими их не дѣлают”. Но къ медицинѣ он относился с большим уваженіем:

— Дохтура, тѣ пользуют! Тѣ, дѣствительно, милай, пользуют! Они пользоваться могут, про то неча и говорить!

Могущество врачей и их умѣнье “пользовать” он объяснял по-своему:

— Они, когда, значит, учатся, так каждый мѣсяц молебны цѣлителью Пантелею служат, да! Потому, как царскій при-

каз им на то даѣн: еще царь Петр приказал! Ну, и служат, конечно, не смѣют ослушаться. А Пантелей им и способует!..

Вѣра в медицину у дѣда Матвеича доходила до того, что он даже посѣщал земскую больницу и лѣчился "от грызи", почти с суевѣрным педантизмом выполняя всѣ назначенія нашего милаго врача, доктора Говоркова. Впрочем, доктор Говорков, смѣясь, увѣрял нас, что никакой "грызи" у дѣда Матвеича нѣтъ, и что он здоров на рѣдкость. Прописывает же он ему только соду в порошок и слабенькій раствор поваренной соли, "чтобы дѣд не обижался".

Так и жил в лѣсу из года в год дѣд Матвеич со своей внучкой Дашенькой. А Дашенькѣ шел уже 18-й год.

3.

Трагедія разыгралась поздней осенью, скоро послѣ Покова.

Конечно, она готовилась давно, но для дѣда Матвеича была тѣм неожиданным обухом по головѣ, который может свалить и очень сильнаго человѣка. Он не видѣлъ ничего, не подозрѣвал ничего: преступники от него, конечно, прятались, но главное было не в том, что они прятались, а в том, что дѣд Матвеич был необыкновенно довѣрчив той довѣрчивостью, которая основана на вѣрѣ в человѣка:

— Зла от человѣка не жди, потому, как Бог-то Свой дух в человѣка при сотвореніи вдунул!

К тому времени мы всѣ уже разъѣхались из деревни: папы и дяди на свои службы, а мы в свои гимназіи и университеты. В деревнѣ на зиму оставалась только бабушка, тетя Женя и старик управляющій, Петр Петрович. Поэтому я лично не был свидѣтелем разыгравшейся трагедіи и могу рассказать о ней только со слов очевидцев.

Лѣтом в числѣ работников у бабушки работал молодой парень, Антошка.

— Мнѣ бы слѣдовало давно прогнать его, — говорила потом бабушка, — потому что сразу было видно, что это за птица такая!.. Да все как-то жалко его было: ну, гдѣ он найдет такую дуру, как я, которая бы стала держать его!

И дѣйствительно: Антон был птицей, которую сразу по полету было видать. Он был рѣдкостный лодырь и не только ничего не умѣл дѣлать, но даже и не хотѣл умѣть, хотя всегда хвастливо увѣрял, что у него золотыя руки, и что он на всякую работу мастер. Но на дѣлѣ он не умѣл даже как слѣдует запречь лошадь, а когда навивал сѣно на воз, то половина сѣна потом бесполезно сползала и разсыпалась по дорогѣ. Пробовали его сдѣлать ночным сторожем, потому что в этом дѣлѣ совсѣм уж ничего не надо умѣть, но послѣ двух-трех провѣрок убѣдились, что Антон ничуть не сторожит, а "цѣльную ночь дрыхнет, словно помѣщик какой!"

Ходил Антон в невыразимых отрепьях, но по воскресеньям

и праздникам извлекал из своего сундучка плисовые штаны, ярко пунцовую рубаху и сапоги гармошкой. На свои грязные пальцы он надѣвал не то 5, не то 6 мѣдных колец со стекляшками (одна из стекляшек, увѣрял он, была “чистым бральянтином”), а голову, усы и даже брови помадил какой-то помадой, на банкѣ которой была изображена курносая барыня в сильном декольте, а под барыней извивалась надпись: “Оппопоннакс”. Совершенно понятно, что в таком видѣ он был неотразим.

Впрочем, долго писать о нем не стоит: тип не сложный и в недавнем прошлом, к сожалѣнію, довольно распространенный. Единственное, что слѣдовало бы добавить, это то, что Антон был до конца безпринципен и аморален. Он ни с чѣм не считался, ничего не уважал и ни во что не вѣрил. Идеал же его был примитивен и циничен:

— В свое удовольствіе!

А когда его спрашивали, в чем же его “удовольствіе”, он очень гнусно подмигивал и с ухмылкой пояснял:

— Выпить, как слѣдует, закусить! Ну, и чтоб баба тоже...

— А больше ничего?

Он нагло осклаблялся всей рожей:

— А что ж еще-то? Помилуйте-с! Больше ничего и на свѣтѣ-то нѣту!

Как произошла роковая встрѣча Дашеньки с Антоном, я не знаю. О дальѣйшем же говорить, право, не стоит: эти безхитростные романы ясны и понятны, как была ясна и понятна любовь, схватившая невинное и наивное сердечко Дашеньки. Вѣдь она прожила всѣ свои 17 лѣт с дѣдом в лѣсу, а тут вдруг — кольцо с брильянтином, пахучая помада и такія балагурныя рѣчи, что дух захватывает!..

Но скоро обнаружились и послѣдствія: Дашенька забеременѣла.

Нѣтъ ничего удивительнаго в том, что Дашенька оставила дѣда Матвеича и ушла с Антоном. Но удивительно то, как позволил Антон Дашенькѣ слѣдовать за собой. Вѣдь он не мог не понимать, что она будет ему ненужной обузой, но он, вѣроятно, по своему легкомыслію считал, что бросить ее он всегда может: не здѣсь, так там, не сегодня, так завтра. Да к тому же, надо полагать, Дашенька проявляла большую настойчивость, а Антон был слишком лѣнив и цинично безпечен.

Так или иначе, но они скрылись, чуть только осенью Антон получил расчет. И перед дѣдом Матвеичем раскрылась страшная пропасть: Дашенькин позор и ея измѣна ему, дѣду Матвеичу.

А вѣдь он любил ее. Любил коряво, заскорузло, топорно и неуклюже, но вѣдь не эlegantностью и не изыском измѣряется глубина и сила любви.

Бабушка писала моему отцу: “Когда я его (т. е. дѣда Матвеича) увидѣла послѣ того, так, право, даже и не узнала. Глаза налились, сам совсѣм насупился, мамаха его знаменитая на лоб слѣзла, а сам все бурчит что-то. А что такое он бурчит,

и понять невозможно. Я его послала исповѣдаться к отцу Григорію, а он, вѣрно, такого на исповѣди наговорил, что отец Григорій его к причастію не допустил, а вмѣсто того эпитимью на него наложил”.

Впрочем, скоро выяснилось, что именно “наговорил на исповѣди” дѣд Матвеич. Через недѣлю, исполнив наложенную эпитимью, он неожиданно появился в людской кухнѣ и начал разспрашивать: не знает ли кто-нибудь, куда скрылись бѣглецы? Но никто этого не знал.

— Улетѣли и слѣду не оставили! — сокрушенно вздохнула стряпуха Мироновна. — Уж такое дѣло ихнее... Вродѣ, как воровское!

Она покрутила головой, но тут же по-бабьему своему любопытству не стерпѣла:

— А на что тебѣ ихній слѣд-то, Матвеич? Воротить ты ее, что ли, хочешь?

Дѣд Матвеич тяжело поднял глаза.

— Убить я его хочу! — безо всякаго эффекта, но очень твердо сказал он глухим голосом.

Всѣ словно пошатнулись.

— Батюшки! — взвизгнула и переполошилась Мироновна. — Да как же это так... убить!

— Такія слова... — с неодобреніем покрутил головой дядя Ксенофонт, умный мужик и первый бабушкин совѣтник. — Такія с твоей стороны слова... Ты, Матвеич, поостерегись, потому что, неровен час... А за такія слова очень даже отвѣчать можно!

Дѣд Матвеич глухо и тяжело вздохнул: словно что-то охнуло в избѣ.

— Я и попу на духу... тоже самое сказал! — с разстановкой вымолвил он. — Убью, говорю!

— На духу! — всплеснула руками Мироновна. — То-то он на тебя питимью-то...

— Питимья само собою, а начальство само собою! — наставительно и солидно сказал дядя Ксенофонт и стал скручивать цыгарку, как бы в знак того, что он не придает серьезнаго значенія словам дѣда Матвеича. Но на всякій случай он очень дипломатически покосился на него.

Но тот сидѣл пень пнем, колода колодой. Сидѣл и неподвижно смотрѣл в пол тяжелым взглядом.

— Лучше бы он что-нибудь надо мной... чѣм такое над Дашуткой! — с большим трудом выдавил он из себя. — Коли б он на меня, так я, может, и не перечил... А тут... убью!

И словно весь налилсЯ от внутренней натуги.

Впрочем, кровавый замысел дѣда Матвеича оставался только замыслом. Бѣглецы слѣду за собой не оставили, а пускаться за ними в погоню наудачу было и немыслимо, и бессмысленно: Антошка вѣдь такой дошлый, что он Дашеньку, чего добраго, в город увез, а дѣд Матвеич понимал, что в городѣ он будет безсилен и безпомощен больше, чѣм городской житель в лѣсу.

Пришла зима, и дѣда Матвеича замело снѣгом в его опустѣлой сторожкѣ посреди стараго бора. За всю зиму он только два раза показался в деревнѣ: один раз на Рождество, а другой раз — на Срѣтенье. Заходил к бабушкѣ, поздравлял с праздником и брал у нея немного денег “в зачет”, а на эти деньги покупал лампаднаго масла и церковных свѣчей. Ни с кѣм не говорил и от всяких разспросов угрюмо уклонялся.

— Как живешь, дѣд Матвеич? — спрашивали его.

— Живу! — коротко и сурово отвѣчал он. — В лѣсу живу...

Бабушкин работник Серега каждая двѣ недѣли отвозил ему “что полагается”: соли, постнаго масла, печенаго хлѣба, керосина, спичек... Он принимал все без счета, складывал на полки и говорил коротко:

— Поблагодари барыню.

А потом начинал смотрѣть на Серегу так вопросительно-выжидательно, что тот понимал: надо убираться во-свояси, не пускаясь ни в разговоры, ни в разспросы.

Конечно, трудно представить себѣ душевное состояніе дѣда Матвеича в ту зиму. Был ли это мрак, в котором жутким призраком висѣло кровавое слово “убью”, или же это было оупѣніе примитивной натуры, усиленное внезапным одиночеством? Или в самом дѣлѣ не зря накопал старик церковных свѣчей и лампаднаго масла?.. Может быть, теплый свѣтъ лампадки и трепещущій огонек свѣчи перед почернѣвшим образом Спаса освѣщал тьму в его душѣ?..

Серега рассказывал, что Дашенькина постель стоит в избѣ нетронутой, и всѣ ея вещи лежат так, “словно бы она тут, да только вот вышла куда-то на минуточку”. Даже тряпочка с заколотой иглой нерушимо лежала на узком подоконникѣ срубной избы рядом с желѣзным наперстком.

Быть может... Быть может, дѣд Матвеич продолжал жить с Дашенькой? Может быть, он видѣл и осязал ее, ушедшую?

4.

Прошла весна, пришло лѣто.

Мы всѣ опять собрались под гостепріимный бабушкин кров. Но среди гостей оказался новый гость: англичанин, мистер Кларк.

Его привез с собой один из моих дядей, чтобы “показать русскую деревню”. Мистер Кларк, по свойственной англичанам любознательности, второй год жил в Россіи, знакомясь с этой страной и с ея народом, котораго он, по его словам, никак не мог понять. По-русски он говорил со значительным акцентом и черезчур грамматически правильно, но в общем очень порядочно: и сам все понимал, и мог объяснить свою любую мысль. Было ему лѣтъ 35.

Бабушка отдала приказ по дому: не давать мистеру Кларку скучать.

— Он иностранец, чужой человѣкъ! — поясняла она, оче-

видно не очень-то доверяя нашей безшабашности. И наш долг — поухаживать за ним, не дать ему почувствовать, что он на чужбинѣ.

Мы охотно дѣлили с мистером Кларком наши немногочисленные деревенскіе ресурсы: катанье на лодках и верхом, охоту, рыбную ловлю, крокет, прогулки... Что еще? Ах, да! Дѣд Матвѣич! Это вѣдь тоже... развлеченіе!

Мы пытались обрисовать мистеру Кларку нашего непоторяемаго дѣда, но мистер Кларк не понимал нас и недоумѣвал:

— Это дикарь? — спрашивал он нас.

— М-м-м... — немного обиженно заминались мы. — Русскіе крестьяне не дикари, мистер Кларк!

— Да, но... То, что вы мнѣ о нем рассказываете, дает мнѣ основаніе сдѣлать этот мой вывод, за который я прошу вас извинить меня. Но я на основаніи ваших всѣх предыдущих рассказов дѣлаю обоснованное заключеніе, что этот крестьянин есть некультурный человѣкъ.

— Да, он, конечно, очень некультурен, но согласитесь, что он самобытен!

— Гм... Самобытен! Людофды тоже самобытны. И неужели он ни разу в жизни не видѣл желѣзной дороги и не ѣздил на паровом поѣздѣ? Очень некультурный человѣкъ! Чрезвычайно некультурный человѣкъ!

Мы угрюмо замолкали: нам становилось немного обидно за дѣда Матвѣича и... еще за что-то, большое и свѣтлое.

— Зато у него собственное міровоззрѣніе и одухотворенный взгляд на природу! — с азартом пытались мы реабилитировать нашего старика.

Но мистера Кларка нельзя было поколебать.

— Собственное міровоззрѣніе? — поджимал он губы, обдумывая и оцѣнивая наш отвѣт. — Собственное міровоззрѣніе, дорогіе русскіе друзья, есть даже у вполне сумасшедших людей, и способность міровоззрительности сама по себѣ еще ничего не доказывает. Дѣло не состоит в том, есть міровоззрѣніе, или нѣтъ его, а в том, каково оно. У вашего же старика оно первобытное и дикарское. Он пантеист, я согласен, но вѣдь пантеизм есть одна наиболѣе низкая из вполне низших систем в ряду болѣе высших и одухотворенных религіозных систем. Если этот бѣдный человѣкъ пантеист и обладает одухотворенным взглядом на неживую природу, то... тѣм хуже! Значит, он не есть христіанин. Значит, он не в состояніи возвыситься до великой идеи, вложенной в христіанское ученіе. Впрочем, я хочу надѣяться, что вы найдете незатруднительный для вас способ показать мнѣ этого любопытнаго старика.

Мы сводили мистера Кларка к дѣду Матвѣичу. Но к нашему неудовольствію, мистер Кларк так бесцеременно разсматривал этого “любопытнаго старика”, словно перед ним находился не живой человѣкъ, а экспонат на выставкѣ. Мы дипломатично постарались сократить визит, притворившись, будто боимся невинной тучки: ой, промокнем на обратном пути!

Перед уходом мистер Кларк очень откровенно вынул из портмоне рублевую бумажку, прибавил к ней вторую и немного задумался. Потом, пришел к какому-то рѣшенію, засунул обѣ обратно в портмоне и вынул зеленую трехрублевку.

— Это я предлагаю вам! — старательно и отчетливо сказал он дѣду, протягивая ему бумажку. — Возьмите себѣ эти деньги и сдѣлайте из них то употребленіе, которое вы считаете нужным для себя и для своих потребностей.

Дѣд Матвеич покосился на протянутую руку с трехрублевкой.

— Оно... ни к чему! — угрюмо пробурчал он, не беря денег.

— Может быть, вы не понимаете меня? — усумнился в своих лингвистических способностях ((но только в них!)) мистер Кларк и, обратясь к нам, попросил: — Объясните ему, пожалуйста это мое предложеніе денег на понятном для него языкѣ.

Но и наши объясненія “на понятном для него языкѣ” дѣд Матвеич выслушал хмуро. Он ничего не отвѣтил, а только потоптался на мѣстѣ и с глухим урчаніем перевалился в темный угол.

— Ни к чему! — услышали мы оттуда.

На обратном пути мистер Кларк дѣлился своими впечатлѣніями. Он шел, прямой и увѣренный в себѣ, и говорил своей правильной рѣчью:

— Ваш старик по своей наружной внѣшности напоминает тип австралійскаго дикаря, но должен признать, что его лоб... Гм! Да, его лоб... Он очень свѣтлый, этот лоб, и он мог бы принудительно заставить меня предполагать многое, если бы не крайняя некультурность этого старика. Интересно было бы, чтобы узнать: сколько слов имѣет он в его убогом лексиконѣ? Я в себѣ предполагаю, что не больше, как нѣсколько сотен, но даже не тысяча. Удивительно некультурный человек!

Мы шли понуро. Мы чувствовали себя словно были в чем-то виновными: не то мы чему-то измѣнили, не то мы кого-то предали.

5.

А вскорѣ послѣ того вся деревня была потрясена сенсацией: Антон появился на горизонтѣ. Он нанялся в работники к сосѣду, помѣщику Норцову, и теперь, оказывается, проживает всего лишь в 7-8 верстах от нас, за лѣсом.

А Дашенька? А ребенок?

Антон, ничуть не стыдясь, а даже с каким-то циничным и наглым бахвальством рассказывал, что “Дашка померла от родов”, хотя он и призывал к ней “самых что ни на есть прекрасных професорей”, а ребенка он-де сдал в пріют. Впрочем, потом он говорил, что ребенка забрала к себѣ какая-то бабка Митревна, которой он теперь посылает деньги на воспитаніе. Всѣм было очевидно, что он врет.

Все происшедшее ничуть его не смущало и не трогало: тѣ

же сапоги гармошкой, тѣ же кольца “с брилліантинѣм”, и только банки с сомнительным опопонаксѣм у него уже не было. Вѣроятно, он успѣлъ вымазать всю помаду и поэтому смащивал волосы просто коровьим маслом. Но это не мѣшало ему быть попрежнему неотразимым.

Бабушка, узнавъ о появленіи Антона, ахнула:

— Быть бѣдѣ теперь! — сказала она, многозначительно и раздумчиво, сжимая губы. — Чует мое сердце, что быть бѣдѣ! Дѣд-то Матвейч... Он... Вѣдь он...

— В таких случаях, — поддержал ее мистер Кларк, — необходимо есть обращаться за нужным содѣйствіем к полицейским властям. Ваш старик с его темноватой некультурностью, конечно, не остановит себя перед самыми крайними, а потому и недопустимыми, дѣйствіями. Он вѣдь совершенный дикарь и, слѣдовательно, с одной стороны он не имѣет в себѣ должнаго уваженія к нравственным и государственным законам, с другой стороны ему совершенно чужды и неприступны чувства и принципы гуманности, а с третьей стороны он, конечно, не умѣет владѣть своими несдержательными страстями. Я смотрѣлъ в его глаза и видѣлъ в них один только мрак. слѣдовательно, необходимо предупредить полицейскія власти.

Возможно, что он был прав в своей обоснованной логикѣ, но все же вторженіе полицейских властей в глаза, полные мрака, чѣм-то и как-то покровило бабушку. Она ничего не предпринимала, хотя старик управляющій тоже побуждал ее обратиться к исправнику.

— Как бы потом каяться не пришлось, что заблаговременно мѣр не приняли! — слегка пугал он.

— Отправить бы дѣда куда-нибудь на время, что ли? — соображала бабушка.

— Куда же вы его отправите, Елизавета Васильевна? Да и вытащить его из лѣса каким манером невозможно: лѣсок-с! Нѣтъ, уж вы лучше господина Норцова предупредите: пусть он Антошку-то от себя прогонит. А может быть, исправник может ему запретить проживаніе в нашем уѣздѣ? Это было бы самое лучшее!

Один только дядя Ксенофонт не раздѣлял общих опасеній. Когда бабушка посоветовалась с ним об этом дѣлѣ, он без колебаній отвѣтил:

— Ничего не слѣдует опасаться, сударыня! Конечно, дѣд Матвейч этим стервецѣм вот как разобижен, но только вѣдь крест-то он на шеѣ носит-с. Душу живу в себѣ имѣет, как же-с!..

Но к его оптимистической увѣренности всѣ относились с сомнѣніем.

А через 2-3 дня стряпуха Мироновна в паникѣ прибѣжала из людской кухни к бабушкѣ.

— Ой, узнал! Ой, узнал! — вопила она, захлебываясь в искреннем ужасѣ. — Ой, узнал!

— Кто узнал? Что узнал?

Оказалось, что дѣд Матвейч узналъ о пребываніи Антона

в сосѣднем селѣ. Унал и сразу же пришел к нам на кухню: вѣроятно, хотѣл провѣрить и удостовѣриться.

— Глаза-то всѣ кровящей налились, а кулачищи-то словно пни дубовые! — в ужасѣ докладывала Мироновна. — И рычит он, барыня, прямо таки рычит! Слов не говорит, а рыком рычит! А глядит-то так, что я прямо к вам наотмашь и бросилась.. Ой, спасите! Ой, не дайте лютому дѣлу совершиться!

Бабушка тотчас же пошла в людскую кухню, но дѣда Матвеича там уже не зстала: он, получив нужное подтвержденіе, поспѣшил уйти.

И всѣ, кто только видѣл его в кухнѣ, говорили, что был он совсѣм не в себѣ: и глаза кровью налиты, и кулаки сжимают, и только рычит, а сказать ничего не может. А когда ему сообщили, что Дашенька умерла, а ребенок пивѣсть гдѣ пропал, дѣд Матвеич сдѣлался положительно страшен. Грузным, но сильным рывком он поднялся со скамейки, посмотрѣл на всѣх невидящими глазами и, очевидно, хотѣл что-то сказать, но из его горла вырывалось только нечеловѣчески жуткое —

— Гу! Гу! Гу-у!

А потом рванулся и выбѣжал вон.

— Ой, не в Норцовку ли побѣжал? Ой, как есть в Норцовку! — в страхѣ металась Мироновна. — Верхового бы туда спосылать! Упредить бы!..

Но нашлись такіе, которые прослѣдили за дѣдом Матвеичем и засвидѣтельствовали, что он пошел не в Норцовку, а к себѣ в лѣс.

Даже дядя Ксенофонт дрогнул:

— Неровен час, сударыня... — со степенным сомнѣніем резонировал он перед бабушкой. — Уж такой наш дѣд Матвеич сдѣлался, такой он сдѣлался, что я таких и не видывал. Совсѣм не в себѣ, стало быть! Не иначе, как нечистый на него накати, потому что, сами посудите, уж очень его за сердце взяло! Не совладает он теперь с собой, осилит его нечистый, того и гляди, что осилит! Предупредите господина Норцова, долго ли до грѣха... Совсѣм вѣдь душа у дѣда Матвеича потемнѣла, как есть потемнѣла!

И бабушка порѣшила: завтра же ѣхать к Норцову и предупредить его, чтобы он отослал Антона куда-нибудь, а потом поѣхать к исправнику и переговорить.

Но на другое утро разыгрались неожиданныя событія.

6.

Успѣхи Антона в сердечных дѣлах, конечно, возмущали деревенских парней, которые были подвижны и завистью неудачных соперников, и специфическим патріотизмом: чужак у них дѣвок отбивает! “Ты чего по нашей улицѣ ходишь? Ты чего с нашими дѣвками гуляешь?” Этого парни не переносили, и драмы на этой почвѣ бывали в деревнѣ не раз.

Когда же Антон устремил свое донжуанское вниманіе на

Марфутку Домушкину, по которой сохли многія сердца, парни не выдержали. Как потом стало извѣстно, в вечер того самого дня, когда дѣд Матвейч переполошил нас своим появленіем на кухнѣ, парни выслѣдили влюбленную пару в лѣсу. Застигнув Антона на мѣстѣ любовнаго преступленія, соперники жестоко расправились с ним: не только кулаки, но и колья были пущены в ход. Испуганная Марфутка с визгом убѣжала, но, прибѣжав в деревню, караул не подняла, а забилась куда-то подалше и обо всем смолчала: уж больно зазорно было ей говорить о своем грѣхѣ. Разъяренные же парни жутко избили Антона и бросили его под кустом: полуживого, с проломанным черепом, с перебитой ключицей и с разорванным ртом. Бросили, а сами ушли и, конечно, обо всем молчали. Так в безпамятствѣ и пролежал Антон всю ночь под кустом.

Марфутка молчала. Молчали и парни. Но такого остраго шила, конечно, никак нельзя было спрятать в деревенском мѣшкѣ, и на слѣдующее же утро не только в Норцовкѣ, но даже и у нас узнали, что “норцовскіе убили Антошку”. Бросились искать в лѣс, но ничего не нашли, потому что еще раньше, совсѣм на разсвѣтѣ, дѣд Матвейч брел по лѣсу и набрел на Антона.

Если бы я описывал вымышленный случай, я должен был бы на этом мѣстѣ остановиться и углубиться к психологическій анализ. Но я описываю не вымысел, а подлинное событіе, и поэтому обязан ограничиваться только перечисленіем фактов. Факты же были таковы.

Убѣдившись в том, что Антон не умер, а еще дышит, дѣд Матвейч взвалил его себѣ на спину и с этой тяжелой ношей потопал в усадьбу бабушки. Идти было не близко, верст с пять. Но дѣд Матвейч по дорогѣ нигдѣ не останавливался передохнуть, а все спѣшил, насколько он вообще умѣл спѣшить. Он упорно топал лаптями по дорогѣ, согнувшись под четырехпудовым тѣлом Антона и тяжело дыша при каждом шагѣ.

Прійдя в усадьбу, он потребовал, чтобы Антона немедленно отправили в больницу.

— Дохтур выходит! — убѣжденно твердил он. — Ему открыто, как надо пользоваться!

Бабушка тотчас же распорядилась примостить койку поверх рессорной брички и остороженько отвезли Антона в больницу. Сопровождать его было поручено мнѣ. Дѣд Матвейч принялъ очень заботливое участіе в превращеніи брички в санитарную повозку и старательно уминал сѣно, сверх котораго мы положили тюфяк. Правда, на тюфяк он покисился не только недовѣрчиво, но даже и враждебно, и нѣсколько раз с явным неодобреніем потыкалъ его своим корявым пальцем, он в концѣ концов смягчился:

— Ладно! Пушай лежит! — разрѣшил он.

Я и Серега поѣхали в больницу, до которой было верст 8. Ъхали мы шагом, со всей осторожностью, хоть я и пытался поспѣшать там, гдѣ дорога была гладкая.

— Гляди, как бы мозги у него не вывалились! — боязливо умѣрял мою прыть Серега.

До больницы мы добрались часа через полтора. И первым, кого мы увидѣли на больничном дворѣ, был дѣд Матвейч. Из усадьбы он прямоком зашагал в больницу же и, сокращая путь вѣдомыми ему тропочками, хоть и пѣшком, а добрался раньше нас и поджидал нас тут, заблаговременно предупредив доктора о нашем скором прибытіи. Поэтому к нашему приѣзду в операционной было уже все готово.

— Ну, что? — спросил я доктора Говоркова, когда он окончил операцию и перевязку.

— Жив будет! — весело отвѣтил тот, снимая халат. — Конечно, его счастье, что дѣд Матвейч приволок его из лѣсу! Если бы он днем полежал там в лѣсу на солнышкѣ с проломанным черепом, да если бы мухи нанесли ему прямо в мозги всякой дряни, так был бы другой разговор!.. Но дѣд-то Матвейч! А? Дѣд-то Матвейч каков! Что скажете?

Я возвратился домой и дал обо всем подробный отчет.

Мистера Кларка в этот день не было: он еще наканунѣ уѣхал в город и воротился поздно. Само собою, всѣ трагическія происшествія вчерашняго и сегодняшняго дня были ему рассказаны со всѣми подробностями. Он выслушал их с видимым интересом и пожал плечами.

— А-о-о! — тоном глубочайшаго изумленія протянул он, как-то очень необыкновенно округля рот. — А-о-о!

А потом подошел к окну и, над чѣм-то задумавшись, стал смотрѣть в сад. Странно! Вѣдь вечер уже окончательно сгустился, стало совсѣм темно и поэтому в саду ничего не было видно.

Н. Нароков.

В ПОЊЗДЪ ИМПЕРАТРИЦЫ

(Из личных воспоминаній)

(Окончаніе. См. тетр. 45-ю)

V.

Жена Римана Александра Александровна была — фрейлиной двора Императрицы Александры Федоровны.

Молодящаяся чванливая старуха. Толстая, невысокая, широколистая брюнетка. В молодости красива или не красива, — нельзя сказать, но на ея лицѣ застыло на вѣки выраженіе важности и надменности. Говорила нараспѣвъ, выступала солидно.

Госпожа Римаи любила, чтобы персонал оказывал ей знаки большого уваженія и вниманія. Кому она благоволила, тому симпатизировал муж.

Супруги друг к другу были очень внимательны и предупредительны и нам твердили, что любят друг друга. Генеральша — несомнѣнно вполне искренно: для нея весь мір сосредоточивался в ея мужѣ.

Супруги, пріѣхав из Петербурга, вмѣстѣ появились в поѣздѣ.

И мы рѣшили, что они будут путешествовать вдвоем. Генерал же заявил:

— Я, конечно, имѣю полное право возить в поѣздѣ свою жену, но считаю неудобным. Персонал составляет одну общую семью и вліяніе моей жены так или иначе будет чувствоваться и отражаться на поѣздной жизни, что вредит службѣ... Я не хочу этого...

Когда мы уѣзжали в первый рейс, Александра Александровна провожала Николая Карловича, долго его крестила мелкими крестиками, а из глаз выкатилось нѣсколько слезинок.

И так повелось.

Каждый раз она являлась в поѣзд в Харьковѣ перед отправленіем в новый рейс, и часто встрѣчала поѣзд. В Харьковѣ производилась дезинфекція, мы стояли нѣсколько дней и всѣ жили по своим квартирам, кромѣ дежурныхъ врача, сестры и завѣдующаго хозяйством. Генерал также ѣхал домой, — он тоже поселился в Харьковѣ.

В тон мужу Александра Александровна любила повѣствовать о придворной жизни, петербургскихъ балахъ, великосвѣтскихъ салонахъ, знакомствахъ и блескѣ высшаго свѣта.

Но однажды она рассказала жуткую исторію неудавшагося покушенія на Римана. И от ея рассказа повѣяло истиннымъ Конан-Дойлемъ.

Римаи с женой первое время, послѣ подавленія Московскаго воз-

станія, жил в Петербургѣ в особнякѣ — не помню — не то на Васильевском островѣ, не то на Петербургской сторонѣ.

На Римана было совершено три покушенія. Здѣсь рѣчь идет о послѣднем.

Особнякъ тщательно охранялся тайной полиціей, один чин постоянно дежурил внизу в передней, на ночь дѣлались тщательные обходы и внутри особняка и вокруг.

Генеральша рассказывала:

— Но все-таки я не довѣряла полиціи, по нѣсколько раз в день осматривала квартиру, не пропуская малѣйшаго уголка. Жила в непрерывной тревогѣ. Не знала ни минуты покоя! Ночи не спала, просыпаясь от каждаго шороха. Дрожала, обливалась холодным потом. У нас вездѣ была проведена сигнализациа, и я не раз давала ложную тревогу. Николай Карлович был спокоен, иронизировал надомной. Но развѣ легко было пережить два покушенія?.. И мы знали, что готовится третье. Революціонеры поклялись убить мужа за Москву...

В памятный день Николай Карлович заснул в спальнѣ послѣ обѣда. А уже так повелось: когда он спит, я бодрствую и сторожу. Все сторожу и провѣряю...

Обошла я опять весь дом, не знаю, в какой уже раз. В этот день у меня было особенно тревожное настроеніе. Вхожу в спальню и от ужаса присосла на мѣстѣ. Я услышала явственно тиканье часов.

Несомнѣнно, адская машина. Мы изъѣли из нашего обихода всѣ тикающіе часы, обзавелись безшумными... Вы представьте себѣ мой ужас...

Я присосла на мѣстѣ, но через нѣсколько секунд спохватилась:

— Адская машина заведена. А, если скоро взорвется? Сейчас или через 5-10 минут.

Первый мой порыв был — разбудить мужа. Но, сообразив, что он внесет сумятицу и, пожалуй, сдѣлает какую-нибудь глупость, — рѣшила дѣйствовать одна. Сняв туфли, чтобы не производить шума, я забѣгала по спальнѣ. Сначала полѣзла под кровать — ничего. Заглянула во всѣ шкапы, в комод, за занавѣски, в туалетный столик, за зеркало. Нигдѣ — ничего.

В отчаяніи хожу по спальнѣ, явственно слышу тиканье, гдѣ — не могу понять.

И вдруг пришло в голову:

— А, если машина в матрацѣ или под подушкой?

Я моментально бросилась к кровати — будить Николая Карловича и в этот момент затикало у самаго моего уха.

Меня осѣнила мысль.

И она оказалась правильной. Вы что предполагаете?.. — Никто не догадался бы. Эти революціонеры — люди дьяволы. Уму непостижимо, как они могли все пронюхать. Сквозь землю видят, — право! Очевидно, за нами была поразительная слѣжка.

Вѣдь для того, чтобы сумѣть устроить все, — надо знать каждую мелочь из нашей личной жизни...

Вот, что оказалось. В этот день мы получили букет от хороших знакомыхъ, — от сенатора генерала Здановича. Букет был принесен

из цвѣточного магазина и мы его поставили в спальнѣ на столикѣ у изголовья.

Я приложила ухо к букету — несомнѣнно, в нем тикало.

Боже, какой ужас, но и какое счастье, что я во время нашла эту проклятую машину.

Хотѣла сигнализировать, но вдруг рѣшила:

— А если произойдет взрыв раньше, чѣм прійдут.

Схватила вазу с букетом и, осторожно держа, понесла вниз.

Несла и думала.

— А вдруг сейчас взорвется?

Но себя утѣшала:

— Что ж — я погибну, но Николай Карлович будет спасен.

Лишь бы он был жив. О себѣ нисколько не заботилась. Умереть, такъ умереть...

— Именно обо мнѣ не заботилась, — прервал Риман. Ты же знаешь, как я тебя люблю. Если тебя разорвало бы, а я остался в живых, закончил бы с собой.

Она махнула рукой:

— «Разскажите вы ей»!..

Мигом утѣшился бы. Погоревал бы и забыл.

— Как тебѣ не стыдно!

— Ну, не мѣшай мнѣ до-сказать. Итак я несла букет... Но, когда стала спускаться по ступенькам, — поразила другая мысль:

— Быть может адскій снаряд такой ужасной силы, что весь особняк будет разрушен и мы погибнем...

Не знаю, какъхватило сил спуститься по лѣстницѣ. В вестибюлѣ сидѣл дежурный агент. Я кричу — сама не своя:

— В этом букетѣ бомба, т. е. адская машина... Тикает... Скорѣй бѣгите с букетом! Каждую секунду может взорваться.

Агент остолбенѣл. Он поблѣднѣл, весь сжался — кому же хочется умирать. Вдруг, снаряд разорвется в его руках.

Я затопала ногами:

— Бѣгите же!.. Или я немедленно на вас буду жаловаться самому Государю!..

Кричала, конечно, не понимая, что...

Он побѣжал... А Николай Карлович, знаете, не вѣрил.

Я его разбудила. Упала в кровать, в истерикѣ, воплю:

— Адская машина была в букетѣ!..

Так он, знаете, сначала хохотал и иронизировал:

Наслѣдник - Цесаревич и Великій Князь
Алексѣй Николаевич.

— Это, говорит, все твоя мнительность и нелѣпая подозрительность!..

Потом стал меня упрекать:

— Жаль букета. Хорошій букет и зря отдала!..

Зря отдала!.. Как вам покажется? Вскорѣ уже нам сообщили, что в букетѣ обнаружили адскую машину, ужающей силы, и через час она должна была взорваться. От особняка остались бы однѣ развалины. Если я в спальню пришла бы позднѣе, — мы погибли бы. А я имѣла обыкновеніе послѣ обѣда долго сидѣть в столовой.

И вот, значит, за нами была удивительная слѣжка...

Знали, что нам заказан букет, знали, что Николай Карлович имѣл обыкновеніе спать послѣ обѣда. Но как снаряд попал в букет?.. Загадка... Слѣдствіе ни к чему не привело. Революціонеры ужасно хитры и ловки...

Так рассказывала генеральша.

Послѣ третьяго покушенія, генерал Риман с женой были отправлены за границу, гдѣ проживали инкогнито до середины лѣта 1914 года.

Почувствовав запах войны, Риман, за нѣсколько дней до манифеста, прибыл в Петербург.

VI.

Когда Государь прибыл в Клевань, в нашем поѣздѣ всполошились необычайно...

Государь в этот день дѣлал смотр арміи верстах в 50-ти от Клевани, послѣ смотра проѣхал мимо. Но в пути узнав, что в Клевани много раненых, — вернулся обратно.

И когда пріѣхал в Клевань, его здѣсь уже не ждали.

Риман отсутствовал, замѣстителем был завѣдующій хозяйством — капитан. Он опрометью кинулся в купе, опоясавшись кушаком, на дѣл фуражку и стал бѣгать вдоль поѣзда взад и вперед: испуганный, взволнованный, совсѣм не представляя, как будет встрѣчать царя.

До того растерялся, что бросил команду, на произвол судьбы, и ею занялся доктор — исполнявшій обязанности старшаго врача.

Санитары стали надѣвать свѣжія гимнастерки и разсыпались по вагонам наводить чистоту, пока что до сигнала...

Я с двумя сестрами нашего поѣзда отправился на станцію.

Она была полна военного народа. У вокзальных дверей, в качестве почетнаго караула, стояли два генерала, но, признавъ нас членов персонала поѣзда Императрицы, безпрепятственно пропустили вперед.

Весь вокзал был превращен в лазарет. Лежали раненые в багажном отдѣленіи, комнатѣ для ожидающих, дамской уборной.

Государя в большом помѣщеніи не было, я спросил, гдѣ он, мнѣ указали глазами на одну из маленьких комнатушек; я подошел ближе и стал глядѣть в открытую дверь.

Там было три койки, лежало трое тяжело-раненых солдат, которых мы в тот же день вечером забрали к себѣ в поѣзд.

Раненые были в забытіи. Государь, стараясь ступать безшумно,

проходил между коек, наклонялся над солдатами и прикалывал им Георгія.

Он приблизился к третьему солдату, у которого обѣ руки имѣли сложный переломъ с раздробленіемъ кости и были забинтованы сплошь поверхъ деревянныхъ шин. Наклонился над ним, чтобъ приколоть орден. В это время солдатъ внезапно пришелъ в себя, узналъ Государя и вскрикнулъ:

— Отецъ наш!..

И, сдѣлавъ рѣзкое движеніе, обнялъ шею Государя обѣими искалеченными руками. Государь поцѣловалъ раненаго в губы, а солдатъ внезапно снова впалъ в забытіе, и его руки шлепнулись на койку безжизненно.

Царь былъ растроган. Слезы показались на его глазах. И онъ отвернулся къ окну, сталъ сбивать ихъ ресницами, изъ **застѣнчивости** не рѣшаясь вынуть носового платка. Иначе всѣ догадаются, что онъ плачетъ.

Я стоялъ у самой двери и видѣлъ. И всѣ ближайшіе тоже видѣли, затаились в молчаніи.

Минуты черезъ двѣ-три, онъ рѣзкой походкой вышелъ ко всѣмъ и сказалъ низкимъ басомъ, обращаясь къ начальнику пункта.

— Покажите мнѣ всѣхъ тяжелых!..

Когда Императоръ посѣтилъ в госпиталѣ д-ра Яценко 5 раненыхъ офицеровъ, я съ тѣми же двумя сестрами присутствовалъ при этомъ.

Государь проѣхалъ на автомобилѣ кружнымъ путемъ, а мы — по тропинкѣ черезъ рощицу — быстро прошли и попали в госпитальъ въскорѣ послѣ его прибытія.

Послѣднему раненому — молодому 20-лѣтнему подпоручику, онъ сказалъ:

— Передайте от меня поклонъ вашей матушкѣ, хотя я ее не знаю, но я тоже отецъ, а у нея вы единственный сынъ.

Мы стояли у косяка двери, и одна изъ сестеръ наивно меня стала просить:

— Владимір Николаевич, пожалуйста, пригласите къ намъ въ поѣздъ царя!

Я усмѣхнулся:

— Что вы?.. Я военный. Мнѣ дисциплина не позволяетъ. И прійдетъ же вамъ в голову, — эхъ, вы — женщины!..

В это время Государь пошелъ впередъ и, когда поровнялся съ нами, — эта сестра сдѣлала шагъ навстрѣчу и воскликнула:

— Ваше Императорское Величество!

Онъ остановился:

— Что вамъ — сестрица?

— Ваше Императорское Величество, мы вас... мы, — смутилась и выпалила скороговоркой:

— Пожалуйста, посѣтите поѣздъ Императрицы, — мы здѣсь недалеко!

Онъ улыбнулся:

— С удовольствіемъ, но не теперь.

— Ваше Императорское Величество, — воскликнула другая сестра, мы имѣемъ 186 нижнихъ чиновъ и 5 офицеровъ — пожалуйста къ намъ.

— В другой раз обязательно побываю, сестрицы, буду помнить, но теперь не могу. Он болен, устал и не позволяет.

Государь указал на Наслѣдника и направился к выходу.

Мы втроем — я с двумя сестрами — оказались вплотную с автомобилем.

Пока Государь усаживался, генералитет, офицеры и военные чины, застыли недвижимо, приложив руку к козырьку.

А я, никогда не научившись становиться во фронт по военному, в забывчивости козырнул Государю раза три или четыре, раскочиваясь всѣм корпусом.

Царь вдруг, замѣтил. И привстав на диванѣ, с комическим жестом, копируя меня, мнѣ козырнул три раза.

Автомобиль укатил...

Два генерала взяли меня под руки:

— Ай, доктор, как можно!.. Ай-ай-ай!.. Ха-ха-ха!.. Вы Государю козыряли, будто своему большому пріятелю!..

VII.

Начальниками военно-санитарных поѣздов были старшіе врачи. Потому и у нас старшій врач пытался отвоевывать свое положеніе.

Риман — властолюбивый, привыкшій повелѣвать, командовать, — не мог допустить раздѣленія власти. Старшій врач Архипов в свою очередь имѣл свое большое профессиональное самолюбіе. И, естественно, — возник конфликт и обострился до крайности.

Риман и Архипов друг друга не выносили.

Архипов был страшно упрям. Окончив военно-медицинскую академію и всю жизнь состоя военным врачом, он был чиновником до мозга костей, формалистом, службистом. И отстаивал свое право медицинскаго начальника, примиряясь с тѣм, что генерал будет представлять.

Генерал его свел на ничто.

Тогда Архипов забастовал. Рѣшил ничего не дѣлать, сидѣл у себя в купе и читал газеты.

Риман не реагировал.

Архипова это злило и преслѣдовала болѣзненная навязчивая идея — как-нибудь, да проявить себя.

Создавалась тяжелая атмосфера.

Однажды в Полтавѣ Архипов выписал без вѣдома генерала какого-то больного и отправил в полтавскій госпиталь. Произошло крупное объясненіе. В результатѣ Риман вспылil и крикнул:

— Колежскій совѣтник Архипов — марш, в купе!.. Я вас сажу под арест!

Позвал деньщика и крикнул громко, чтоб слышал Архипов:

— Носить старшему врачу в купе обѣд и ужин!..

— Я не желаю, чтобы он присутствовал за столом, — объяснил нам.

Архипов просидѣл под арестом до Харькова, находился под арестом в Харьковѣ во время нашей стоянки, ѣхал арестованным до Кіева, а в Кіевѣ был отправлен на гауптвахту.

Перед тѣм Риман собрал всѣх нас в столовой официально, явился, при револьверѣ, и заявил:

— Колежскій совѣтник Архипов, я вас отчисляю от поѣзда за неповиновеніе!.. Вы не хотѣли мнѣ подчиниться, вы пѣплялись за пародію власти, которой не имѣете... Вы смѣшны в своем желаніи бороться со мной! Жалѣю, что вы столь наивны. Я должен проститься с вами!..

В продолженіе нѣскольких мѣсяцев, у нас не было страшого врача. Каждый из младших по дежурству считался исполняющим обязанности старшаго.

Но произошел такой случай.

Надо было представлять наградные листы.

Я подписал листы двух своих коллег, за старшаго врача, а мой лист был подписан другим врачом.

На кievском эвакупунктѣ обратили внимание.

— В поѣздѣ два старших врача.

Риману предписали кого-нибудь из нас назначить «исполняющим обязанности старшаго врача».

Но скоро к нам прибыл новый: д-р Михаил Романов — из Кіева.

Тот сначала старался подойти к генералу и первое время между ними установились приличные отношенія.

А затѣм повторилась прежняя исторія.

Риман отчислил ст поѣзда и Романова.

И опять мы остались без медицинскаго начальства.

В. Унковскій среди сестер поѣзда Императрицы.

***

Когда Риман пріѣхал в августѣ 1914 года в Харьков — вѣсть о том, что знаменитый командир московской карательной экспедиціи является начальником санитарнаго поѣзда Императрицы, молниеносно распространилась по городу. А послѣ, всюду, гдѣ мы курсировали.

На жизнь Римана, как я уже говорил, было три покушенія.

Санитарный поѣзд предохранял от покушеній: в этих соображеніях Риман и получил свое назначеніе.

Но, конечно, не имѣли полной увѣренности.

Революціонныя партіи не покушались бы на санитарный поѣзд, чтоб уничтожить Римана. Ни один революціонер, по своему почину, вѣроятно, не рѣшился бы взорвать в таких цѣлях санитарный поѣзд, когда война была так популярна сначала.

Когда поѣзд вез раненых, мы мало думали о покушеніи.

Вряд-ли нашелся бы изверг, рѣшившійся, из мести Риману, погубить 500 человекъ, проливших свою кровь за отчизну.

Развѣ — душевно больной...

Но во время порожняго рейса, желающіе свести с Риманом счеты, его щадили — ради нас и санитаров.

Постепенно возможность покушенія уменьшалась по мѣрѣ того, как Риман завоевывал любовь команды, и санитары всюду, гдѣ мы проѣзжали, дѣлали ему реноме хорошаго «начальника».

Солдату много ли нужно?

Вкусная обильная пища и гуманное отношеніе.

Риман прекрасно кормил солдат. За воровство прогнал завѣдующаго хозяйством, поручика. Не приуменьшая порціи, а **преувеличивал**, сам часто ходил на кухню. Требовал пробу обѣда и ужина и, для примѣра, не рѣдко съѣдал всю порцію.

Говаривал:

— Я, как Суворов, люблю солдатскую пищу. Часто ее предпочел бы нашему хорошему столу.

Он не давал солдата в обиду, был к нему справедлив, и слѣдил, чтобы унтер-офицеры, фельдфебель и завѣдующій хозяйством не злоупотребляли своей властью.

Команда его боготворила...

Наши солдаты были все люди простые. Мужички от сохи или чернорабочіе. Политикой не занимались и ничего в ней не понимали. О том, что Риман продѣлал карательную экспедицію под Москвой, их освѣдомили только в нашем поѣздѣ.

И мнѣніе было таково.

— Что говорят — не нашего солдатскаго ума дѣло.

— Его жизнь пущай при нем останется. Не мы ему судья... Нам он начальник хороший.

— Генерал, что и говорить, добрый...

К раненым солдатам Риман также относился хорошо. Распрашивал об их нуждах, устраивал многих в привилегированные госпитали, нѣкоторых по их просьбам высаживал на родинѣ, если деревня находилась вблизи станціи, через которую проѣзжали.

Хотя с формальной точки зрѣнія этим превышал власть.

— Смотри, чтоб живым махом! — скажет... Одна нога здѣсь — другая там.

Солдат, не поняв шутки, испуганно задаст стрекача.

Генерал хохочет. Или высунется в окно и крикнет:

— А ну-ка!.. Надбавь, а то велю догнать!..

В первые мѣсяцы, когда шли порожняком, мы неоднократно думали о покушеніях.

Проснешься среди ночи, и проносится мысль:

— А, вдруг, сейчас произойдет.

Зажмуришь глаза. Мурашки забѣгают по тѣлу. Вот, грянет взрыв. Поѣзд сойдет с рельс. Станут кувыркаться вагоны. Или под высокій откос, или с моста в рѣку.

Брр...

Вспоминались описанія различных крушеній. Треснет вагон и

тебя раздавит в лепешку: или оторвет голову, или вышвырнет через разбитое окно в кромѣшный мрак.

Не хотѣлось умирать — о, как не хотѣлось умирать!..

Но мѣсяц за мѣсяцем проходил благополучно.

О роли Римана под Москвой — стали понемногу забывать. А к нему, в его новой роли, присматривались.

И, быть может, не один мститель отказался от своего намѣренія...

Наш вагон мужского персонала поѣзда находился рядом с генеральским.

И в случаѣ покушенія, мы рисковали в первую голову.

VIII.

Риман был монархистом до мозга костей.

Но не требовал от нас, чтобы мы исповѣдовали его убѣжденія. Он знал, что я пишу в либеральных газетах и журналах, напримѣр, в «Биржевых Вѣдомостях», «Петроградском курьерѣ», «Огонькѣ», «Аргусѣ» и др., в толстых журналах - ежемѣсячниках: «Современномъ Мірѣ», «Новом журналѣ для всѣх». Но относился ко мнѣ хорошо.

Сначала он мнѣ заявил:

— Всѣ ваши военныя впечатлѣнія вы должны прежде, чѣм отдавать в печать, — представлять мнѣ на цензуру. Иначе, запрещаю печатать.

И я должен был идти в купе и прочитывать ему написанное мною.

Так продолжалось нѣсколько мѣсяцев.

Однажды он мнѣ сказал:

— Я вижу, что вы пишете в интересах Россіи и нашей побѣды. Мнѣ очень нравятся ваши фельетоны, считаю их полезными. Вполнѣ вам довѣряю, и потому отмѣняю цензуру в дальнѣйшем. Но требую категорически не называть в статьях наш поѣзд. касаться интимной жизни послѣдняго и, само собой, ни слова обо мнѣ.

А его жена Александра Александровна вырѣзывала мои статьи из всѣх газет и журналов, наклеивала в объемистую тетрадь и говорила:

— По окончаніи войны поднесу Императрицѣ Александровнѣ Федоровнѣ.

Если случайно у нея какого-нибудь номера не оказывалось (я имѣл обыкновеніе номеровать главы), генеральша тотчас посылала мнѣ письмо или записочку с просьбой отыскать недостающій. Особенно она слѣдила за харьковской газетой «Южный Край», потому что жила в Харьковѣ...

Одна из наших сестер, Эльфрида Федоровна, была эс-эшкой. Сначала она скрывала свои убѣжденія и, во время политических разговоров в поѣздѣ, дипломатически молчала. Но, присмотрѣвшись к Риману и поняв, что он не проявит нетерпимости, — сбросила личину.

Начинался спор, Риман горячился, отстаивал свои воззрѣнія, Эльфрида Федоровна экспансивно возражала, Риман ни разу не вышел из себя. Пожимая ей руку, иногда шутливо приговаривал.

— Моему политическому противнику — наше почтение.

Часто в концѣ спора, заключал:

— Вы человек не опасный, Эльфрида Федоровна. Думайте, что хотите... Вообще против таких мирных революционеров, как вы, — я ничего не имѣю. Знаю — вы мухи не обидите... Но активные — мои враги... Если вы были бы активной революционеркой, Эльфрида Федоровна, — я вас давно повѣсил бы.

— Фи, ваше превосходительство, какой вы не джелтмен!

— Я жесток, когда дѣло идет о врагах родины. И что не рисуюсь, не требует доказательства. Я себя проявил, что всѣм вам извѣстно... Когда надо, я — жесток!..

IX.

Священником нашей поѣздной церкви, как я уже упомянул, стоял о. Владимір Иванович Попов — депутат 4-й Государственной Думы от Подольской губерніи. Высокій, широкоплечій, представительный, с округлой бородкой, обрамленными под стать борода усы и баками — он своей благобразной внѣшностью, являл вид столичнаго священника.

Отец Владимір Попов умѣл соблюсти лицо. От природы ему дана была благобразная внѣшность, соответствующая священническому сану, но он обдуманно подстригал и бороду и усы, чтобы сохранить свѣтскій вид.

И когда императрица Александра Федоровна, посѣтила наш поѣзд, и вскоре послѣ нея вдовствующая императрица Марія Федоровна — обѣ послѣ молебна, отслуженнаго о. Владиміром, подходили к нему для благословенія и он их благословлял с той же осанкой, как дворцовый священник.

Два года я прослужил в поѣздѣ Императрицы с о. Владиміром и скажу — всегда он был одинаков. Два года мы с ним не то, что встрѣчались, а проводили совмѣстно дни.

В поѣздной столовой обѣдали и ужинали неизмѣнно под предсѣдательством генерала Римана.

Отец Владимір имѣл врожденный такт и врожденную осанку,. Императрица Александра Федоровна впервые посѣтившая свой поѣзд, послѣ молебна **смирено** поцѣловала ему руку.

О. Владимір свято выполнял свои духовныя обязанности. Мнѣ ярко вспомнился один случай.

Везли мы в один рейс 500 раненых солдат. Медицинская работа у нас была поставлена идеально. Но, когда вы имѣете дѣло с нѣсколькими сотнями людей, естественно, могут быть невольныя упущенія.

И вот однажды ночью стук в дверь моего купе.

— Кто там? — крикнул я.

— Отец Владимір.

Я предупредительно открыл дверь. По выраженію лица о. Владиміра уже понял, что стряслось нѣчто экстраординарное.

— В чем дѣло? — спрашиваю.

— Истекает кровью в вашем вагонѣ один солдат. Может быть, уже умер.

Мы оба прибѣжали, солдат плавал в лужѣ крови! Я не был виновен, как врач — кровотечение открылось послѣ перевязки, но конечно, его жизнь спас о. Владимір. Не подоспѣй я — истек бы кровью...

Когда мы везли раненых, о. Владимір до обѣда ходил по вагонам и бесѣдовал с солдатами, проявляя исключительную сердечность. Мы врачи были заняты дѣлом с утра до ночи, изнемогали, от усталости и часто недооцѣнивали роли о. Владиміра. Мы не понимали по молодости лѣтъ, что душевное утѣшеніе может превалировать над тѣлесным врачеваніем.

Теперь, в эмиграціи, много пережив и передумав, бросив ретроспективный взгляд на прошлое, я осознал с полным безпристрастіем высокую роль о. Владиміра и уразумѣл всю значительность его служенія страждующему брату во Христѣ. Он был именно пастырем добрым, согласно евангельской притчѣ.

И еще вспомнился случай. В первые мѣсяцы нашей дѣятельности умер от тяжелых ран один солдат. Это была первая смерть в нашем поѣздѣ. Очень убитый и потрясенный о. Владимір хотѣл отслужить панихиду — генерал воспротивился!

— Ни-ни-ни!.. Сдадим труп на станціи «Шепетовка» на эвако-пункт.

Отец Владимір был обезкуражен. Риман похлопал его по плечу:

— Батюшка, не печальтесь! Их тысячи гибнут в боях и если бы по каждому служить панихиду — вы представляете... Надо трезво смотрѣть на вещи. У вас хорошая душа, я вижу. Но в данной обстановкѣ вы наивный человѣкъ...

Отец Владимір тоскливо отправился в свое купе и не спал всю ночь.

На слѣдующее утро, когда всѣ собрались, генерал Риман, гремя шпорами, вошел в столовую. Долго жал священнику руку.

— Вы вчера на меня обидѣлись. И, пожалуй, осуждаете. Но поймите, что война — мясорубка и краснорѣчивое тому доказательство — братскія могилы... Не сердитесь?.. Нѣтъ... Ну, поцѣлуемся...

Врачи поѣзда Императрицы:
В. Унковскій (слѣва), **В. Тарханов** (справа). Между ними священник поѣзда **о. Владимір Попов** — член Государственной Думы.

Х.

Я прослужил в поѣздѣ два года, а затѣм его покинул, подав рапорт о разстроенном здоровьи.

Когда началась революція, я служил в Румыніи и о событіях,

происходивших в поѣздѣ Императрицы в первые революціонные дни, знаю со слов нѣкоторых членов персонала.

А случились любопытныя вещи.

Переворот застал поѣзд в Кіевѣ, гдѣ Риман в то время квартировал, переселившись из Харькова.

Узнавъ о переворотѣ, генерал собрал команду и произнес рѣчь:

— Братцы, вы всѣ знаете, что произошло в Россіи. Государь Император отрекся от престола, и верховная власть перешла в руки временнаго правительства. Вы раньше вѣрой и правдой служили Государю Императору, нынче должны повиноваться временному правительству и исполнять его приказанія.

В связи с новым строем жизни, я получаю другое назначеніе. И скоро оставляю поѣзд. Быть может, еще сдѣлаю с вами один рейс, быть может, не удастся, если меня отзовут экстренно, и тогда через нѣсколько дней я прійду проститься с вами... Все выяснится в теченіе 2-3 дней.

А пока, братцы, скажу вам. Я вами доволен, вы мнѣ служили хорошо, повиновались, как добрые солдаты. Если я был для вас плохим начальником, прошу простить. Но я вас полюбил, и мнѣ будет тяжело с вами разставаться, дорогіе мои солдаты!.. Не помните лихон, братцы!..

Команда плакала...

Собрав персонал, Риман назначил временнаго замѣстителя, дал приказ нѣсколько дней оставаться в Кіевѣ, выжидая дальнѣйших событій.

— Я явлюсь и сообщу вам, куда и когда идет поѣзд. Со мной или без меня. Ожидайте моих распоряженій.

С любезной улыбкой подал каждому руку и удалился в купе. А через полчаса вышел с большим чемоданом в руках, сѣлъ на извозчика и уѣхал...

Так скрылся Риман.

С тѣх пор никто из команды и персонала поѣзда никогда не видѣлъ генерала.

Позднѣе, когда кіевскій совѣтъ солдатских и рабочих депутатов распорядился разыскать Римана, и явились за ним на его квартиру, — прислуга отвѣчала:

— Нѣсколько дней назад генерал с женой пошли погулять и больше не возвращались. Быть может, они арестованы.

Но супруги Риманы не были арестованы. Они безслѣдно исчезли из Кіева — неизвѣстно куда.

Персонал и команда поѣзда поняли все. Команда осталась на сторонѣ генерала.

— Что ж, кому хочется в тюрьму добровольно? Схоронил концы.

— Но, выходит, и вам он не вѣрил? — говорили им со стороны.

— Нонче такія времена, что и родному отцу не повѣришь. Да и разные люди могли промеж нас оказаться...

Только послѣ угроз, команда стала замазывать краской короны и вензеля на вагонах и сорвала доску, на которой было начертано наименованіе поѣзда.

Санитары отвѣчали:

— Генерал свой приказ даст. Он об этом нам никаких разговоров не дѣлал.

— Прошло время генералов! — внушали командѣ.

— Нас не касается...

Эпилог разыгрался в пассажирском поѣздѣ, имѣвшем направление на Торнео.

За нѣсколько станцій до шведской границы — в поѣздѣ проходил контроль. Он с трудом подвигался, потому что в корридорах стояли пассажиры тѣсными толпами, сидѣли на чемоданах, сундуках, узлах. Разнузданные солдаты, дезертиры с фронта, которые нагло лѣзли в вагоны на всѣх станціях в Россіи, здѣсь, в финляндском поѣздѣ, попадались единицами, — вѣдь рѣдко кому из них могла бы понадобиться шведская граница... В одном из вагонов контроль обратил вниманіе на запертое купе.

— Здѣсь сестрица больного везет! — сказал кто-то... Уж мы их не беспокоим.

Но военный комендант постучал в дверь:

— Отоприте!.. Провѣрка документов!..

Дверь стала отодвигаться, и в щель просунулась голова пожилой женщины в косынкѣ.

— Заходите сюда, я боюсь, что больного просквозит.

Длинный человек лежал, закутанный в плед, и на щекѣ была повязка.

Комендант внимательно всматривался и заподозрил мистификацію.

— Чѣм болен?

Сестра отвѣчала:

— Ревматизм, колѣно ломит, а затѣм мучительная зубная боль.

— Ну, это не так серьезно.

— Он сильно страдает.

— И вы, сестра, специально командированы сопровождать такого больного?

— Он мой муж.

— А-а-а, — протянул комендант, многозначительно переглянувшись с сопровождающими... Покажите ваши документы.

Больной оказался ветеринарным врачом Ивановым, женщина — сестрой кievскаго эвако-пункта, женой ветеринарнаго врача.

Комендант прочел документы и сказал:

— Прекрасно, но, зачѣм вы занимаете цѣлое купе, когда поѣзд переполнен?... Больной не настолько серьезен... Вам придется потѣсниться...

— Я вас просила бы к нам никого не сажать. Разрѣшите остаться в купе вдвоем.

— Не разрѣшаю! — отрѣзал комендант и протянул документы обратно.

Сестра милосердія схватила их поспѣшно, но слѣдовавшій в контроль штатскій в фетровой шляпѣ и черном пальто, прикоснулся к ея рукѣ.

— Позвольте мнѣ на секунду документы?

Сестра изменилась в лицѣ, но овладѣла собой и произнесла с дѣланной улыбкой:

— Ах, пожалуйста!

Воцарилось молчаніе.

Штатскій обратился к коменданту:

— Сестра 51 тылового эвакуаціоннаго пункта написано прописью, а печать 57-го пункта.

— Это простая описка, — сказала сестра, блѣднѣя.

— Жена служит на 57 тыловом эвакуаціонном пунктѣ в Кіевѣ, — вставил больной.

— Хорошо, мы разберем, потрудитесь слѣдовать за нами вдвоем! — приказал комендант.

— Но муж больной.

— Я не намѣрен повторять приказаній! Иначе буду вынужден примѣнить силу.

— Больной покорно поднялся и взял жену под руку. Возлѣ дверей столпились любопытные. Едва он показался в коридорѣ, какой-то студент крикнул:

— Это генерал Риман!..

Протиснулся вперед:

— Вы — генерал Риман, я вас видѣл под Москвой!..

Возбужденный, стал восклицать, жестикулируя:

— Товарищи, — это тот Риман, который в 1906 году разстрѣливал возставших революціонеров под Москвой!.. Если среди вас есть москвичи — посмотрите на него, я его сразу узнал!.. Поймали Римана — мы его не должны выпустить!..

В воздухѣ запахло кровью...

К счастью для Римана поѣзд замедлял ход, остановился на станціи, и конвой поспѣшил увести супружескую чету.

Супругов обыскали. У них нашли солидную сумму денег в шведской и германской валютѣ. Деньги отняли. Риман был арестован и отправлен в Петропавловскую крѣпость.

Он раздѣлил участь Штюрмера, Протопопова и других.

Но в іюнѣ мѣсяцѣ 1917 года, по приказу А. Ф. Керенскаго, Римана освободили на том основаніи, что он послѣдніе 10 лѣт не принимал никакого активнаго участія в политической жизни страны.

И генерал с женой выѣхали в Германію.

Риману повезло.

Бывшій поѣзд Императрицы превратился в обычный тыловой военно-санитарный поѣзд.

Никто из персонала не пострадал, команда поѣзда не превратилась во взбунтовавшихся рабов, но и во время революціи честно несла свою службу.

Персонал первое время опасался эксцессов со стороны, хотя послѣ бѣгства Римана поѣзд оставили в покоѣ и скоро о нем забыли.

В. Унковскій

ПСИХОЛОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ

4.

П У Н К Т И К И.

В ненормальное время живем мы. Одно за другим, непрерывно, всевозможныя тревожныя событія: конференціи, тайфуны, свиданія вождей, столкновенія аэропланов, выпуск чьих-нибудь мемуаров, убійства, успокоительныя заявленія глав правительств. Опытные взрывы атомных бомб...

Есть от чего пошатнуться нервам.

А тут еще излишній опыт прошлых лѣт: одна міровая война, другая міровая война, холодная война на Западѣ, горячая война на Дальнем Востокѣ. И прохладныя отношенія повсюду.

И если ко всему этому прибавить темп нынѣшней жизни, эту вѣчную спѣшку, этот непрерывный шум — гудѣніе автомобилей, треск мотоциклетов, жужжаніе авіоноз, рев радіо, назойливое мерцаніе вечерних огненных вывѣсок, — то при подобных обстоятельствах культурному человѣку остаться нормальным, дѣйствительно, не очень легко.

С внѣшняго вида все у него как-будто естественно. А в чем нибудь, все-таки, общее вліяніе цивилизаціи и прорвется.

Вот, есть у меня одна знакомая дама. Женщина милая, образованная, с изысканным вкусом, не лишенная различных талантов. И одно у нея — бѣда: безумно любит собирать веревочки. Это у нея осталось со времен второй великой войны. Веревочки она обожает всякія: и длинныя и короткія; и сѣрыя и бѣлыя, и цвѣтныя; и от пакетов, и от посылок, и от кондитерских коробок; и даже совсѣм простые, громоздкія, вродѣ тѣх, на которых сушат бѣлье.

Однажды мы с нею в порту встрѣчали на пристани ея старую подругу, которую она не видѣла нѣсколько лѣт. Пароход подошел, отшвартовался, сходни спустили, пассажиры стали высаживаться...

А моя спутница смотрит не на сходни, а в сторону кормы, гдѣ матросы возятся с толстым канатом, оборачивая его вокруг желѣзнаго причального столбика. И смотрит именно на канат. Восторженно-любовно. Точно зачарованная...

Только объятія пріѣхавшей подруги вывели ее из этого транса.

Я увѣрен, что будь у этой дамы квартира побольше, с лишней запасной комнатою, она собирала бы при случаѣ и всѣ такія морскія вещицы.

Получая из Америки посылку от добрых людей, она лихорадочно накидывается на этот подарок и разсматривает: какой веревочкой

перевязана коробка. Что внутри, ее мало интересует; обычно содержимое она раздает нуждающимся знакомым. Но веревочку и бумажную обертку снимает с посылки бережно, осторожно, чтобы, не дай Бог, не повредить, и, аккуратно сложив и свернув, несет в кладовую, которую предусмотрительно запирает на ключ.

Точно так же поступает она и с коробочками из под конфет или пирожных, поднесенных ей на именины или в другие торжественные дни. Как по-детски радостно разсматривает цветные ленточки или витые золоченые нити, накрест охватывающія бѣлый картон! И что ее иногда огорчает, это не вкус неудачных пирожных, а узлы, вмѣсто бантиков, сдѣланные на ленточках торопливой продавщицей: узлы так трудно развязывать, чтобы не повредить ленточки!

В общем, живется этой дамѣ не плохо. На судьбу не жалуется, а главное — на будущее смотрит спокойно, зная, что в случаѣ третьей мировой войны ей есть чѣм перевязать чемоданы, письма, фотографіи, гравюры и прочія вещи, необходимыя при бѣгствѣ от атомных бомб.

Впрочем, иногда бывают у нея и тревожныя минуты и даже драматическія положенія. Помню, однажды пригласила она меня позавтракать с нею. Угостила на славу. Кофе было даже с ликером. Но послѣ завтрака мнѣ нужно было отнести на почту заказную бандероль, чтобы отправить в Америку. И я неосторожно сказал:

— Дорогая Вѣра Андреевна, не можете ли вы дать мнѣ какую-нибудь тонкую веревочку, чтобы обвязать бандероль? Боюсь в пути бумажная оболочка может расклеваться.

Сказал я это и тут же сообразил, какую сдѣлал оплошность. Хозяйка покраснѣла, глаза заметались в разные стороны, на лицѣ появились складки страданія. Она нервно задвигалась на плетеном стулѣ, будто снизу под нею развели небольшой костер... И дрожащим голосом проговорила:

— Веревочку? Хорошо... Только не знаю... Найдется ли? А, кстати, скажите: вы, кажется все знаете... Чѣм отличается водородная бомба от обыкновенной атомной?

Веревки я так и не получил.

**

Знаком я и с другой дамой, по нѣкоторым своим склонностям напоминающей Вѣру Андреевну. Она тоже очень культурна, тоже мила, отзывчива к чужой бѣдѣ, прекрасно играет на роялѣ. Только — одно грустно: у нея страсть ничего не выкидывать из того, что когда-нибудь попало в ея квартиру.

В передней всѣ мѣста, кромѣ дверей, заняты от пола до потолка коробками разных національностей и разных размѣров. Есть американскія с надписью gift; есть англійскія, шведскія, швейцарскія; есть, конечно, много и французских, главным образом от оптовой продажи «флай-токса» и Д.Д.Т. А, кромѣ того, масса других, поменьше: от ботинок, от шляп, от платьев, от панамы для стирки, от наба, от соли, от сахара, от соды и от прочаго такого всякаго. И только около вѣшалки эти всѣ коробки слегка раздвигаются, чтобы дать мѣсто жестянкам. Вѣдь и жестянки тоже требуют своего мѣста! За тридцать то лѣтъ, сколько можно съѣсть консервов даже самой скромной и не-

требовательной женщин! И варенье, и горошек, и фасоль, и томаты, и сардины, не говоря уже об анчоусах и нескафе.

Разумѣется, всѣ эти жестянки можно было бы хранить гдѣ-нибудь в другом мѣстѣ, хотя бы в гостиной, если в квартирѣ нѣтъ «плакаров». Но так может говорить только тот, который не видѣл гостиной, она же столовая. Тут, в гостиной, вполнѣ достаточно и своих вещей, чтобы втискивать сюда какіе-нибудь анчоусы или сардины. Здѣсь сгруппировались всѣ бутылки, всѣ склянки и вся побитая посуда с 1925-го года. Бутылки и склянки расположились бордюром вокруг комнаты по стѣнам в порядкѣ их роста: от большого пузатаго кіанти до маленькаго пузырька из под камфарнаго масла. А посуда громоздится на буфетном шкапу и на двух прилегающих столиках для бриджа. Чего, чего тут нѣтъ! И бывшіе фарфоровые чайники с провалившимися носиками, представляющіе жуткую медицинскую картину; и распавшіяся на части фарфоровыя тарелки, бѣлой костью на мѣстѣ распада указывающія на свое благородное происхождение; и осколки чашек и блюдец, и бывшія чайныя ситечки, у которых мелкія дырочки слились в одну общую просторную дыру; и нѣсколько насквозь прожженных кастрюль, рядом с которыми расположилась и кастрюля цѣлая, но с предательской ручкой, которая начинает вертѣться в рукѣ, когда нужно снять кипящее молоко.

Только, стоящій с противоположной стороны, коммод в этой столовой сравнительно пуст. На нем слѣва стоит пылесос, посреди — туалетное зеркало, а справа — флаконы с бывшим одеколоном, гребни, щетки, бигуди и пять будильников. Из будильников идет только один; но как идет! Остальные же полукругом стоят возлѣ него и с востергом на своих круглых лицах прислушиваются к его неутомимому стуку.

Опять, казалось бы, пылесос из этой компаніи будильников и флаконов можно было бы изъять и помѣстить куда-нибудь, напримѣр, в спальню. Хозяйка сама это понимает отлично и в свободное время часто обдумывает этот вопрос. Но гдѣ в спальнѣ найти свободное мѣсто, если там сконцентрировались в разных мѣстах кипы старых русских, французских и англійских газет, горшки с хранящимися в них выжатыми тюбиками от зубной пасты, корзины с истлѣвшим бѣльем, а главное — восемнадцать пар ботинок, скопившихся со времен новороссійской эвакуаціи?

С чѣм, с чѣм, а с этими ботинками Евдокія Васильевна никогда не разстанется. Она, быть может, уступит кому-нибудь всѣ выжатые тюбики от зубной пасты; возможно — откажется от части старых газет; но каждая пара туфель дорога ей индивидуально, как память. В этой, коричневой, она подавала в русском ресторанѣ в Константинополѣ... Уже тогда на одной из них почему-то сѣхал наостроу каблук. А в этой — проводила время в Софіи. В Софіи Петр Иванович, влюбленный тогда в нее, на одну из них деликатно нажимал под столом сапогом военного образца, стѣсняясь открыто признаться в любви. Хорошее время было! А в этой парѣ, оливковаго цвѣта, у которой обѣ подошвы отскочили, она ходила по Вранячкѣ Банѣ, в Сербіи. За нею тогда ухаживал один македонец, хотѣд даже жениться, но она испугалась, отказала ему, а он с горя наѣлся ражничей, чивапчицей, и с таким количеством паприки, что получил заворот кишек и скончался. Говоря по-сербски — «цыркнул».

А сколько всяких воспоминаний с остальными пятнадцатью парами!

**
*

Однако, есть у меня нѣкоторые знакомые и совсѣм другой категоріи. Преувеличенно заботящіеся не о своем будущем и не о прошлом, а о своем настоящем. Прежде всего — о здоровьи.

Напримѣр, парижанка Алла Владиміровна.

Сколько уже лѣтъ мучается, бѣдняжка, от неизвѣстной болѣзни, которую и она сама и никто из докторов опредѣлить никак не могут. Симптомы этой болѣзни очень загадочны: нигдѣ ничего не болит, нигдѣ не сосет, не скребет, не ноет, даже не чешется. И припадков никаких не бывает, и желудок варит исправно, и головокруженій нѣтъ, и всѣ отправленія как будто нормальны. А, между тѣм, совершенно ясно: ужасная болѣзнь гдѣ-то сидит. И найти ее нужно во что бы то ни стало.

Докторов она мѣняет часто, так как всѣ они — коновалы и ничего не понимают. Нѣкоторые из них даже грубы и нахальны. Один, француз, послѣ осмотра сказал, что завидует ей и сам бы желал быть таким здоровым, как она. А другой, русскій, на просьбу Аллы Владиміровны прописать что-нибудь, начертал ей слѣдующій наглый рецепт:

«По утрам: крѣпкій кофе с молоком или со сливками, бутерброды с ветчиной или колбасой, сдобная булка с вареньем.

За пять минут до завтрака—двѣ рюмки водки, пирожки с мясом, сосиски с кислой капустой. Через десять минут послѣ этого: эскалоп с гарниром и отварная рыба, если нѣтъ жареной; на сладкое — фруктовый салат.

Вмѣстѣ с ѣдой — двадцать капель воды и пол-литра красного вина. Послѣ ѣды через пять минут — кофе с коньяком».

Только одного приличнаго доктора нашла Алла Владиміровна, который дѣйствительно внимателен и удачно поддерживает ея хрупкое здоровье. Обычно прописывает он пять-шесть разных лѣкарств сразу, предупреждая, однако, что не слѣдует слишком злоупотреблять их приѣмом. Алла Владиміровна послѣ визита радостно направляется в аптеку, покупает все, что нужно, несет домой и бережно прячет в особый шкафчик: там хранятся у нея всѣ другія пантентованныя средства, прописанныя за послѣдніе годы: липіодоль, нисиль, кодоформ, активфос, падериль, октенсаноль, перистальтин, дезинтекс, уроформин... Разумѣется, ничто из этого не принимается, но на всякій случай содержится в строгом порядкѣ, чтобы в любой момент быть под рукой. Бывает, что кто-нибудь из близких людей спросит Аллу Владиміровну, почему она не попробует принять что-либо из этого фармацевтическаго богатства? Но она или отводит разговор всторону, или неохотно отвѣчает:

— Я недавно прочла в «Ридерс Дайджест», что современные лѣкарства очень сильны и что пользоваться ими могут только вполне здоровые люди.

Вообще же Алла Владиміровна не любит, когда кто-нибудь, даже из близких друзей, вмѣшивается своими совѣтами в ея способы лѣченія. А самое непріятное для нея, это — если неосторожно сказать ей,

что за послѣднее время она очеь поправилась и что вид у нея прѣвосходный.

— Ну, что вы говорите? — возмущенно отвѣчает она. — Я никогда не чувствовала себя так отвратительно, как теперь!

За все время нашего знакомства один только раз призналась она мнѣ, что чувствует себя значительно лучше. Но, сказав это, тут же тревожно добавила:

— Ох, боюсь... Не к добру это!

**

Мог бы я, помимо Аллы Владиміровны, привести еще нѣсколько примѣров странностей у нѣкоторых знакомых дам. Одна, напримѣр, смертельно боится заразиться чѣм-нибудь и потому главную часть жизни тратит на антисептическія мѣры; на свое портмонэ или на кошелек со страхом смотрит, как на жуткій очаг заразы; вынудив из них при расплатѣ в магазинѣ тысячу франков, или сто, или двадцать, и получив сдачи, она торопливо направляется домой, обмакивает руки в крѣпкій раствор жавеля, затѣм моет их мылом, а послѣ этого скребет щеточкой, чтобы зараза случайно не забралась под ногти. Каждую кастрюлю, прежде чѣм варить в ней что-нибудь, она сначала обеззараживает продолжительным кипяченіем воды, чтобы убить всѣ бактерии, которыя могли в нее забраться послѣ предыдущаго употребленія. Овощи предварительно протирает эфиром, моет «в нѣскольких водах» и только тогда готовит салат. Кожицу от фруктов никогда не ѣст, хотя в ней и находятся витамины.

— Витаминам я не довѣряю, — говорит она. — Они могут дружить и со стафилококками и со стрептококками.

И всегда на руках, на ногах и на шеѣ у нея можно видѣть там и сям круглыя, продолговатыя и развѣтвленныя ярко-красныя пятна: это — фталокром, покрывающій всѣ замѣченныя на кожѣ царапины, трещинки, ссадинки.

А другая дама отличается уже не антисептикой, а просто страстью к чрезмѣрной чистотѣ вообще. Чистота, конечно, очень полезна и для души и для тѣла; но так как все абсолютное недоступно в несовершенной земной жизни, то этой бѣдной женщинѣ всегда не хватает дня, чтобы достигнуть своего идеала. То появится какое-то странное пятнышко на паркетѣ, которое не хочет сходить, несмотря на треніе, на скобленіе и на вытравливаніе. То остатки серебра начинают темнѣть; то на статуэтку сѣла муха; то на обоях в гостиной вскочил какой-то волдырь.

Бывает, возится это несчастная весь день, выбивается из сил, сляжет, наконец, изнеможенная на диван, чтобы перевести дух. Муж стоит мрачно возлѣ, говорит:

— Ты так умереть когда-нибудь можешь, душечка.

А она рѣзко отвѣчает:

— Лучше умереть в чистотѣ, чѣм жить в грязи.

Однако, довольно раздражать дам. Остановимся на этих женских примѣрах и перейдем на мужскіе. Не буду я приводить серьезных патологических случаев, связанных с мужской выпивкой под соленый огурец, или без огурца: это не входит в настоящую задачу. Но легких

уклоненій от нормы и среди нашего брата не мало. Только, в отличие от женщин, мужчины впадают в уклоненія не по признаку практической жизни, а, главным образом, — по признаку идеологическому.

Нѣкоторые, напримѣр, проявляют не то чтобы манію величія, но как бы сказать, — манію величавости. Взгляд их — загаочно-пренебрежительный; на лбу такая поперечная складка горделиваго самосознанія. Одного из них, навѣрно, многіе русскіе парижане встрѣчали: он всегда ѣздит в метро с русским университетским значком на отворотѣ пиджака. Болѣзненным самомнѣіем отличается и другой мой знакомый, который возмнил себя исключительной личностью: оказывается, он, — единственный в нашей русской колоніи сын простого солдата и не имѣл никаких предков ни при Екатеринѣ Великой, ни при Петрѣ. Приблизительно такой же странностью обладает и другой мой пріятель: какимъ то чудом ему не удалось получить в свое время чина выше подпоручика, и теперь он этим чином болѣзненно чванится: кругом — десятки генералов, сотни полковников, столько же ротмистров; а он, подпоручик, — один. Вродѣ маршала. И, разумеется, этот маршальскій жезл ударил ему в голову.

Другой разряд наших неуравновѣшанных мужчин отличается уже иной формой уклоненія от нормы, а именно — мультилоквенціей. Мультилоквенція обычно считается женскою болѣзнью; но за долгіе годы эмигрантскаго существованія мужчины так часто в домашнем обиходѣ замѣняют женщин — стирают, гладят, готовят обѣд, починают бѣлье, что в них поневолѣ выработались и специфическія женскія качества. Единственная разница только въ том, что женщины любят слишком много говорить о настоящем, об окружающем, а мужчины — о прошлом, об окружавшем. Кто из нас не слышал подробностей о минувших боях от таких словоохотливых собесѣдников, от которых невозможно никуда отступить в полном порядкѣ? А как был я однажды потрясен, когда один бывшій судебный слѣдователь в продолженіи нѣскольких часов во всѣх деталях описывал мнѣ вскрытія двадцати четырех трупов, при которых ему пришлось присутствовать в теченіе своей дѣятельности.

К счастью, среди разных представителей мультилоквенціи встрѣчаются иногда и совсѣм безобидные, не требующіе никакой жертвы со стороны слушателей. Вот, вспоминается мнѣ один очень милый соотечественник, с которым одно время пришлось жить в одной квартирѣ и даже быть сосѣдом по комнатѣ. Оказался он человѣком застѣнчивым, а потому нелюдимым, неразговорчивым. Стѣснялся не только многолюднаго общества, но даже одиночных собесѣдников, если был мало с ними знаком.

Но когда оставался он в своей комнатѣ один, с глазу на глаз с самим собой, вся застѣнчивость сразу исчезала. Себя он совершенно не стѣснялся, был с самим собой на дружеской ногѣ, становился словоохотливым, находчивым и даже остроумным.

— Ну, что, брат, Николай? — слышал я сквозь щели внутренней двери, соединявшей наши комнаты: — Свалял ты сегодня дурака?

— Да уж, сваляд, с грустным смѣхом отвѣчал Николай:

— А я, вѣдь, тебя предупреждал: не вѣрь Заковыркину, — продолжал Николай. — Какой разумный человѣкъ может повѣрить в существованіе мази, которая вполне обновляет поношенные костюмы?

— Это вѣрно... — соглашался Николай. — Но, вѣдь техника так бѣшено развивается...

— Техника-то развивается, вѣрно, — соглашался Николай, — но вмѣстѣ с нею развивается и жульничество. Ты сам посуди: ну, какой химическій элемент в состояніи из стараго костюма сдѣлать новый?!

— Да там внутри что-то секретное есть. Уголь вмѣстѣ с перекисью водорода...

— Эх, сам ты — перекись: пять тысяч внес в это дурацкое дѣло!

— Ну, да. Зато я должен был получить пятьдесят процентов чистаго дохода!

Послѣ всего этого — временное молчаніе. И затѣм снова слышно:

— Ну, ладно... А теперь, — может быть, выпьем чайку, Николай?

— Отчего же, выпьем, — отвѣчает Николай.

— У нас там, кажется, и печенье есть, — говорит Николай.

— Да, как будто есть, — соглашается Николай.

— Так зажигай примус, Николай, — просит Николай.

— Отчего же, сейчас зажжем и примус!

Послѣ этого опять нѣкоторое время молчаніе. А затѣм слышится уже не разговор, а пѣніе. Мой сосѣд — большой меломан, в Россіи любил посѣщать оперу, из всѣх композиторов больше всѣх увлекался Верди.

И вот из-за стѣны доносится трагическій дуэт, кажется, — из «Бал-Маскарада». Между матерью, колоратурным сопрано, и сыном, басом, происходит тягостный разрыв:

— Ты мнѣ не с ы ы ы ы ы ы н! — тонким голосом выводит колоратуру Николай

— Ты мнѣ не м а а а а а т ь! — негодующим пѣвучим басом отвѣчает Николай.

**
*

Не знаю, какой процент составляют люди с психическими уклоненіями среди иностранцев. Рѣдко бываю в их средѣ. Но у нас, русских, этот процент довольно высок.

И, вот, я часто думаю: как хорошо было бы человѣчеству установить для всѣх культурных людей один общій средній нормальный тип человѣка, при сравненіи с которым каждый желающій мог бы опредѣлить, чего ему не хватает, или что у него находится сверх мѣры. Вѣдь, в Севрѣ, напримѣр, хранится эталон офиціального точнаго метра, по которому должны равняться всѣ металлическіе и деревянные метры, находящіеся в продажѣ и в употребленіи. Это — одна десяти-милліонная часть четверти парижскаго меридіана. Точно и ясно. А почему наука не сдѣлает того же самаго с человѣком? Пусть найдет идеально-уравновѣшеннаго индивидуума, который все дѣлает нормально; поворит, сколько полагается, молчит, сколько надо; проявляет вмѣру пристрастія, вмѣру любит, вмѣру ненавидит; смѣется достаточно, но не слишком, плачет, как полагается приличному человѣку, но не навзрыд. Эталон такого идеальнаго типа можно было бы тоже помѣстить куда-нибудь в Севр или в парижскую Палату Мѣр и Вѣсов, дать даровую квартиру, стол, отопленіе, освѣщеніе и покарывать публикѣ, желающей избавиться от всяких бзиков и пунктиков.

Неужели психологи и психопатологи никогда до этого не додумаются? Хотя бы фрейдисты?

Между прочим, помню, знал я одного такого идеального человека лет двадцать тому назад. Не представляю, где он теперь. Уравновешен был чрезвычайно. Умеренно ел, умеренно пил, умеренно думал, умеренно развлекался, умеренно страдал, умеренно наслаждался, умеренно вспоминал, умеренно слушал. Другого такого я за всю свою жизнь не видел.

И как обидно: не повезло ему в жизни! Женился один раз — жена почему-то отравилась. Женился во второй раз — вторая жена выбросилась из окна с пятого этажа.

А. Ренников.

КРУШЕНИЕ ПОЪЗДА

Отрывок из готовящейся к печати книги
“От Тифлиса до Парижа”

(Окончаніе. См. тетр. 45)

Нарядные и легкіе дачные вагончики быстро пробѣжали Ессентуки, Пятигорск, поднялись, мимо памятника Лермонтову (на мѣстѣ дуэли), на Бештау и доставили нас на ст. Минеральныя Воды. Там мы пересѣли в поѣзд, идущій на Баку. В вагонѣ 2-го класса всѣ купэ были заняты. Я занял верхнее мѣсто в корридорѣ против купэ. Брат и сестра — тоже в корридорѣ сосѣдняго отдѣленія. Омар еще дальше.

Наступила ночь. Проснулся я от сильнаго толчка и почувствовал, что лечу вниз. Какія-то тарелки сыпались на меня. Ошеломили крики, треск и стрѣльба. Упал я на дверь купэ, так как вагон валился на бок. Дверь купэ открылась и я, вмѣстѣ с дамой, повисшей на ручкѣ двери, полетѣл вниз к окну. Вагон наш не скатился с насыпи, так как его подпер, упавшій уже раньше, впереди идущій вагон. Стрѣльба усиливалась. Какіе-то люди пробѣгали вдоль вагонов.

Как оказалось впоследствии, рельсы разложили злоумышленники (кажется ингуши). Они знали, что задній вагон был почтовый и вез крупную сумму во Владикавказ. Стрѣляя вдоль поѣзда, они бросились к заднему вагону, но в этот день сзади были прицѣплены два пустых вагона, идущих в ремонт. Нападающіе растерялись. Тѣм временем стража залегла за насыпь и открыла огонь. Тревога быстро передалась в сосѣднія станицы терских казаков. Замелькали вдали огни. Послышались выстрѣлы прибывающих станичников. Нападающіе бросились к передним вагонам. Увидѣли опрокинутые вагоны с пассажирами и заколебались...

В одном из вагонов ѣхали юнкера Тифлискаго пѣхотнаго училища и кадеты Тифлискаго корпуса — Осипов, Должников, Баев и другіе. С вечера они устроились очень уютно: пѣли, играли в карты... В вагонѣ оказалась баба, которая везла цѣлую корзину яиц. Кадеты купили яйца и стали жарить яичницу на свѣчѣ, воткнутой в бутылку. Вагон их, при крушеніи, упал на бок. Свѣча потухла. Всю честную компанію швырнуло в одну кучу — туда же свалилась и баба с корзиной яиц. Окно оказалось наверху. Юнкера, а за ними и кадеты, стали выби-

ратся наверх, не забывая тащить и бабу. Злоумышленники приняли их за воинскую команду, готовую дать залп и стали отходить к ближайшему лѣсу.

Немного придя в себя, я пытался открыть дверь в сосѣднее отдѣленіе, но она не открывалась. Когда я вылѣз в окно, то увидѣл Витю и Бобу цѣлыми и невредимыми. Немного дальше Омар, с револьвером в рукѣ, озабоченно заглядывал в окна вагонов. При видѣ нас, он бросился к нам с радостными криками. Он уже успѣл разстрѣлять всѣ свои патроны.

Страшное зрѣлище представляла из себя нога одного пассажира, торчащая из под упавшаго с насыпи вагона.

Взошло солнце и освѣтило толпу пассажиров, высыпавших из вагонов. Поле перед поѣздом являло картину громадной ярмарки.

Группа кадет, с Осиповым по главѣ, тащила раненаго солдата (солдат был ранен в Русско-Японскую войну и ѣхал из госпиталя домой на поправку). Вид кадет, с пятнами на гимнастерках (от разбитых яиц), производил впечатлѣніе команды, выдержавшей бой с разбойниками.

Мы, т. е. я, Витя, Боба и Омар, оживленно болтали, бѣгали вдоль поѣзда и дѣлились впечатлѣніями. Омар, впрочем, озабоченно повторял:

— “Надо ханум телеграмма давать”.

К нам присоединились дочери ген. Малама (бывшаго командира Нижегородцев), Вѣра и Екатерина. Помню, что я им тогда подарил памятку Нижегородцев (по поводу их 200-лѣтняго юбилея). Здѣсь, в Парижѣ, я им подарил брошюру, написанную мною о Николаевцах, с надписью, что, повидимому, каждые 45 лѣт я дѣлаю подарки в видѣ военных брошюр.

С ближайшей станціи, Беслан, мы послали домой телеграмму, что ѣдем благополучно. Но опять вышло не совсѣм благополучно. Послѣ Дербента я ѣхал один. Около станціи Кизил-Бурун — сильнѣйшій толчек, и поѣзд останавливается. Оказывается, раздавили буйвола. В Баку в это время была “Армяно-татарская рѣзня”. Как я потом узнал, с нами в поѣздѣ ѣхал наш квартирант-армянин. Он был убит в Баку при выходѣ из вагона.

В корпусѣ

Трудно послѣ каникул браться за книги. Кадеты “ловчатся”, притворяются больными, чтобы получить освобожденіе от классов. Но корпусный врач знает всѣ уловки кадет. “Что у тебя?” — спрашивает он кадета, и берет его руку в свою. — “Большой жар, лихорадка, голова болит... может быть холера...” — “Так... так... ну, так вот, постриги ногти и марш в класс...”

Мечты Шерипа

По окончаніи корпуса я был принят в Николаевское Кавалерійское Училище. Пріѣхав на лѣто в Маджалис, я нашел

в нем все по старому. Дагестанцы любят проводить время на улицѣ. В аулѣ никаких скамеек или “заваленок” при домах не имѣется. Присядет хозяин дома у стѣны на корточки и может сидѣть так часами. Подойдет сосѣд, присядет рядом — подойдут потом и другіе. Сидят, бесѣдуют, а жены в это время хозяйничают. Проходит или проѣзжает путник — останавливается и начинается обмѣн новостями. И новости (хабары) распространяются поразительно быстро. В Маджалисѣ мѣстный клуб — это стѣна около управленія начальника округа.

Среди постоянных посѣтителей клуба я замѣтил новое лицо. Это был всадник милиціи Шерип. Он цѣлыми днями возился со своим оружіем — разбирал, чистил, показывал другим. Горцы любят разсматривать оружіе, спорить о его достоинствах, покупать друг у друга, мѣнять. Шерип занимался этим с увлеченіем: сегодня он отдает кинжал, приплачивает что-то и получает шашку. Завтра он уже хочет мѣнять шашку на бурку. В этих операціях принимают участіе всѣ. Вещь переходит из рук в руки. И не только вещи. Сплошь да рядом объектом мѣны является лошадь. На нее садятся, гарцуют... Шерип опредѣленно вооружался и подбирал себѣ коня. В концѣ концов он открыл мнѣ свою тайну. Его тянуло в разбойники. В сосѣдном округѣ оперировал его родственник, знаменитый Баба. Идти в разбойники или нѣтъ? Вот вопрос, который мучил Шерипа. Послѣ долгих колебаній он рѣшил, что пока я дома он будет служить в милиціи, а когда я уѣду, когда наступит осень и жизнь станет скучной, то он уйдет в шайку Баба.

Уже когда я был в училищѣ, отец написал мнѣ, что Баба перенес свою дѣятельность в наш округ. Энергичный начальник участка Шах-Мурзаев выслѣдил его и вызвал по тревогѣ сотню милиціи. Послѣ короткой погони, сотня настигла Баба. Завязалась ожесточенная перестрѣлка. Баба и нѣкоторые члены его шайки были убиты.

У меня в то время были другія заботы и я забыл спроситься — был-ли Шерип к тому времени в шайкѣ, или нѣтъ.

Аул Ахты

Подружился я еще с одним всадником милиціи. Это был старик Адам. Во время русско-турецкой войны 1877—78 гг. в Дагестанѣ кое-гдѣ были волненія. И в то время, когда Дагестанскій конный полк покрывал себя славой в рядах русских войск (как впоследствии в Русско-японскую войну и войну 1914 года), нѣкоторые аулы подняли возстанія. Аул Башли, родина Адама, был разрушен нашей артиллеріей, и Адам сослан в Россію отбывать воинскую повинность (вообще-же дагестанцы были освобождены от воинской повинности). Попал он Лейб-Гвардіи в Кексгольмскій полк. Службой в этом полку он очень гордился.

По возвращеніи в Дагестан, он нигдѣ не мог долго ужиться, а послѣднее время занимался разбоем. Незадолго до моего

пріѣзда, он дал моему отцу торжественную клятву больше не разбойничать и сдѣлался милиціонером. Он любил путешествовать и постоянно подбивал меня на поѣздки в горы. Вмѣстѣ с ним я иногда проводил в горах 2—3 дня.

Однажды мы предприняли большое путешествіе в аул Ахты. В одном мѣстѣ тропинка шла по карнизу отвѣсной скалы над пропастью. Эта тропинка была так узка, что не давала возможности разминуться со встрѣчными и приходилось кричать, даже стрѣлять, чтобы выяснитъ — нѣтъ ли кого-нибудь впереди. Люди и лошади инстинктивно жались к скалѣ, и вся она была почернѣвшая, просаленная и как-бы полированная. Кое как я освоился с таким положеніем, а впереди было еще большее испытаніе: тропинка повернула за угол и оборвалась... Она продолжалась по краю скалы, которая была напротив. Существовало нѣчто вродѣ мостика: ползучее растеніе было притянуто на другую сторону и укрѣплено. Сверху набросаны вѣтки. Мостик качался. Щель была не широкая: один шаг на мостикѣ и вы уже на другой сторонѣ. Но сознаніе, что шагаешь над пропастью, отбивало охоту сдѣлать этот шаг...

Лошадь должна была перескочить рядом с мостиком. Там щель была еще уже. Внизу были видны крыши домов аула, дороги, по которым ползли, как черепахи, арбы, шли люди.

Мы прошли по мосту, но наши лошади не рѣшались сдѣлать прыжок. На наше счастье подошел горец с козой и собакой. Когда он со своими животными перешел мостик, то лошадь Адама рѣшилась и перескочила. Моя же топталась в нерѣшительности... Мы сдѣлали вид, что оставляем ее и уходим, а горец слегка похлопывал ее плетью, как бы напоминая ей, что надо рѣшиться. Адам издали свистѣл и звал ее. Наконец, она перескочила через щель и бросилась к нам, заржав от радости. Мы всѣ стали ее ласкать. Она была мокрая от волненія. Адам говорил: — “Ну, ничего, ничего — назад ты пойдешь другой дорогой”. Бѣдная лошадка не понимала его слов, а у меня от сердца что-то отлегло...

Измученные путешествіем, мы, наконец, добрались до громаднаго утеса. Внизу катил свои волны Самур, а на склонѣ противоположной горы виднѣлся аул Ахты.

Мы стояли на историческом мѣстѣ. Сюда, в 1848 году подошел русскій отряд под командой князя Аргутинскаго-Долгорукаго, идущій на выручку русскаго гарнизона крѣпости Ахты. Было извѣстно, что пятнадцати-тысячное скопище Шамиля обрушилось на Ахты, чтобы открыть себѣ путь в Закавказье. Весь округ был в возстаніи. Послѣ взрыва порохового погреба, Шамиль штурмовал разрушенные бастіоны. Штурм был отбит, но потери гарнизона были так велики, что под ружьем оставалось не болѣе 350 человек.

Кн. Аргутинскій видѣл крѣпость в клубах порохового дыма. Над сѣрой массой аула виднѣлось зеленое знамя Шамиля, а кругом, насколько мог видѣть глаз, стояли толпы непріятеля. Крѣпость гибла...

Всѣ горцы с напряженным вниманіем ожидали, чѣм кончится грозное нашествіе имама.

Но... мост через Самур горѣл и отряд не имѣл возможности подойти к крѣпости. Кн. Аргутинскій рѣшил повернуть отряд и пойти в обход, на что требовалось два дня. Нужно было перевалить два горных хребта почти без дорог и пробить себѣ с боем дорогу в долину Самура.

Из укрѣпленія сотни глаз наблюдали за каждым движеніем нашей колонны и когда увидѣли, что она повернула назад — безотрадное чувство охватило всѣх. Смертельно раненый комендант крѣпости, полковник Рот, призвал к себѣ всѣх офицеров и сказал им:

“Клянитесь взорвать укрѣпленіе при послѣдней крайности — это моя послѣдняя воля”. Офицеры дали клятву умирающему, успокоили его и вышли, оставив при нем его дочь, только недавно пріѣхавшую из института.

Шесть дней уже защищались Ахты. Нѣсколько штурмов было отбито, но положеніе с каждым днем становилось все хуже. Это сознавали всѣ и стали готовиться к смерти. 20-го сентября Шамиль повел рѣшительный штурм и были минуты, когда можно было бояться за участь укрѣпленія. Малиновое знамя имама нѣсколько раз опрокидываемое и поднимаемое, уже стояло на бастіонѣ, а на валах кругом уже пестрѣли значки мюридов. Но гарнизон напряг послѣднія силы: под ружье стали больные, раненые, жены офицеров, и паденіе крѣпости еще раз было отсрочено. Малиновое знамя свалилось в ров крѣпости и больше уже не показывалось. Весь слѣдующій день мюриды готовились к новому приступу. Из укрѣпленія был хорошо виден большой зеленый намет, под которым сидѣл Шамиль, окруженный своими наибами, и его суровая фигура, казалось, говорила:

“Возьму — и никому пощады...”

Всю ночь на 22-е число гарнизон не ложился спать, ожидая нападенія, и у пороховых погребов курились зажженные фитили. Всѣ понимали, что отстоять укрѣпленіе, обратившееся в груду развалин, уже невозможно...

Отряд кн. Аргутинскаго, послѣ труднаго перехода в горах и опасной переправы через Самур, стал выходить из узкаго ущелья в долину Мискинджи, но выход был прегражден огромным завалом, уходящим далеко в горы. Над завалом развѣвались значки лучших наибов Шамиля.

Для штурма завала у кн. Аргутинскаго было слишком мало войска, а обход его потребовал бы опять дня 2—3. Кн. Аргутинскій приказал Ширванцам атаковать завал. Атака Ширванцев была одним из блистательнѣйших кавказских приступов. Они потеряли четвертую часть нижних чинов, но Мискинджи были взяты и главные силы Шамиля бѣжали по дорогѣ в Ахты. Наша конница задержалась на узкой тропѣ в ущельѣ, так как, идущая впереди, милиція, топталась на мѣстѣ, не рѣшаясь атаковать Хаджи-Мурата. Тогда, идущій сзади,

под командой майора Тихоцкого, дивизион Нижегородцев, ринулся вперед, смял милицию и, пробившись сквозь ее ряды, вынесся из ущелья. Конница удалось захватить арьергард уходящих мюридов. Кн. Аргутинский, захватив с собой драгун, поспешил в Ахты.

Окрестные аулы были уже пусты.

Герой защиты крепости, блдный и изнуренный ранами, капитан Новоселов, безстрастно рапортовал князю Аргутинскому о состоянии гарнизона. Этот маленький и тщедушный офицер вовсе не казался героем, а, между тем, бессмертное дело его было налицо, и все, други и недруги, называли его виновником той холодной решимости, с которой гарнизон обрек себя на смерть...

Аул Кубачи

Немного времени прошло после поездки в Ахты, а Адам уже начал строить новые планы. На этот раз разговор шел о поездке в самый отдаленный участок округа отца — в аул Кубачи, который был уже на земле аварцев. Отец давно собирался побывать там и мы отправились.

От Маджалиса дорога сразу начинает подниматься в гору, а от аула Сулевкент, она превращается в каменистую тропинку. Аул Кубачи издали похож на ласточкино гнездо, так как он лепится на отвесной скале, причем крыша одного дома является двором другого и аул доходит до самой вершины горы. Нам казалось, что мы совсем близко от него, но тропинка причудливо извивалась, аул исчезал и было впечатление, что мы от него удаляемся. Временами тропинка шла по карнизу скалы, над глубоким обрывом, на дне которого был полумрак. Изредка луч солнца проникал и туда. Освещит ручей, заиграет на воде, скользнет дальше и мы видим стадо баранов, как-бы прилпленное к горбе. Чистый воздух, какая то легкость, ежеминутная смена картин природы — создают особенное, радостное, настроение.

Проводник заранее спрашивает, в какую часть аула мы хотим попасть и выбирает соответствующую тропинку, так как в самом ауле уже улиц нет.

Еще один поворот и Кубачи, освещенные лучами заходящего солнца, оказались прямо перед нами. Мы остановились, пораженные изумительной картиной: все скалы были покрыты живописными группами кубачинцев, которые вышли встречать отца. Солнце играло на серебряной и золотой насечке их кинжалов, шашек, пистолетов, на газырях черкесок и на галунах бешметов.

Главное занятие кубачинцев — это художественная насечка на оружии и на слоновой кости. Они выдбывают также всевозможные пояса, подносы, застёжки и т. д. Вот все эти украшения (исключая подносы) они и надели, встречая нас. Кубачинцы говорят на языке своих соседей, но у них есть свой язык, на котором говорят только они.

По молодости я не интересовался их прошлым, но как будто-бы их предки были гемузцы, выписанные в Дагестан арабами (повидимому в Дербент) и ушедшие в горы, спасаясь от разных завоевателей. Один кубачинец, антиквар, показывал нам старинную посуду и изображенія рыцарей в доспѣхах, высѣченное на скалѣ. Сам он считал кубачинцев потомками франков, проходивших Кавказ во время крестовых походов.

В сосѣдних аулах были жители, не выдавшие никогда желѣзной дороги. А кубачинцы бывали вездѣ. Зимой они сидят дома и готовят свои издѣлія, а лѣтом и осенью их можно встрѣтить, продающими свой товар на модных курортах Кавказа, Крыма, в Турціи, на югѣ Франціи и Италіи. Многіе из них знают иностранные языки. На всемірной выставкѣ в Парижѣ в 1937 году я видѣл в совѣтском павильонѣ издѣлія кубачинцев и среди этих издѣлій бюст Ленина (из слоновой кости).

Вечером, по случаю нашего приѣзда, был "той". Мы сидѣли на крышѣ и любовались, как постепенно вспыхивали огоньки в саклях гдѣ-то внизу, по сосѣдству с нами и далеко на самой вершинѣ горы. Аул казался каким-то волшебным фонарем, висящим в воздухѣ. И временами казалось, что и мы плывем на каком-то воздушном кораблѣ среди моря огней. Обычно аулы с наступленіем ночи погружались в темноту, но, по случаю нашего приѣзда, жители освѣтили свои сакли лампами в окнах или кострами на крышах, что и создало иллюминацію исключительной красоты.

Начались танцы под звуки зурны. Танцевали не только на нашей крышѣ, но и на крышах сосѣдних домов, гдѣ зажгли полукругом факелы. Перед нами по канату, невидимому в темнотѣ, проходили канатные плясуны (паливан-кардаши), выступали пѣвцы и лучшіе танцоры.

Отец мой подошел к краю крыши и обратился с рѣчью к тѣм, кого было видно, и к тѣм, кто был гдѣ-то в темнотѣ. И послѣ каждой его фразы отовсюду неслись возгласы: — "Начальник сеным сауол".

Этой поѣздкой закончились мои путешествія по горам.

Послѣдніе дни в Дагестанѣ

Лѣто кончалось. Нужно было собираться в Петербург в Николаевское Кавалерійское Училище. От нас до желѣзной дороги было 20 верст, но ѣхать было довольно опасно, т. к. разбойник Баба заглядывал и в округ отца. Он даже обложил особой данью всѣ рыбные промыслы по берегу моря. Часть добычи он удѣлял бѣдным жителям (обычный прием всѣх разбойников) и этим привлекал их симпатіи.

Почти наканунѣ моего отъѣзда, посланный отцом разѣзд Кара-Кайтахской милиціи, захватил одного разбойника из шайки Баба и привел в управленіе отца. На допросѣ он, между прочим, сказал отцу: "Я много раз мог убить тебя. Один раз ты ѣхал на станцію. Я сидѣл за плетнем, окружающим

дерево (почтовая дорога была, вблизи аулов, обсажена орховыми деревьями. Плетни ограждали их от порчи, производимой проходящей скотиной или дикими звѣрями). Я готов был стрѣлять, но рядом с тобой сидѣл мальчик — вон тот, который бѣгает сейчас во дворѣ”, указал он на меня.

Этот же разбойник наблюдал маевку, которую устроил начальник станціи Мамед-Кала. Компанія расположилась тогда в лѣсу против станціи. Много пили, смѣялись, танцовали. Один армянин из Баку подошел к дереву и изображал разговор по телефону. Он крутил воображаемую ручку (старая модель) и выкрикивал: “Компанія Мехмандерова? Что? Похоронное бюро? Не надо! Отцѣпите скорѣе...” Разбойник все это наблюдал и смѣялся, сидя на сосѣднем деревѣ. Он поджидал своих товарищей, которые, к счастью, опоздали.

В концѣ августа мы с отцом подѣзжали к станціи, гдѣ я должен был сѣсть в поѣзд, отвозящій меня в Петербург. Отец совѣтовал мнѣ учиться хорошо:

— “Ты будешь офицером. Можешь потом окончить Академію Генеральнаго Штаба, сдѣлать карьеру. А в противном случаѣ будешь прозябать в глуши, вроде этого начальника станціи, Филова...”

Много лѣт прошло с тѣх пор... и как, иногда потом, я хотѣл бы “прозябать” гдѣ-нибудь на должности начальника станціи, с его квартирой в 3 комнаты с садиком и огородом...

Омар и старый Адам тряслись верхом сзади нашей коляски, под предлогом охраны от разбойников. С ними был и будущій разбойник Шерип.

Подошел поѣзд... Из вагона, занятого кадетами, замахали руками. Замелькали знакомыя лица.

“Буду ждать тебя на каникулы бравым юнкером”, говорил мнѣ отец на прощанье. В окно уходящаго поѣзда, я видѣл его в черкескѣ с откинутым назад алым дагестанским башлыком. Адам и Шерип махали папахами.

Отца и этих всадников я видѣл в послѣдній раз: отец умер весной, простудившись на балу в Кисловодскѣ.

В послѣднюю минуту Омар вскочил в вагон и проѣхал со мной до ст. Кая-Кент. Омара я тоже никогда больше не увидѣл...

Уже здѣсь, в эмиграціи, как-то раз одна мысль поразила меня: как же так могло случиться, что я никогда впослѣдствіи не сдѣлал попытки отыскать его? Почему мнѣ ни разу не пришлось на ум представить его себѣ гдѣ-нибудь в глуши, в бѣдном аулѣ. Представить себѣ нуждающимся, может быть больным. Как легко можно было порекомендовать его на мѣсто в том-же Кисловодскѣ или к кому-нибудь в полку! Он несомнѣнно вспоминал період жизни, когда он был моим другом. Ждал от меня вѣсточек. Тяжело вздыхал и думал:

— “Нэт харашо!”

Конечно, меня увлекла новая жизнь: училище, полк, война, революція, но почему же и матери моей, женщинѣ доброй, никогда не пришло на ум напомнить мнѣ об Омарѣ.

А теперь... Как хотѣл-бы я крикнуть ему туда, на далекій Кавказ какое-нибудь слово привѣта... Но, увы, слишком поздно! Время прошло. Это самое время, которым мы не можем пользоваться и не дѣлаем во-время того, что нужно и легко сдѣлать.

Родители, учителя, воспитатели должны неустанно внушать молодежи, что от умѣнія пользоваться временем, многое зависит в жизни и что на старости лѣтъ большинство людей жалѣет о даром прошедшем времени.

Георгій Танутров

Париж

«ТВОРИМЫЯ ЛЕГЕНДЫ»

(Продолженіе. См. тетр. 45)

IV.

Многіе из старых эмигрантов, вѣроятно, помнят, как у нас боялись, что скажет Европа, как мы были чувствительны к общественному мнѣнію Парижа или Лондона, как мы боялись прослыть варварами.

И Европа, видя, что ея мнѣніе производит такое сильное впечатлѣніе, уже, не стѣсняясь, принимала на себя роль строгаго ментора, вмѣшивалась в русскія внутреннія дѣла, обливала Россію грязью и щеголяла такими словами, как: кнут, Сибирь, мужик, указ и погром, — совершенно забывая свои республиканско-демократическіе грѣшки, свою жестокую эксплуататорскую колоніальную политику, свою расовую нетерпимость, своих черных, бронзовых и желтых рабов.

Но все это было тогда для Европы и Америки вполне нормально, обо всем этом говорить, конечно, не полагалось и всего этого не видѣли или не хотѣли видѣть ни русскіе туристы, ни наши политическіе и расовые эмигранты.

Одним из самых главных и самых ужасных обвиненій, предъявленных русскому правительству, было обвиненіе в устыжествѣ еврейских погромов.

Это обвиненіе имѣло невѣроятный резонанс во всем мірѣ и многочисленныя еврейскія колоніи, разсѣянныя по всѣму міру, вот уже полвѣка не перестают вспоминать и повторять эту легенду.

Еврейскому народу эта легенда была необходима по двум причинам.

Во-первых, потому что недовольные и обиженные ограниченіем в гражданских правах, евреи старались во что бы то ни стало дискредитировать царскую власть в глазах культурнаго міра; во-вторых, они не хотѣли, чтобы повсюду знали и думали, что простой русскій народ, **сам по себѣ**, по каким-то таинственным причинам не взлюбил еврейскаго населенія и дошел до того, что стал в дикой ярости распарывать перины и громить еврейскіе дома.

И если эта легенда не была опровергнута втеченіе долгих лѣтъ, когда царскіе архивы были недоступны для журналистов

и историков, то теперь, когда мы видѣли на совѣтской аренѣ, особенно в первыя пятнадцать лѣтъ, — десятки министров, сотни дипломатов, тысячи отвѣтственных комиссаров, сотни тысяч администраторов и чиновников еврейскаго происхожденія, через руки которых прошла вся административная переписка стараго режима, всѣ министерскіе, губернаторскіе, жандармскіе и полицейскіе архивы, — то трудно, невозможно допустить, что циркуляры, распоряженія и рапорты об еврейских погромах не были бы найдены и не преподнесены всему міру, как безспорное доказательство ужаснаго и варварскаго царскаго режима.

Такое опубликованіе было бы не только огромным козырем в еврейских руках, оно было бы еще более крупным козырем в руках совѣтской власти, старавшейся, особенно в первые годы своего существованія, доказать всѣми способами, что царское правительство было угнетателем не только коренного русскаго населенія, но и всѣх народов, входивших в Россійскую имперію и что большевики, выгнавъ жестокаго тирана, пролили свѣтъ в темную, отсталую страну.

И вот, не боясь, что ко мнѣ тоже пришьют ярлык антисемита и черносотенца, я осмѣлюсь утверждать, что русское правительство и русская администрація еврейских погромов не устраивали.

Да и не могли устраивать.

Можно критиковать русскіе законы и можно с ними не соглашаться, но нельзя отрицать, что эти законы исполнялись в монархической Россіи с такой пунктуальностью, с какой не исполнялись, да и не исполняются во многих демократических странах.

Но не будем голословны.

Я долго искал среди воспоминаній и свидѣтельских разсказов, точных неопровержимых доказательств того, что погромы в Россіи были организованы царским правительством, или в лучшем случаѣ, происходили при преступном и нарочитом попустительствѣ мѣстных властей, но кромѣ весьма туманных предположеній, подозрѣній и догадок заинтересованных и пострадавших лиц, — не мог найти ни одного факта, который составил бы обвинительный акт такой важности.

Но, в концѣ концов, я натолкнулся на историческіе мемуары, беспощадно разоблачающіе антисемитскую политику послѣдняго царствованія, компетентность автора которых в этом больном вопросѣ не может вызывать никаких сомнѣній.

И вот, как это ни странно, указанія на антисемитскую политику Николая II мы находим в воспоминаніях... самого главы этого правительства, графа Сергѣя Юліевича Витте, рукописи котораго, послѣ смерти автора, были скрыты и тайно перевезены его женой во Францію и опубликованы уже послѣ революціи.

Кто читал эти необычайно интересные мемуары крупнаго русскаго сановника, почти неограниченнаго перваго министра

двух царствованій, не может не замѣтить желчной слюны опальнаго вельможи.

Он не щадит ни царя, ни великих князей, ни своих коллег по совѣту министров, ни вліятельных царедворцев. Его воспоминанія являются безпощадным обвинительным актом, направленным против Николая II и его ближайших сотрудников и эта книга может украсить любую коммунистическую бібліотеку.

В этих воспоминаніях, в которых автор, дѣлая обзор двух царствованій, рисует революціонные дни 1905 года, передает перипетіи государственных реформ, вскрывает тайны иностранной политики и русско-японской войны, он также отводит почетное мѣсто еврейскому вопросу, которым он все время козыряет, стараясь не только очернить царское правительство, но и выставить себя, как единственнаго русскаго министра, защищавшаго еврейскіе интересы и всегда стремившагося к полному равноправію еврейскаго населенія Россіи.

Женатый на еврейкѣ, которую не принимали в высшем петербургском обществѣ, и связанный, — сначала по своей частной службѣ, а потом, как министр путей сообщенія и министр финансов, с еврейскими банкирами и магнатами индустріи, Витте все время находился в сферѣ еврейскаго вліянія, не скрывал своих симпатій к угнетенному народу и не раз являлся посредником, через котораго международное еврейство пыталось вырвать из царских рук равноправіе своих единовѣрцев.

Он сам рассказывает о многочисленных еврейских делегаціях, которыя посѣщали его за границей, он рассказывает об ультиматумѣ, поставленном ему еврейскими банкирами, когда он пріѣхал в Париж заключать русскій заем: — “Мы проведем ваш заем, заявили они, если царь даст равноправіе нашему народу”.

И, наконец, он передает исторію, которой трудно было бы повѣрить, если бы в книгѣ не были воспроизведены официальные документы.

Когда послѣ длительных и драматических переговоров в Нью-Йоркѣ по заключенію русско-японскаго мира, Витте, в концѣ концов, сломил упорство японских делегатов и мир был подписан, он поспѣшил выразить президенту Соединенных Штатов признательность за посредничество и помощь, которыя Теодор Рузвельт оказал Россіи и ему, Витте, как чрезвычайному послу.

На что президент заявил, что и он, с своей стороны, хотѣл бы попросить царя исполнить его просьбу и дать право американским евреям, подобно другим американским гражданам, свободного вѣзда в Россію.

“Наканунѣ моего отѣзда, — рассказывает Витте, — Рузвельт передал мнѣ свой отвѣтъ на письмо Николая II, в котором царь благодарит президента за то давленіе, которое тот оказал при мирных переговорах.

В этом отвѣтѣ президент указывает царю, что по договору 1832 года американскіе подданные имѣют право свободного

въѣзда на территорію Россіи. Но, повидимому, пишет Рузвельт, русское правительство трактует этот пункт совсѣм иначе. За послѣдніе годы стало правилом дѣлать разницу между американскими гражданами и отказывать в визѣ американцам еврейскаго происхожденія.

С таким различіем американцы никогда не согласятся. И, чтобы поддержать дружескія отношенія между двумя странами, необходимо, чтобы русское правительство уничтожило этот обычай, достойный порицанія.

Я передал это письмо государю, — пишет Витте, — и он, в свою очередь, передал его министру внутренних дѣл.

Я, в качествѣ предсѣдателя совѣта министров, создал специальную комиссію для изученія этого вопроса и несмотря на то, что эта комиссія постановила возстановить спорный параграф русско-американскаго договора, практических результатов не получилось и все осталось по-старому. Правительство Соединенных Штатов порвало русско-американскій договор и мы потеряли дружбу американскаго народа”.

Как жаль, что ни у Витте, ни у Николая II нехватило чувства юмора.

Они могли бы спросить Рузвельта, почему же негры, будучи полноправными американскими гражданами, должны как скот ѣздить в специальных вагонах, ѣсть в специальных ресторанах, жить в специальных отелях и кварталах, и которых при благосклонном сочувствіи правительства линчевали, если они осмѣливались ухаживать за американскими гражданками с бѣлым цвѣтом кожи.

И что было бы с русско-американским договором, если бы какой-нибудь племянник Негуса, получив высшее образованіе в Россіи и русское подданство (подобно Арапу Петра Великаго) был бы назначен императорским послом в свободную Америку?

Я привел эти чрезвычайно любопытные историческіе эпизоды исключительно для того, чтобы показать, что иностранныя государства вмѣшивались во внутреннія дѣла Россіи, что еврейскіе банкиры шантажировали царское правительство, что международное еврейство старалось всѣми способами добиться полных прав для своих единоплеменников, что оно было в курсѣ всего того, что относилось к этому большому вопросу и что Витте был энергичным защитником угнетеннаго еврейскаго населенія.

И если бы царское правительство, дѣйствительно, провоцировало и организовывало еврейскіе погромы, то невозможно допустить, что от этих организаций в министерских архивах не накопилось бы груды компрометирующих документов, существованіе и содержаніе которых не были бы извѣстны самому главѣ этого правительства — графу Витте.

Несмотря на очевидное желаніе обвинить Николая II в громной политикѣ, опальный вельможа не только не помѣщает в своих мемуарах копіи какого-нибудь официальнаго рапорта, циркуляра, донесенія, относящагося к еврейским погро-

мам, но и не приводит ни одного разоблачающего разговора, который мог бы имѣть мѣсто, когда он был председателем совѣта министров.

Витте только один раз упоминает об еврейских погромах в Кіевѣ и Одессѣ, которым он был личным свидѣтелем, но которые произошли тогда, когда он еще не был министром, — в самом началѣ царствованія Александра III.

Он утверждает, что правительство не возбуждало населенія против евреев, и что погромное движеніе было **стихійно**.

Власть тогда, пишет Витте, без колебанія и с твердостью разгоняла разнузданныя народныя массы и градоначальник Одессы Коцебу, повел беспощадную борьбу против погромщиков, вплоть до штыковых атак.

Вот в этом то словѣ **стихійно**, вѣроятно и заключается разгадка еврейских погромов.

Если в спокойные восьмидесятые годы погромы могли вспыхивать стихійно, то невольно напрашивается вопрос, почему же в тревожных девятисотых годах, правительству нужно было организовывать и подталкивать темныя народныя массы?

В эту революціонную эпоху громили не только еврейскіе магазины, но также жгли и грабили барскія усадьбы, на спасеніе которых **тоже** не хватало полиціи и **надежных** войск.

Помѣщики также могли бы обвинить красную сотню в подстрекательствѣ, а правительство в преступном бездѣйствіи.

Ну, о помѣщичьих погромах говорить как-то неудобно.

Во время царских маневров в 1911 году под Кіевом, пишет в своих воспоминаніях генерал Деникин, в кіевском театрѣ революціонер Багров тяжело ранил главу правительства П. А. Столыпина. Ночью три казачьих полка, из состава маневрирующих войск, **спѣшно были посланы в Кіев для предотвращенія ожидавшагося еврейскаго погрома**, так как Багров был еврей.

И когда граф Витте, в самом разгарѣ революціи 1905 года, был не только главой правительства, но и настоящим диктатором, Николай II в письмах к своей матери, вдовствующей императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, застрѣвшей тогда в Копенгагенѣ, передает трагическія перипетіи этих кровавых и бушующих дней.

“Ты мнѣ пишешь, милая мама, чтобы я оказал полное довѣріе Витте. Я могу тебя увѣрить, что с моей стороны, я дѣлаю все возможное, чтобы облегчить его тяжелую задачу. И он это чувствует.

Но я не могу от тебя скрыть извѣстнаго разочарованія в отношеніи Витте.

Всѣ думают, что это человѣкъ страшно энергичный и деспотичный. И что вскорѣ он себя покажет и прежде всего наведет порядок.

Он мнѣ сам сказал в Петербургѣ, что в момент опубликованія Манифеста 17-го октября, не только можно, но и должно рѣшительно провести реформы и не допустить насилій и безпорядков.

Но результат получился обратный. Манифестації начались повсюду, вылились в еврейскіе погромы и закончились разгромом помѣщичьих усадеб" (письмо от 10-го ноября 1905 г.).

А в письмѣ от 27 октября 1905 г. Николай II, объясняя вдовствующей императрицѣ причины еврейских погромов, как взрыв возмущенія патристической массы населенія против наглости революціонных агитаторов, девять десятых которых состояло из евреев, добавляет:

"В Англіи, конечно, пишут, что эти беспорядки были организованы полиціей, повторяя, как всегда, эту старую, всѣм извѣстную сказку".

Когда в одну из заграничных поѣздок, Витте посѣтила очередная еврейская делегация и умоляла его, как можно скорѣе, добиться полноправія для своих единоплеменников, он отвѣтил, что к сожаленію надо дѣйствовать постепенно, этапами, иначе рѣзкая реформа в этом вопросѣ может вызвать **народныя волненія.**

Но исторія, увы, повторяется.

Царскаго правительства давно уже нѣтъ, погромы, которые за двадцать лѣтъ до послѣдней войны, не раз происходили в восточной Европѣ и даже в Бухарестском университетѣ, резонанса никакого не имѣли, и о них почему то евреи никогда ничего не говорили. И только сравнительно недавно на французском языкѣ, в издательствѣ Ферензи, появился роман Сержа Груссарда "Погром".

Этот погром на сей раз происходил не в царской Россіи, а в 1946 году в Триполитаніи и был устроен, по словам автора, арабами, **при преступном бездѣйствіи** англійских оккупационных войск.

Несмотря на кошмарныя сцены, которым могли бы позавидовать драматурги "Гран-Гиньоля", автор успѣха не имѣл.

Названіе, конечно, сдѣлало свое дѣло, но общественное мнѣніе Европы, и в особенности общественное мнѣніе Англіи, не реагировало, и этот роман не произвел никакого впечатлѣнія.

Англичане, как всегда, взирают равнодушно, на всякую критику и продолжают свою вѣчную, традиціонную политику "коварнаго Альбіона", которая, не считаясь ни с измѣной своему слову, ни с какими либо сентиментальными побужденіями, всегда идет только по пути своих національных и имперіалистических интересов.

И в этом их главная государственная сила.

Ах, если бы Серж Груссард родился на 20-30 лѣтъ раньше и описал бы еврейскій погром в Россіи, то тогда... его книга имѣла бы колоссальный успѣх, возмутила бы весь цивилизованный мір и заставила бы русскую интеллигенцію прятаться от стыда.

Ну, а с англичанами... все это немножко сложнѣе.

Евреи были совершенно правы, в своей ненависти к царскому режиму, — правительству, которое само толкало их (главным образом добивающихся своего уравненія в граждан-

ских правах) в первые ряды русских революционных организаций.

Конечно ограничение в гражданских правах и черта осёдлости были несомненной несправедливостью, тѣм болѣе, что всё так называемые инородческіе элементы пользовались всѣми правами коренного русскаго населенія, но это еще не оправдывало тѣх обвиненій, направленных против національных, патріотических элементов нашего культурнаго общества, которых еврейскіе агитаторы называли черносотенцами и “жидовдами”.

Развѣ мы всё не восхищались в Петербургѣ пѣніем Давыдова, Тартакова, Сибирякова — артистов Маріинскаго Императорскаго Театра и солистами-виртуозами его оркестра Ауэром и Вольф-Израилем?

Развѣ мы не аплодировали в Малом (Суворинском) театрѣ замѣчательному драматическому артисту Тинскому?

Развѣ мы не цѣнили режиссера-новатора Императорскаго Александринскаго театра, Мейерхольда?

Развѣ композитор, основатель и директор Петербургской консерваторіи, Антон Рубинштейн, не был нашим кумиром?

Развѣ скульптура Антокольскаго, Гинзбурга, Аронсона и картины Левитана не красовались на почетном мѣстѣ в наших государственных музеях?

Развѣ тысячи еврейских врачей не практиковали с большим успѣхом в столицах и главных городах Россіи?

Развѣ в судах мы не восхищались блестящими защитительными рѣчами Винавера, Грузенберга, Пассовера, Мандельштама, Захарія Раппопорта, и развѣ сотни других еврейских юристов не состояли в русском адвокатском сословіи?

Развѣ даже петербургская пресса не была на добрую половину в руках еврейских журналистов? — И даже в цитадели монархіи, в пресловутых Суворинских газетах, которыя в еврейских кругах считались черносотенными и антисемитскими, развѣ не работали ежедневно, регулярно пять крупных журналистов еврейскаго происхожденія?

Развѣ в Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ и Одессѣ, еврейскіе банкиры и коммерсанты не катались, как сыр в маслѣ, и не наживали милліоны полнокровных, золотых рублей?

Развѣ был бы в Россіи возможен случай с знаменитой артисткой, мулаткой Жозефиной Беккер, которая послѣ триумфальнаго и долготѣннаго пребыванія во Франціи и Европѣ, вернувшись на родину в свой Нью-Йорк, должна была 10 часов ѣздить в такси, в тщетных поисках ночлега? — Так как во всѣх отелях, при видѣ ея смуглаго лица, ей вѣжливо заявляли, что, к сожалѣнію, всѣ комнаты уже заняты.

И это произошло не полвѣка тому назад и не в варварской монархической странѣ, а незадолго до послѣдней войны в республиканской, демократической Америкѣ, гдѣ между прочим и до сих пор существуют отели, вход в которые еврейским кліентам строго запрещен.

Развѣ в старой Россіи возможно было дѣло капитана Дрейфуса?

Кто мог, кто смѣл, подозрѣвать или только относиться с холодком к знаменитому покорителю Самарканда, генералу Кауфману-Туркестанскому, или к командующему юго-западным фронтом великой войны, Иванову, только потому, что в их жилах текла еврейская кровь?

В книгѣ своих воспоминаній "Путь русскаго офицера", генерал Деникин пишет:

"Из моего и двух смежных выпусков Академіи Генеральнаго Штаба, я знал лично семь офицеров еврейскаго происхожденія, из которых шесть, ко времени міровой войны, достигли генеральскаго чина.

Проходили они службу нормально, не подвергаясь никаким стѣсненіям служебным, или непріятностям общественнаго характера".

А автор весьма любопытной книги "Генерал-Еврей" М. Грулев описывает свой жизненный путь **избранный добровольно и по личному вкусу**, — от хедера дикаго еврейскаго мѣстечка до генерала Генеральнаго Штаба.

Стыдно говорить о махровом русском антисемитизмѣ и раз навсегда надо снять с царскаго правительства позорное клеймо организатора еврейских погромов.

Да, антисемитизм, хотя и в очень слабой степени, дѣйствительно существовал в извѣстных слоях русскаго общества, как он существовал и существует до сих пор во всѣх самых культурных и прогрессивных странах міра.

Да, погромы были в Россіи, как они происходили и происходят во всѣх странах, гдѣ патріархально одѣтые и говорящіе на жаргонѣ еврей, занимающіеся, главным образом, коммерціей и спекуляціей, тѣсно сожительствуют с простыми, отсталыми и невѣжественными народами.

Но этот вопрос уже выходит из рамок моей темы и я его предоставляю для разрѣшенія лицам, болѣе компетентным и лично заинтересованным.

V.

Кромѣ по праву недовольных, обиженных, униженных и оскорбленных, кромѣ той массы, в которой бродила и поднималась революція, русскіе культурные классы были полны так называемыми передовыми элементами, снобирующими безпочвенными прогрессистами.

И, если сейчас здѣсь за границей, мы с удивленіем наблюдаем, как аристократы, милліонеры, высшіе представители западнаго духовенства, извѣстные писатели, знаменитые художники и артисты, — люди стоящіе на верхушкѣ общественной лѣстницы и пользующіеся всѣми земными благами, — с энтузіазмом аплодируют всему, что продѣлывают коммунисты в Россіи, то нужно ли удивляться, что полвѣка тому назад, таких либералов в нашей странѣ насчитывалось сотни тысяч.

Всѣ тогда жонглировали передовыми, красными идеями, всѣ кокетничали с революціей, представляя ее чѣм-то смѣлым, прекрасным и, главное, не **затрагивающим их личных интересов и их барскаго положенія.**

“В хорошем хозяйствѣ всякая дрянь пригодится”, — как-то сказал “геніальный циник” Ленин.

И революціонеры, согласно этому афоризму, подбирали гдѣ только было возможно эту русскую “дрянь”, которая, дѣйствительно пригодилась, как горючій матеріал для первых большевистских костров.

Ставка революціонеров на культурные круги русскаго общества, хотя и не была логична, оказалась вполнѣ правильной.

Революціонеры, чтобы выиграть время, шли по линіи наименьшаго сопротивленія.

Пропаганда среди малограмотных, религіозных и консервативных крестьян была чрезвычайно трудна и весьма опасна.

Рабочій класс был еще очень малочислен и неорганизован и только интеллигенція представляла то благодатное поле, на котором можно было развернуть ассортимент соблазнительных идей, на которое можно было смѣло бросать сѣмена “разумнаго, добраго, вѣчнаго” и с котораго вполнѣ можно было снять богатый революціонный урожай.

И русское прогрессивное общество полностью оправдало эти надежды.

Эти фрондирующіе слои нашей интеллигенціи не только сочувствовали красным передовым идеям, они сами, при первом боевом революціонном кличѣ встали в бунтующіе ряды и с энтузіазмом привѣтствовали Февральскую революцію, в которой простой народ играл лишь роль послушнаго и даже растеряннаго статиста.

Если в 1905 году, послѣ неудачной и даже позорной Русско-Японской войны, повсюду поднялся возмущенный народ, который в одном стихійном порывѣ — грабил, жег, убивал и дѣйствительно создавал атмосферу настоящей народной революціи, то в февралѣ 1917 года революція была исключительно дворянской, купеческой и интеллигентской.

Сколько было тогда потрачено усилій, уговоров, переговоров, сколько было тогда бурных совѣщаній, засѣданій, митингов, сколько понадобилось нашим демосфенам ораторскаго пафоса, чтобы разложить и поднять петроградскіе полки, сколько было неувѣренности и колебаній и как робко и боязливо, в первые дни марта, держали себя солдаты, насколько они себя чувствовали неувѣренными и как они старались группироваться около Государственной Думы, как бы снимая с себя отвѣтственность и ища авторитетнаго покровительства и руководства.

Кто в эти дни был на улицах Петрограда, должен помнить эти первые, неувѣренные, колеблющіеся шаги.

Так народная революція не начинается. Революцію не раскачивают, революцію не подталкивают, революцію не уговаривают.

Революція — это шквал, это стихія, это долго дымящійся вулкан, который вдруг прорвал, запыхал огнем и стал с бѣшенством извергать смертоносную, всепожирающую лаву.

Революція — это вздутая, переполненная, бушующая, рывающая рѣка, которая под натиском водных масс разрывает плотины, с корнем вырывает столѣтнія деревья, сметает, как карточные домики, побережныя строенія и заливаает все на десятки верст.

Ничего подобнаго в февральскую революцію мы не видѣли, ничего мало-мальски похожаго на революцію тогда не происходило.

И только послѣ того, когда улицы столицы стали заполняться ликующими толпами нашей интеллигенціи, наших бар, наших офицеров, когда вышел приказ № 1, уничтожающій дисциплину и армію, когда пошли слухи о дѣлежкѣ земли и солдаты принялись толпами дезертировать, — медленно с опаской, с оглядкой, стали подниматься народныя мужицкія массы.

Вот почему так восхищались и даже хвастались февральской революціей, называя ее безкровной.

Она и в дѣйствительности была замѣчательная и безкровная, **потому, что она вовсе и не была революціей**, а лишь подобіем государственнаго переворота, когда из слабых, очень слабых царских рук выпал скипетр и его подобрали безотвѣтственные демагоги.

Споры, ссоры, борьба за власть шли тогда в очень ограниченном кругу наших депутатов и наших революціонеров, которые, как крысы, сбѣжались со всѣх углов Россіи и Европы, чтобы полакомиться царским пирогом и отхватить кусочек послаще и побольше.

Когда теперь, в наши дни, мемуаристы и историки пытаются возстановить и объяснить ход событій этих трагических дней Россіи, — они с упоеніем, захлебываясь, передают, что сказал Милюков Керенскому, что с возмущеніем заявил Шингарев, с чѣм не был согласен Чхеидзе, какое бурное засѣданіе произошло в такой-то комиссіи Таврическаго дворца и, придавая этой болтовнѣ огромное историческое значеніе, стараются доказать, что она имѣла или могла имѣть то или иное вліяніе на тогда развертывавшіяся событія.

Всѣ эти волненія, споры, драматическія засѣданія — шли гдѣ-то очень и очень далеко, совсѣм в сторонѣ от всего того, что происходило тогда на улицах нашей столицы.

Они, эти симпатичные интеллигенты, политически совершенно не воспитанные, с легким сердцем привѣтствовавшіе разрушеніе власти и **полицейскаго аппарата**, не понимали, что дюжина вооруженных и рѣзительных “желѣзников” имѣет гораздо больше значенія, чѣм их профессорское краснорѣчіе и депутатское званіе.

В тѣ времена Петроград бурлил и кипѣлъ, напоминая Вавилон, когда каждый день вокзалы выбрасывали на столичную мостовую сотни очень странных пассажиров, наспѣх по-

бросавших свои мѣстечки и свою мизерную мѣстечковую жизнь, чтобы как можно скорѣй принять активное участіе в государственном управленіи и занять вакантные отвѣтственные посты.

Вся грязная накипь російских городов, армія бандитов, дезертиров, авантюристов, полуграмотных доморощенных марксистов, — залила величественные проспекты царственнаго Петербурга и началась та свистопляска, которая выдавала себя за народную революцію.

Но вся остальная необъятная Россія и весь русскій народ продолжали жить повседневной жизнью, оставаясь лишь зрителями того необыкновеннаго спектакля, который разыгрывался на берегах Невы, под руководством неопытных и все время мѣняющихся режиссеров.

Я хочу разрушить еще одну легенду и доказать, что огромная масса простого крестьянскаго населенія, ни в февральской, ни в октябрьской революціи не участвовала, и что вся вина за разруху русскаго государства, результатом которой оказался сталинскій режим, цѣликом падает на наши культурные и привилегированные классы.

Эта столь долгожданная революція подготавливалась и провозглашалась во имя народа, для народа и была совершена помимо народа и против народа.

VI.

Революціонеры в сущности никогда не стремились к благу русскаго народа, которое было для них лишь удобным широко знаменем, прекрывающим их личные, партійные и интернаціональные интересы.

Революціонеры не только не помогали русскому крестьянству осуществить его заповѣдныя желанія, его житейскій идеал: **получить землю в достаточном количествѣ, в одном участкѣ и в полную собственность** и создать нормальную сытую жизнь (на подобіе американских и французских фермеров) — но, наоборот, всякій раз, когда таковая возможность начинала приближаться или осуществляться, они торопились засунуть палку в колеса крестьянской телѣги.

Столыпин был убит за свою дерзкую мечту — осуществить земельную реформу и разбить общинныя угодья на отдѣльные, самостоятельные хутора.

Коммунисты сами признают, что если бы столыпинскій проект был осуществлен — революція в Россіи или, точнѣе, появленіе их у власти, были бы невозможны.

Всякій раз, когда поднимали в правительственных кругах вопрос об уничтоженіи крестьянской общины, либерально-революціонныя газеты поднимали невѣроятный шум.

Революціонеры отлично понимали, что русскій мужик, как и всякій землевладѣлец, — собственник по натурѣ, что получив землю в полную собственность, он утроит свою энергію и в короткій срок станет зажиточным и даже богатым.

И тогда... тую... тую... русская революція со всѣми своими пряниками.

Поход на разбогатѣвших крестьян начался еще задолго до революціи и слово “кулак” тоже было революціонным клеймом, которое позорило русскую энергію и русское трудолюбіе.

Русскій крестьянин уже давно мечтал избавиться от государственной опеки, от общинной системы, которая связывала его предприимчивость по рукам и ногам, и, особенно, он мечтал о добавочном нарѣзѣ пахотной земли, об уничтоженіи чрезполосицы и о банковом кредитѣ, который вырвал бы его из лап ростовщиков и спекулянтов.

Между прочим, этот столь необходимый для сельскаго хозяйства кредит был уже осуществлен незадолго до войны, стараніями графа Витте, создавашаго при Государственном банкѣ “Отдѣленіе мелкаго кредита”.

За десять лѣтъ его существованія уже тысячи крестьянских общин получили в безпроцентное и в безконтрольное пользование значительныя суммы и результат уже, через три-четыре года, превзошел самыя радужныя ожиданія.

Русскому мужику помимо земли всегда нехватало маленькаго оборотнаго капитала. Он всегда был принужден за безцѣнок продавать и свой хлѣб и свою живность, чтобы заплатить подати и сдѣлать необходимыя покупки в городѣ.

И всякій раз, когда в его руки попадала мало-мальски значительная сумма денег, он быстро начинал богатѣть, постепенно превращаясь из бѣдняка в середняка, из середняка в кулака, а потом иногда вылѣзал и в ряды именитаго купечества.

И вот, получив эти первыя оборотныя средства от Государственнаго банка, деревня не только быстро избавилась от ростовщиков и недоимок, — она стала покупать племенной скот, сельско-хозяйственныя машины, создавать кооперативы и даже строила на свой собственный счет школы и прочія общественныя зданія.

К сожалѣнію, война и революція помѣшали развитію этого остроумнаго плана графа Витте, создававашаго, с проектом Столыпина, тот фундамент, на котором должна была бы быть построена новая крестьянско-буржуазная Россія.

Эти двѣ реформы могли создать то сильное, здоровое и консервативное ядро русскаго народа, о которое разбились бы и демагогическая пропаганда и не совсѣм чистыя волны интернаціональной революціи.

И если всѣм было извѣстно о проектѣ Столыпина, который преступно остался на бумагѣ, то о реформѣ Витте, уже с огромным успѣхом проводившейся в жизнь, знали и слышали очень немногіе. Ею наши прогрессивные интеллигенты не интересовались и о ней наша либеральная пресса никогда ничего не писала.

Вот во всем этом и только в этом заключалась крестьянская политическая программа и вот как мужики понимали знаменитый революціонный лозунг — **Земля и Воля.**

Землю в достаточном количествѣ и в полную собствен-

ность, — **волю**, — свободно и безконтрольно распоряжаться результатом своего труда.

Все остальное: мужицкая мистика, народное мессіанство, утвержденія, что русскій народ богоносец и “любит страдать” — интеллигентская белиберда или революціонный пар, пускаемый время от времени, чтобы затуманить слабые мозги.

Все это прекрасно знали и учитывали большевистскіе вожди и потому, на первых порах своей власти, они охотно санкціонировали захват и раздѣл крестьянами помѣщичьих, царских и государственных земель, понимая, что таким образом они пріобрѣтают могучаго союзника в своей борьбѣ с реакціонными бѣлыми арміями.

Все это, к сожалѣнію, упорно не хотѣли понять добровольцескіе генералы, карающіе мужиков “за присвоеніе чужого имущества”, отбирающіе у них “самочинно захваченныя земли” и возстаивающіе помѣщиков в их “законных правах”.

Если бы Деникин, Юденич и прочіе вожди нашей контрреволюціи, обѣщав финансовую компенсацію крупным землевладѣльцам, стали раздавать крестьянам синіе нотаріальные акты на владѣніе уже захваченных земельных угодій, то они под своим командованіем имѣли бы не только худосочные офицерскіе отряды, а многочисленныя и могучія народныя арміи, которыя бы смели с лица русской земли даже воспоминаніе о коммунистической заразѣ.

Но ничего не попишешь!

Какъ из добраго Николая II нельзя было сдѣлать Петра Великаго, ни даже Александра III, так и из честнаго Деникина трудно было выкроить смѣлаго реформатора и народнаго вождя.

Крестьяне, откровенно говоря, не хотѣли ни правых, ни лѣвых, отлично понимая, что курица зажаренная красноармейцем или бѣлогвардейцем, всегда остается его курицей.

Но они также понимали и чувствовали, что большевики — бандиты, которым вѣрить особенно нельзя, что нотаріальные акты куда солиднѣе и надежнѣе революціонных прокламацій и указов и что в концѣ концов, послѣ похмеля, если за разбитые горшки платить и не придется, то, во всяком случаѣ, черепки необходимо подобрать, у обиженнаго сосѣда попросить прощенія и снова приняться за работу.

И вот, продолжая бороться и пахать, они пассивно ждали какого-то конца, который избавил бы их от военных набѣгов, закрѣпил бы за ними самовольно захваченныя угодья и дал бы им возможность, наконец, послѣ трехлѣтней войны, вздохнуть полной грудью.

Долгое время огромныя, миллионныя массы сельскаго и городского населенія упорно отказывались принимать активное участіе в гражданской войнѣ.

Горожане, за исключеніем небольшого количества революціонно настроенных рабочих, оставались пассивными зрителями, а крестьяне лишь тогда (и очень рѣдко) помогали крас-

ным, когда хотѣли, выгнать бѣлых, и бѣлым, когда хотѣли избавиться от красных, — охраняя и защищая исключительно свои личные и мѣстные интересы.

Но проходили мѣсяцы, борьба продолжалась, о нотаріальных актах не было ни слуху, ни духу и мужичек, почесывая затылок, стал соображать: что если добровольцы побѣдят, то не выдать ему земли, как своих ушей.

И вот Микула Селянинович со вздохом опустил свою переметную сумочку с “тягой земной” на равномерно качающиеся вѣсы гражданской войны и чаша с бѣлыми генералами стала подниматься все выше и выше, и мы... очутились за границей.

Но большевики в концѣ концов надули Микулу Селяниновича и отобрали у него не только помѣщичью, кабинетскую и удѣльную землю, но и его собственную крестьянскую и сдѣлали из него земляного раба.

Но борьба за землю и за мужицкій идеал, — быть полным хозяином своей собственной земли, — продолжается и Микула Селянинович еще не сказал своего послѣдняго слова.

Если когда-нибудь будет написана исторія героической борьбы против возвращенія к крѣпостному праву, то эта исторія заполнит десятки увѣсистых томов со страницами, покрытыми ужасом и кровью.

Несмотря на невиданную еще в мѣрѣ диктатуру, перед которой тираны прошлых вѣков кажутся пигмеями, несмотря на переполненные тюрьмы и страшные концентраціонные лагеря, эта борьба продолжается и мечта о Землѣ и Волѣ остается по-прежнему мечтой русскаго земледѣльца.

И если коммунисты так упорно и беспощадно проводят свою аграрную политику, то эта политика объясняется не тѣм, что они находят колхозы и совхозы болѣе продуктивной формой сельскаго хозяйства, а главным образом тѣм, что при таких формах, весь контроль и вся продукція попадают в правительственныя руки и что русскіе крестьяне, сдѣлавшись простыми рабочими этих гигантских зерновых фабрик, потеряют раз навсегда буржуазный инстинкт собственности и забудут свою вѣковую мечту о личном и полном хозяйствѣ.

Когда в 1922 году голод и невѣроятная экономическая разруха охватили всю Россію и растерянные большевистскіе вожди, прижатые к стѣнѣ, не знали, что сдѣлать, Ленин объявил передышку, — знаменитый в исторіи коммунизма НЭП.

В каких-нибудь два года страна буквально расцвѣла, наполнила пустой желудок и стала быстро обрастать жирком.

Как по мановенію волшебной палочки, открылись базары, рынки, склады, магазины, лавочки и лавченки, переполненные всевозможными и, главным образом, пищевыми товарами, задымили фабрики и заводы, застучали мастерскія и кустари и жизнь снова закипѣла и снова люди стали улыбаться.

И вот, несмотря на такой чудесный подъем, такое быстрое оздоровленіе и даже обогащеніе страны, компартія поспѣшила

ликвидировать НЭП, придя в ужас от этого буржуазно-капиталистического взрыва, от этого буржуазного и всеобщего стремления к собственности и экономической свободѣ. Она быстро законопатила неудачно открытый клапан, и котел, в котором варилась Россія, был снова герметически закрыт.

И подобно тому, как коллективизация деревни имѣет главной цѣлью превращеніе крестьянства в пролетаріат, так я утверждаю, что вся колоссальная и лихорадочная индустриализация Россіи предпринята не только в интересах страны и даже не только в интересах арміи, а, главным образом, для того, чтобы, вырвав из деревни ея самый активный элемент, увеличить и усилить рабочій класс и тѣм создать противовѣс до сих пор огромному вліянію многомилліоннаго крестьянства.

Потому, что кремлевским мудрецам ненужно зажиточное, упрямое и консервативное крестьянство, а необходим бѣдный и рабски послушный рабочій класс.

Но инстинкт собственности и мечта о землѣ, несмотря на чрезвычайно высокую температуру, продолжает еще жить в крестьянском организмѣ.

Исторія этой долготѣйшей борьбы, когда-нибудь передаст полностью (то, что мы знаем частично по рассказам очевидцев и по скупым и замаскированным сообщеніям совѣтской прессы) о тѣх кровопролитных возстаніях, о настоящих сраженіях, о массовом уходѣ в лѣса и горы, о партизанщинѣ, о деревнях и селах, снесенных с лица земли совѣтским артиллерійским огнем, о разстрѣлянных и сосланных, о всѣх тѣх народных героях, — **Русских резистантах**, которые так часто упоминаются в большевистских газетах, как бандиты, диверсанты, кулаки, наемники капиталистов, шпіоны и даже, как троцкисты.

Безпощадно уничтожив весь буржуазный класс, сръзав зажиточную, кулацкую верхушку деревни, спустив середняка под гору в бѣдняцкіе ряды, уменьшив личный придворовый участок до размѣров — “курицу некуда выпустить”, большевики все еще продолжают бороться с мужицкими буржуазными инстинктами, которые как трава все время пробиваются даже между камнями совѣтской мостовой.

П. Ельфимов.

ДѢЛА МИНУВШИХ ДНЕЙ

Клочки воспоминаний.

Прожив весьма долгую и, во многіе періоды, не совсѣм заурядную жизнь, я сохранил в памяти довольно много различных обстоятельств, иногда, даже и не стоящих вниманія. Но какойнибудь пустяк, или мнѣ самому незамѣтная черта может познакомить читателя моих замѣток с положеніем или случаем, с которыми ему не приходилось сталкиваться в своей собственной жизни.

Однако, не стремленіе поучать кого-либо побуждает меня записывать то, что вспомнилось, а просто очень пріятно самому заглядывать в прошлую интересную жизнь и думать, что для воспоминаній есть еще порох в пороховницѣ... хотя и сильно отсырѣвший.

Император Александр III-й в бытность свою Наслѣдником Престола прислал моему дѣду А. А. Краевскому большую серебряную миску, крышка которой представляла собою модель "Поповки".

Эта миска сохранялась долго в нашей семьѣ и погибла в сберегательной кассѣ, вывезенной послѣ революціи в Югославію вмѣстѣ со всѣми моими кубками и призами, полученными мною за время моего увлеченія автомобилизмом. Все это, конечно, требует объясненія, так как мало кто теперь знает, кто такой был А. А. Краевскій и что такое "Поповка".

Начну с послѣдней. В концѣ царствованія Императора Александра Второго был полный адмирал Попов, извѣстный всей Россіи тѣм, что он не надѣвал фуражку, а носил ее в руках.

Даже на больших церемоніях можно было видѣть. среди толпы военных его сѣдую голову, стриженную бобриком.

Ему это разрѣшалось из-за контузій или какой-то болѣзни.

В юной молодости и мнѣ пришлось его видѣть нѣсколько раз на улицѣ и в плохую погоду и зимой.

Этот адмирал Попов задумал построить броненосец совершенно круглой формы.

Идея была та, что он, стоя на мѣстѣ, вродѣ плавучаго форта, будет вращаться и стрѣлять из своих пушек безостановочно.

Передвигаться такое судно, конечно, должно было чрезвычайно медленно, но предполагалось, что ему незачѣм особенно удаляться от своей базы.

Против постройки таких броненосцев началась цѣлая кампанія, как в морских кругах, так и в печати.

Наслѣдник Престола, будущій Император Александр Третій, настаивал на постройкѣ таких пловучих крѣпостей.

Эту же идею проводил А. А. Краевскій в своей, очень вліятельной тогда, газетѣ “Голос”.

В концѣ концов было рѣшено построить два таких броненосца. Что и было выполнено.

Эти суда получили кличку “Поповки” и мнѣ пришлось на них любоваться в порту Севастополя, много лѣтъ спустя.

Эти неудачныя постройки так никогда и не были примѣнены.

Так вот, в благодарность за поддержку идеи их сооруженія А. А. Краевским была получена такая серебряная модель “Поповки” с двумя винтами в нижней части и точной копіей всѣх надпалубных сооружений на крышкѣ, с трубами, пушками, мачтами и флагами.

Вполнѣ естественно, что такой подарок доставил особое удовольствіе молодому поколѣнію нашей семьи, а я по молодости лѣтъ допускался лишь к созерцанію этой миски, отнюдь не касаясь ея руками.

Андрей Александрович Краевскій был многолѣтній издатель газеты “Голос”, которая, первая из русских газет, примѣнила в большом количествѣ “Маленькія объявленія” и благодаря этому достигла полного процвѣтанія.

Я в раннем дѣтствѣ захватил еще ея существованіе.

Помню длиннѣйшій стол в редакціи, за которым сидѣли бородастые дяди, которых я старательно избѣгал, так как они часто пытались познакомить меня с азбукой: аз, буки, вѣди, глаголь и т. д.

Новую азбуку я понял только тогда, когда мнѣ объяснили ее по звуковому методу, а не перечисленіем странных названій букв.

В том же помѣщеніи редакціи была и редакція толстаго журнала “Отечественныя Записки”, издававшіся А. А. Краевским вмѣстѣ с Н. А. Некрасовым.

Послѣдній жил в том же домѣ дѣда на углу Литейнаго проспекта (тогда Литейной улицы) и Бассейной, но этажом ниже, с другим входом по Литейному проспекту.

В этой же квартирѣ он и скончался, и в ней, по слухам, теперь организован Некрасовскій музей.

А. А. Краевскій играл значительную роль в С.-Петербургской Городской Думѣ. Был одним из основателей “Литературнаго фонда” и “Театральнаго Общества”.

В связи с такой дѣятельностью у него собирались писатели и артисты обычно по воскресеньям.

Эти “воскресенья” продолжались и послѣ его смерти в том же помѣщеніи у его дочери, вышедшей замуж за В. А. Бильбасова.

Благодаря этому и мнѣ удалось повидать не мало выдающихся личностей.

Послѣдним редактором газеты “Голос” был муж дочери Краевскаго, Ольги Андреевны — Василій Алексѣевич Бильбасов — бывшій профессор исторіи в Кіевском университетѣ.

В. А. Бильбасов тотчас послѣ прекращенія изданія газеты посвятил все свое время и средства на составленіе исторіи Екатерины Второй.

У него образовалась специальная библиотека в 12.000 томов, содержащаяся им в удивительном порядке в особых специально заказанных шкапах и снабженная многотысячным карточным каталогом по всем отдельным вопросам, касавшимся его работы.

Он успел до своей смерти, в 1904 году, закончить весь труд, написав текст для двенадцати томов.

Но издать ему удалось не много.

Первый том разошелся без остатка в очень короткое время, и имел огромный успех.

Со вторым томом случилась катастрофа.

Когда он был уже напечатан, то цензура на него набросилась из-за излишних подробностей смерти Императора Петра Третьяго.

В. А. Бильбасову предложили изменить или вычеркнуть кое-что из написанного, на что он не согласился.

Тогда было постановлено сжечь все напечатанное.

Из типографии удалось спасти лишь несколько сброшюрованных экземпляров второго тома.

Эти экземпляры, таким образом, превратились в библиографическую редкость и любители вырывали их друг у друга.

Один из этих экземпляров сохранил Великий Князь Николай Михайлович, сам любитель и знаток русской истории. Он бывал у Бильбасова, а после его смерти у его вдовы, довольно часто, запросто и неоднократно вступал в спор с Бильбасовым по поводу истории Федора Кузьмича.

Вел. Кн. Николай Михайлович, имевший доступ к самым секретным государственным архивам, твердо верил, что Федор Кузьмич и Император Александр I-й — одно лицо.

В. А. Бильбасов и его приятель, также историк, Николай Карлович Шильдер не были в этом уверены, и поэтому часто происходили горячие споры, при которых мнѣ случалось иногда присутствовать.

После неудачи со вторым томом своей истории царствования Императрицы Екатерины Второй, В. А. Бильбасов решил издать безобидный двенадцатый том, посвященный источникам и материалам для всего труда.

Том этот вышел в свет, но интерес его, конечно, ограничился кругами специалистов-историков.

В начале 1904 года Бильбасов серьезно захворал и, предвидя близкую кончину и опасаясь, что его работа, которой он посвятил больше двадцати лет упорного и усидчивого труда, будет после его смерти издана не так, как он предполагал и, с возможными изменениями, решил ее уничтожить.

Это выяснилось после его смерти.

За последние месяцы, при помощи лакея, он сжег в печке кабинета все свои рукописи.

Доживи он еще год и он свободно мог бы издать все свое сочинение, пользуясь облегчением цензурных условий с 1905 года.

Несколько раз на моей памяти, к нам на дачу, приезжал Гончаров, автор "Фрегата Паллады".

Он был уже очень старый и внушал мнѣ, семилетнему мальчиш-

къ, основательный страх, особенно послѣ того, какъ я узналъ о случаѣ изъ его поѣздки на Кавказъ, о которомъ онъ самъ рассказывалъ.

На Кавказѣ онъ поселился, кажется, въ Тифлисѣ на частной квартирѣ и нанялъ для своихъ личныхъ услугъ какого-то парня, рекомендованнаго хозяйкой квартиры.

Въ первый вечеръ парень приступилъ къ исполненію своихъ обязанностей и помогалъ барину раздѣваться.

Все шло благополучно, но вотъ Гончаровъ вынулъ зубы и положилъ ихъ въ стаканъ съ водою, затѣмъ онъ снялъ парикъ и положилъ на столъ, но когда онъ вынулъ свой стеклянный глазъ, то парень закричалъ благимъ матомъ, убѣжалъ изъ дома и пропалъ безслѣдно.

Я привелъ здѣсь этотъ анекдотическій рассказъ, который прочно держался въ средѣ нашей семьи, но я прошу освободить меня лично отъ гарантіи за его достоверность.

Въ числѣ другихъ пріятелей дѣда бывалъ у насъ часто С. Л. Левицкій — одинъ изъ первыхъ по времени фотографовъ въ Россіи.

Онъ имѣлъ огромный успѣхъ и сдѣлался придворнымъ фотографомъ всей царской семьи.

Ему былъ отведенъ особый павильонъ для фотографіи у самаго Казанскаго собора на Казанской улицѣ, въ которомъ онъ и жилъ со своей семьей.

Я помню его уже очень пожилымъ человѣкомъ, когда онъ взапуски съ писателемъ Дм. Вас. Григоровичемъ ухаживалъ у насъ за знаменитой актрисой Александринскаго театра М. Г. Савиной.

Мнѣ пришлось присутствовать при курьезномъ происшествіи во время одного изъ визитовъ Левицкаго.

Въ большой гостиной сидѣло человѣкъ пятнадцать-двадцать и Левицкій рассказывалъ о разныхъ случаяхъ изъ своей многолѣтней практики, касающейся всѣхъ высшихъ круговъ петербургскаго общества — кліентовъ своей фотографіи.

— Представьте себѣ, какой странный случай произошелъ у меня на-дняхъ, — такъ началъ онъ свой рассказъ.

— Для три тому назадъ меня вызвали въ одну высокопоставленную семью, гдѣ скончалась старая дама — глава семьи; чтобы снять фотографію передъ ея похоронами.

Проявивъ дома стеклянный негативъ — очень удавшійся я поставилъ его на станокъ сушиться въ сосѣдней комнатѣ и мы всѣ устѣлись за чайнымъ столомъ.

— Вдруг... трах!..

При этихъ словахъ Левицкаго, у насъ въ салонѣ сорвался съ окна тяжелый деревянный наличникъ отъ портьеры и угодилъ на большую китайскую вазу, стоявшую на подставкѣ у окна.

Ваза разлетѣлась въдребезги съ большимъ трескомъ.

Среди присутствовавшихъ произошло замѣшательство.

— Представьте себѣ, — продолжалъ Левицкій, — когда я высочилъ посмотреть, что случилось, — оказалось, что этотъ цѣнный и неповторимый негативъ — разбитъ безпадежно.

Совпаденіе катастрофы съ наличникомъ и китайской вазой съ рассказомъ Левицкаго о непонятной гибели негатива, вызвало, конечно, долгіе разговоры, но, къ счастью, среди присутствовавшихъ не оказалось

никого для признанія связи этих происшествій между собою и вліянія чертовщины на это дѣло.

Мнѣ кажется, что многимъ теперь неизвѣстно, какъ в концѣ восьмидесятыхъ и в началѣ девяностыхъ годов, происходило сниманіе фотографій.

Об искусственномъ освѣщеніи и даже о вспышкахъ магнія, тогда еще и не мечтали.

Фотографіи любительской не существовало.

Профессиональныя фотографическія ателье имѣли обязательно довольно длинную комнату со стекляннымъ потолкомъ на подобіе оранжереи.

Такое ателье было обыкновенно сооружено из бывшаго чердака. Удобствъ кліентамъ оно доставляло не много, такъ какъ зимой тамъ мерзли, а лѣтомъ жарились.

Впрочемъ, от яркаго солнца была скользкая по потолку занавѣска и фотографъ обычно довольно долго хлопоталъ, чтобы получить нужное освѣщеніе.

У одной изъ короткихъ стѣнъ комнаты находился цѣлый ассортиментъ декорацій, написанныхъ сѣрой краской и представлявшихъ собою или какіе-либо кусты, или балюстрады и окна.

Кромѣ того, были и натуральные предметы: кресла, диванчикъ и обязательно небольшой столикъ съ нѣсколькими переплетенными книгами.

Такая книга давалась в руки наиболѣе серьезнымъ кліентамъ.

Посреди комнаты стоялъ огромный фотографическій аппаратъ, на тяжеленномъ стативѣ на колесахъ.

Этотъ аппаратъ имѣлъ внушительные мѣха вродѣ гармоники и большое черное одѣяло, скрывавшее фотографа, пока онъ производилъ свои таинственныя манипуляціи съ наставленіемъ на фокусъ аппарата.

Объективъ огромнаго размѣра, направленный на кліента, вродѣ пушки, приводилъ жертву в нужный трансъ.

Механическаго затвора у объектива не было, и онъ закрывался просто круглой крышечкой, снявъ которую, фотографъ отводилъ ее в сторону и она служила для гипноза кліента, пока происходила съемка.

Съемка длилась весьма долго, такъ какъ чувствительность пластинокъ была не велика.

Для того, чтобы во время этой операціи кліентъ не особенно вертѣлъ головой съзади него устанавливалась особая металлическая рогулька на тяжелой подставкѣ.

Она обхватывала затылокъ снимаемаго и иммобилизовала его голову, отчего обычно у него выѣзали глаза на лобъ, что едва ли увеличивало требуемое сходство.

Иногда конецъ этой рогульки высовывался изъ-за уха снимаемаго и потомъ фотографу приходилось заретушевывать на негативѣ или позитивѣ такой дефектъ.

По окончаніи съемки фотографъ с кассеткой удалялся в черную комнату, гдѣ проявлялъ и фиксировалъ свое произведеніе и, по окончаніи, выносилъ его на свѣтъ и показывалъ кліенту.

Операція эта обычно требовала изряднаго количества минутъ, которыя кліентъ проводилъ в волненіи, ожидая результата.

Очень часто приходилось все начинать с начала: то ли клиент пошевелился в лепужный момент, то ли фотограф промахнулся во время своих манипуляцій, то ли подвело освѣщеніе, то ли не удалось нужные растворы.

Если все было благополучно, то фотограф назначал довольно долгій срок для предъявленія “пробной” карточки, по одобреніи которой, затѣм заказывалась дюжина.

Цѣна была различная, за снимок только с бюста или же во весь рост.

Вѣрным другом дома Краевского и Билбасовых был Дмитрій Васильевич Григорович — автор “Антон Геремики”, “Корабля Ретивизана” и др.

Это был высокій, красивый старик, удивительно похожій, в послѣднее время, на портреты И. С. Тургенева.

Я помнил его, когда он еще не носил бороды, а ограничивался баками — пробивая подбородок.

Дм. Вас. бывал у нас почти каждое воскресенье.

Он был удивительный рассказчик и, если бывал в ударѣ, то во время обѣда и всего вечера захватывал вниманіе всего многочисленнаго общества.

Иногда, какое-нибудь ничтожное событіе или случайная встрѣча давали ему тему для увлекательнаго повѣствованія и, если бы в таких случаях можно было записывать его слова стенографіей, то возможно, что к его многочисленным сочиненіям можно было бы присоединить еще нѣсколько отпечатанных томов его произведеній.

Он имѣл почему-то постоянное кресло во втором ряду в Михайловском театрѣ на спектакли французской труппы по вторникам.

Однако, он рѣдко пользовался своим билетом и, приходя к нам по воскресеньям, передавал его мнѣ к моей великой радости.

Таким образом, я видѣл спектакли с самыми выдающимися французскими артистами, из которых многіе бывали и у нас в домѣ.

Среди этих артистов бывал Люсьен Гитри — отец современнаго Саши, Дюмени — игравшій в “Орленкѣ” вмѣстѣ с Сарой Бернар, из дам — Лего, красавица Баллета и многія другія.

Репертуар французскаго театра в Петербургѣ был весьма разнообразный и каждую недѣлю ставилась новая пьеса.

Кромѣ серьезных пьес, ставились часто спектакли с веселыми и иногда рискованными сюжетами.

Каюсь, что по молодости лѣтъ, я всегда опасался, как бы Д. В. Григорович не пошел сам на такіе спектакли.

Но, к счастью, он предпочитал классическія пьесы и ходил в театр рѣдко.

А. П. Негель.

СРЕДИ КНИГ И ЖУРНАЛОВ

“ЛИТЕРАТУРНЫЙ СОВРЕМЕННОК”

Интересная встрѣча: 5-6 писателей царскаго времени и очень много писателей, прибывших “оттуда” и выбравших свободу. Как в кадрили, стоят друг прогив друга и испытующе смотрят.

И вот один из старых фарисеев начинает, многозначительно вздыхая, говорить о русской тоскѣ: “Тоска, как мнѣ кажется, сыграла громадную роль в нашей страшной революціи. Быть может, ради нея русскому народу и простится многое из того, что он сдѣлал с самим собою и со всѣм міром”.

Человѣкъ, всю жизнь бубнившій о революціи, теперь перебрасывает все на тоску. Это все равно, что поджигатель, учинившій пожар, сваливает на слишком сухой лѣсъ, из котораго была сдѣлана изба.

Это — единственное мѣсто в сборникѣ, от котораго коробит.

А прочее все — очень интересно. Интересна самая мысль: вернуться къ сборникам, которые когда-то были очень популярны в Россіи. Моду на сборники ввел Горькій, создавшій сборники “Знанія”. Потом пошли: Шиповник, Земля, Слово, опубликовавшіе много серьезных и стоящих вещей.

Сборники имѣют способность оставаться на библіотечных полках.

В “Литературном Современникѣ” — 302 страницы и 64 автора. “Капитальной” вещи в такой обстановкѣ нѣтъ: брилліанта нѣтъ, а, как говорят ювелиры, есть “розочки”, но “розочки” сверкают и говорят, напр., об импрессионистской талантливости Ржевскаго, о болѣе классическом Андреевѣ и Родіоновѣ, о Горчаковѣ, о Яковлевѣ (миніатюры: самая трудная форма литературнаго творчества). Очень толков и добросовѣстен Бернер в своем разговорѣ с музами и уж очень многоглаголив Сергій Маковский в своем архаическом очеркѣ о Коневском: 13 страниц при такой скудости мѣста, — упрек нерасчетливому редактору!

Очаровательны стихи Шишковой и Адамовича; остальные музыканты дуют в погребальныя трубы (были такія у древних римлян), и нагоняют тоску, столь любезную старому поджигателю.

Жгуче интересен рассказ Ю. Поплавскаго о послѣдней встрѣчѣ с Чайковским: вот кому бы отдать 13 страниц, зря израсходованныя на Коневскаго.

Но главная соль сборника, как в каплѣ воды, сосредоточилась в слѣдующем “афоризмѣ” великаго мыслителя Пруткова, который сказал нижеслѣдующее:

— В критикѣ больше нужды, чѣм в стихах и прозѣ. Стихов и прозы в русской литературѣ было достаточно.

Можно вздохнуть спокойно: слухи о смерти Кузьмы были явно преувеличены. Кузьма — жив и бодро смотрит на вещи.

И мысль Кузьмы, как всегда, правильна: критика в эмиграціи дѣйствительно нужна. Адамович скрылся в американских журналах, которых в Парижѣ никто не читает, и на всю нашу округу остался один Андреев, который, по очевидной нерентабельности дѣла, пишет один раз в год. А меж тѣм литератору нужен непрерывный критическій сквозняк. И тут Кузьма — прав. И, так как в сборникѣ есть в достаточном количествѣ образцы совѣтскаго критическаго искусства, то мы, пожалуй, остановились бы на трудѣ Гаева: чувствуется культура, хорошая динамо-машина, хотя соргировочная еще похрамывает. Но это ничего, са вьяндра, как говорят “французы”, пріѣхавшіе из Рязанской губерніи.

Очень интересный сборник. Останется в “анналах”. Желаем всячески широкаго распространенія.

И. С.

Н. Н. ЕВРЕИНОВ: “ИСТОРИЯ РУССКАГО ТЕАТРА”.

7-го сентября исполнилось два года со дня смерти Н. Н. Евреинова.

Незадолго до того, издательство имени Чехова выпустило его книгу “Исторія русскаго театра”.

“*Habent sua fata libelli*”. Судьбѣ этой книги было угодно, чтобы она сначала появилась на французском языкѣ, в переводѣ Гюстава Вельтера (изд. du Chêne, 1948), а русскій оригинал только в 1955, как посмертное произведение. .

У нея имѣется подзаголовок: “С древнѣйшихъ времен до 1917 года”

Первая глава называется “Обрядовый театр крестьянской Руси”. Глава вторая — “Церковный театр московской Руси”. А глава десятая и послѣдняя: “Новыя теченія в театральнѣй мысли и сценическія исканія в предреволюціонный період (1905 - 1917)”.

Могут быть споры о том, слѣдует ли обряды древней Руси считать не фольклором, не “театром для себя” (по мѣткому выраженію того же Евреинова), а просто театром (я лично считаю, что нѣтъ!). Больше пріемлемо опредѣленіе “Церковный театр московской Руси”, т. к. Православная Церковь, извѣстная своими гоненіями на театр и актеров, все-таки сама создала хотя бы “*Пещное дѣйство*”, которое уже есть пьеса, с діалогом, драматическим наростаніем и счастливым концом. “*Шествиѣ*” же “*на ослати*”, разбираемое автором данной книги, было ничѣм иным, как церковным обрядом, хотя Евреинов и считает, что в нем “театр в широком и безспорном смыслѣ этого слова был опредѣленно налицо”.

Можно и дальше кое с чѣм не вполне соглашаться, можно даже отмѣтить — очень рѣдкія — ошибки (“Маскарад” Лермонтова репетировали не четыре года, а шесть лѣтъ!), хотя как же им не быть в таком обширном трудѣ!.. Но книга эта на-рѣдкость насыщенная и интересная, притом не только для театралов, но и для любителей русской исторіи. Благодаря ей, заполнен пробѣл, о котором странно подумать, что он еще так недавно существовал. Ну, что знает русскій читатель за рѣдким

исключением, хотя бы, о крепостном театре? Очень мало. А тут перед ним раскрываются страницы, увлекательные, как роман, посвященные этой далеко не маловажной части русской истории.

А глава о ложно-классическом театре в России и (справедливая) расправа автора с “кичливым” Сумароковым! А роль русских Царей и Царей в качестве покровителей драматического искусства, короче говоря, — меценатов, а иногда, как, например, Екатерина Великая, и драматургов...

А Фонвизин... Если в наши дни не все видели или читали “Недоросля”, то все (надюсь...) слышали о нем. И тем и другим будет чрезвычайно интересно ознакомиться с многочисленными страницами, посвященными его автору.

Всем выдающимся лицам, имевшим отношение к русскому театру, отведено подобающее место. Причем дело не столько в величии его, как в очень милой характеристикой их деятельности. Приводятся любопытные отзывы... например, критика провалившейся “Женитьбы”, в которой рецензент негодует по поводу ее “грубости” и “пошлости” и поздравляет публику с тем, что она “единогласно ошибалась пьесу Гоголя, обнаружив всю свою тонкость и чувство приличия”.

Интересна история “Ревизора”, сюжет которого дал Гоголю Пушкин, но который необычайно схож с комедией одного малороссийского автора. Но ведь и Мольер и Шекспир, влияние которых, кстати, на русский театр несомненно, нередко заимствовали свои сюжеты у итальянцев и испанцев.

Благодаря новатору Гоголю, смог появиться Островский с его большим бытовым репертуаром, затем Сухово-Кобылин и т. д.

В репертуар бытового театра внес вклад и Лев Толстой двумя пьесами: “Плоды просвещения” и “Власть тьмы”. Пьесы, честно говоря, средние и, если бы они написаны не были, русский театр мало что потерял бы. Жуть берет, когда читаешь (или перечитываешь), с каким полным непониманием Толстой безапелляционно судит о Гете, Вагнере и особенно, Шекспире.

Чередуются портреты Щепкина, Каратыгина, Мочалова (этого русского Кина — “Гений и безпутство”!), набросанные рукой опытного и талантливого мастера.

Ближе к нам, Станиславский и Художественный Театр, Чехов, Комиссаржевский и Комиссаржевская, Мейерхольд... бывший, кстати, чистокровным немцем. Мне приходилось слышать мнение, что Евреинов слишком резко напал на Мейерхольда. Я с этим не согласна. Мейерхольд погиб лютой смертью у большевиков. От этого можно содрогнуться. Мейерхольд был талантливым режиссером-новатором. С этим нельзя не согласиться. Но у него имются большие грехи перед русским театром, которые историк последнего не имеет права замалчивать. Если Евреинов освещает его отрицательные черты, принесшие огромный вред хотя бы той же Комиссаржевской (которую Н. Н. считает гениальной), то нельзя проглядеть строк, говорящих о том, что Мейерхольд “читала не только вся молодежь, но и все передовые деятели искусства”, или что “он умел имитировать своим неоспоримым талантом, своими новыми, свежими, такими соблазнительными идеями...”.

После постановки “Маскарада” в Александринском театре,

очарованные зрители говорили о Мейерхольдѣ: — Это же подлинный талант, каких мало!

“И они были совершенно правы”, — добавляет от себя Евреинов.

Читая эту объемистую книгу, невольно думаешь: как хорошо, что “Исторію русскаго театра” писал такой стопроцентный театралъный дѣятель, как Евреинов, режиссер, драматург и философ театра!

Пора Лидарцева.

ИДЕАЛИЗАЦІЯ ОПРИЧНИНЫ

“Царствованіе Ивана Грознаго памятно Россіи во всѣх отноше-
ніях: памятно по расширенію ея предѣлов, по ея страданіям и по не-
обычайности добродѣтелей, вызванных самими страданіями” — писал
Хомяков в своей работѣ “Тринадцать лѣтъ царствованія Ивана Ва-
сильевича”. “Эпоха Ивана Грознаго отличается не только блестящими
завоеваніями, земельными реформами, установленіем сѣвернаго торго-
ваго пути и введеніем самодержавнаго правленія — царствованіе Ивана
Грознаго отмѣчено усиленіем культурной и литературной дѣятельно-
сти”, — пишет больше чѣм через сто лѣтъ Юлія Сазонова в своей
“Исторіи русской литературы” (Издательство имени Чехова, 1955 г.).

Но не только за этот період, а за все время, прошедшее с эпохи
Грознаго Царя, его личность служила предметом напряженного инте-
реса, догадок и толкованій писателей, поэтов и историков, — и навѣр-
ное навсегда останется объектом любопытства потомков эта жуткая и
грандіозная, отталкивающая и притягательная фигура, самая пора-
зительная из всего, что дала міру Московская Русь. Недаром писали
о нем А. К. Толстой, Лермонтов, Мей, Островскій, Михайловскій, Ка-
рамзин, Костомаров и Соловьев, и только что Сергѣй Максимов, и ни
в какой мѣрѣ не могли исчерпать сюжета. Характер Іоанна Четвертаго
как будто нарочно создан для того, чтобы заранѣе обрекать на неуда-
чу всякую попытку упрощеннаго или схематическаго объясненія.

Когда иной историк или романист пробует его представить просто
кроважидным звѣрем, мы невольно чувствуем несправедливость такого
подхода. Иван Васильевич безспорно был человѣком богато и много-
гранно одаренным, не только тонким и хитрым политиком, но и мощ-
ным мыслителем, создателем собственной концепціи власти и долга
неограниченнаго монарха, не только имѣлъ прекрасное для своего вре-
мени образованіе и умѣлъ писать и говорить по-русски с настоящим
мастерством и блеском, но и был надѣлен великолѣпным чувством юмо-
ра, принимавшим, правда, весьма нерѣдко у него злобѣщій оттѣнок.
Он был, очевидно, обаятельным всегда, когда этого желал. Болѣе то-
го, он обладал не только эстетическим чувством, но и чувством мораль-
ной красоты и устремленіем къ правдѣ — свидѣтельством тому первый,
свѣтлый період его царствованія и многое из его позднѣйших выска-
зываній и даже поступков.

Но не лучше выходит, когда нам хотят изобразить этого великаго и
ужаснаго монарха ввидѣ нѣкоего идеальнаго самодержца, дѣйстви-
вавшаго по глубокому и послѣдовательному плану, всегда спокойно и
разумно. Увы! Кровавая одержимость, подчиненіе страшным и тем-

ным страстям, вспышки безумного гнѣва, маниакальная боязнь перед мнимыми врагами встают из свидѣтельств современников и самого Іоанна с неопровержимой убѣдительностью. Признаться, рѣдко мы встрѣчали до сих пор столь рѣшительную и настойчивую попытку оправданія и возвеличиванія Іоанна, как та, какая не без таланта сдѣлана в трехтомном романѣ Валентина Ивановича Костылева "Иван Грозный" (Государственное Издательство Художественной Литературы, 1955 г.), отмѣченном, между прочим, сталинской преміей.

Если анализировать это произведение с чисто литературной точки зрѣнія, можно упрекнуть его в нѣкоторой неровности. Так, язык героев мѣстами очень хорош, но нерѣдко однообразен и прѣсен — этим особенно грѣшат всѣ любовныя сцены, производящія впечатлѣніе лубочности и приторности — и не свободен от грубых анахронизмов. Недоработанность психологіи отдѣльных героев, их не всегда достаточно мотивированныя появленія и исчезновенія, многократные рѣзкіе скачки через много лѣтъ, все это создает впечатлѣніе дефектов композиціи. Но, послѣдним подчеркнуть: эти недостатки ничуть не мѣшают автору в его основной задачѣ. В центрѣ всего стоит Царь, его мысли и дѣйствія, его политическая программа и его сподвижники — поскольку они важны для его цѣлей. И о Грозном Костылев говорит с любовью и восхищеніем, к сожалѣнію, приводящими его к прямому искаженію и замалчиванію невыгодных для его кумира исторических фактов.

Скажем, жестокость Грознаго, столь для него типичная, показана сознательно недостаточно, мельком и в смягченном видѣ. Впрочем, она настойчиво объясняется борьбой государя за благо страны и простого народа, по отношенію к которому Іоанн у Костылева вездѣ добр и отзывчив. Так ли это было на дѣлѣ? Свирѣпыя расправы с цѣлыми деревнями, напримѣр, в имѣніях опальных бояр, с цѣлыми городами, не говоря уж об отдѣльных лицах из любого класса, впавших в царскую немилость, общезвѣстны. Вдобавок, все время подчеркивается, что жестокость была характерной чертой вѣка, в Европѣ не менѣе, чѣм в Россіи; приводятся аналогіи и с Варфоломеевской ночью Карла Девятаго, и с казнями Маріи Кровавой и с безчеловѣчным развратом Генриха Восьмого. Это так, но на вряд ли Иван Васильевич не превзошел всѣ эти образцы. Да и притом, дурной примѣр — вообще плохое оправданіе, а для человѣка, столь сильнаго и выдающагося, как он, особенно мало убѣдительное.

Очень интересно, что вниманіе Костылева, в отличіе, сколько мы можем припомнить, от всѣх беллетристов, до сих пор занимавшихся правленіем Грознаго, сосредоточено не на внутренней, а на внѣшней его политикѣ и настолько, что роман можно было бы без большой натяжки назвать "Ливонская Война". Недаром он начинается с началом этой войны, — о Казани, Астрахани и началѣ, таком радостном и богатом несбывшимися общаніями, царствованія Іоанна Четвертаго упоминается лишь вскользь, в формѣ воспоминаній, — и кончается даже не смертью Грознаго, а вполне умѣстным эпилогом, в котором Петр Великій, завоевавшій для Россіи Балтійское море, теплым словом поминает "блаженной памяти прадѣда своего царя Ивана Васильевича".

Необходимость для Россіи выхода к морю, правильность внѣшней политики царя проходят лейтмотивом через всю книгу. Отмѣтим дру-

гой мотив: имперскій характер страны и ея правительства. Много раз подчеркнуто, что царю служат и на войну с ним вмѣстѣ идут не только русскіе, но и татары, и черкесы, и мордва, и чуваши, и вотяки, и черемисы, говорящіе на разныхъ языкахъ, молящіеся разнымъ богамъ, но которые всѣ товарищески помогаютъ другъ другу и выручаютъ в бѣдѣ одинъ другого. Не случайно и героиня романа — мордовка Охима. Идея схвачена совершенно вѣрно, хотя для убѣдительности и заострена, быть можетъ, слегка чрезмѣрно.

В отношеніи внутренней политики московскаго государства у Костылева красной нитью проходит то самое оправданіе, которое всегда приводилъ самъ Грозный Государь: измѣна бояр, мѣшающихъ царю работать и пытающихся отнять у него верховную власть, врученную ему Богомъ. Вполнѣ умышленно ставимъ послѣднія слова: религіозный характеръ идеологіи Іоанна, какъ и всѣхъ русскихъ людей того времени, ихъ преданность православію, проникающему собою всю ихъ жизнь, являющемуся основой ихъ патріотизма и національнаго сознанія, какъ и морали, регулирующей ихъ бытъ, переданы авторомъ с безкомпромиссной четкостью — и безъ малѣйшей критики; онъ пишетъ, какъ если бы самъ былъ глубоко вѣрующимъ человѣкомъ.

Но оправданіе — то, какимъ Иванъ Васильевичъ защищалъ себя передъ современниками и исторіей, не очень основательно. Специалисты не разъ отмѣчали, что боярская крамола на дѣлѣ существовала только в воображеніи повелителя Руси, что если бояре и осуждали его в душѣ, они никогда не рѣшались с нимъ активно бороться, и что представленіе о незыблемости царской власти, о ея сакральномъ значеніи, парализовало какую бы то ни было оппозицію. Рисуя в романѣ заговоръ съ цѣлью убить царя, связь московскихъ вельможъ съ Польшей, ихъ саботажъ мѣропріятій самодержца — Костылевъ увлекается или нарочно кривитъ душой. Безъ преувеличенія сказать, здѣсь получается перенесеніе в исторію чекистскихъ методовъ, неплохо соответствующее, впрочемъ, психологіи Іоанна: авторъ видитъ злоумышленіе вездѣ, гдѣ его видѣло большое воображеніе, а подчасъ, можетъ быть, и коварный расчетъ самого Грознаго. Между прочимъ, в церковныхъ дѣлахъ всѣ симпатіи автора на сторонѣ “іосифлян”: заволжскіе нестяжатели представлены, какъ вдохновители и идеологи оппозиціи.

Но, можетъ быть, самымъ любопытнымъ и своеобразнымъ в совѣтскомъ романѣ является настойчиво проводимая в немъ реабилитація опричины, какъ учрежденія, и опричниковъ, какъ людей. Центральные персонажи книги — всѣ опричники, поднявшіеся изъ низовъ, сдѣлавшіе карьеру благодаря милости царя, обязанные ему всѣмъ, вплоть до личнаго счастья, и преданные ему не за страхъ, а за совѣсть, в убѣжденіи, что служатъ ему, они служатъ Россіи.

Непривычнымъ покажется русской публикѣ, что Малюту Скуратова поминаютъ такими словами. Царь говоритъ о немъ: “Жаль Малюту. Недолго мнѣ пришлось пожить с нимъ — добрымъ, храбрымъ рыцаремъ”. А Годуновъ: “Позорятъ его, сыроядцемъ величаютъ, а того не возьмутъ в толкъ, что своею жизнью и смертію Григорій Лукьянычъ примѣръ любви къ родинѣ показалъ”. Самъ же авторъ всячески рисуетъ намъ воинскую доблесть Малюты (впрочемъ, исторически несомнѣнную), его вѣрность царю, чистоту его семейной жизни, его, якобы, прямой и благородный характеръ.

Это небольшой образчик. Не только Григорій Лукьянович Скуратов-Бѣльскій удостоился посмертнаго возведенія в сан героя ...чуть не оговорился "Совѣтскаго Союза". Опричники в цѣлом по Костылеву — прогрессивный слой, самый умный и честный отбор Земли Русской. Словно бы его роман написан в наставленіе работникам МГБ, для поднятія их духа, и в благодарное поминаніе далеких предшественников.

Но если и можно найти объясненіе возникновенію опричины или доказывать ея необходимость, если и можно говорить, что в ней разные были люди — общій ея разбойный характер несомнѣнен. Проекція современности в прошлое, безспорно имѣющая мѣсто у Костылева, освѣщает дѣло совсѣм иначе, чѣм бы ему хотѣлось. Опричники, по роду своей дѣятельности, не могли не напоминать морально чекистов и эсэсовцев, которых мы, попущеніем Божеским, знаем по собственному опыту. Что, кстати, объясняет и наличие в их рядах, наравнѣ с русской, и всякой международной шпаны, вродѣ фигурирующаго в романѣ Генриха Штадена, у которой уж было бы вовсе бессмысленно искать каких-либо идейных и патриотических побужденій. Интересны и другія детали этой проекціи. Так, личность Курбскаго, по Ивану Грозному — *одинъ изъ великихъ князей и государей, бывшихъ въ царствѣ моемъ*, — оныиномъ *государю* и вавшаяся в прошлые вѣка официальной исторіей, не встает ли перед нами в другой роли, роли протестанта против несправедливости? Вассилія же Шибанова Костылев нам явно причисляет под новаго эмигранта, рѣшившагося вернуться на родину. Немножко обидно за благородный образ гонца Курбскаго, но не будем спорить: если учесть его судьбу, примѣр для потенциальных возвращенцев до нѣкоторой степени назидательный.

Если взвѣсить пропагандный элемент романа, без сомнѣнія именно и снискавшій ему одобреніе высших сфер, выразившееся в преміи, то против аналогій Сталина — либо нынѣшних вождят — с Іоанном Грозным, и его служителей с опричниками, есть один убійственный аргумент. Сила Іоанна Четвертаго была в том, что он был помазанный Богом Государь, и в мистическом воспріятіи всенародных масс, от князей до смердов, бунт против него был бы бунтом против Бога. Такого оправданія совѣтская власть не имѣет, и никакія заигрыванія с Церковью ей его дать не могут. Если религіознаго міровоззрѣнія у русскаго народа больше нѣтъ — нѣтъ и опоры у власти. Если оно есть — оно обращено против власти, и это еще хуже. По свирѣпости, не будем спорить, совѣтская власть догнала и перегнала Ивана Васильевича. Но это еще не все. *Comparaison n'est pas raison.*

Вл. Рудинскій.

НАТАЛІЯ ИЛЬИНА: "ИЗГНАНІЕ НОРМАННОВ — ОЧЕРЕДНАЯ ЗАДАЧА РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ" (Париж, 1955)

В предисловіи к своему историческому изслѣдованію Н. Ильина говорит: "Мы ищем в забытых, но незабвенных вѣках, в упущенной, но и теперь трепещущей в нас жизни основу былой русской славы и вѣрный путь к ея новым лучам".

Иными словами, помыслами автора владѣет народная гордость и желаніе почерпнуть в нашем прошлом вѣру в русское возрожденіе.

Но если эта любовь к родинѣ и гордость подвигами ея славнаго многовѣковаго пути находят в нас горячій отклик, то мы не можем не задуматься: позволительно-ли, в научном изслѣдованіи, руководствоваться патріотической гордостью и не пострадает-ли от нея строгая объективность выводов историка?

Увы! На вопрос этот можно отвѣтить только утвердительно. К тому же и сам автор, проведя большую работу по сопоставленію вѣзрѣній на “призваніе варягов” двух противоборствующих исторических школ, которыя мы условно назовем западнической и славянофильской, — чувствует всю зыбкость их доводов, проистекающую от чрезвычайной скудости и туманности исторических свидѣтельств, касающихся этой эпохи.

Н. Ильина пишет: “Историческая критика объяснила смутность первых сообщеній древней хроники. В самом дѣлѣ, лѣтописцы одиннадцатаго вѣка не могли знать точно, что происходило в нашем краю болѣе чѣм за двѣсти лѣтъ до них”. Но это признаніе не мѣшает автору, побуждаемому національной гордостью, выступить в бой с историками “норманнской школы”, утверждающей норманнское происхожденіе князя Рюрика и его дружины.

Свою точку зрѣнія изслѣдовательница пытается доказать исторически, лингвистически и, в особенности, логически — сопоставленіем народных характеров и культур германцев и славян девятаго вѣка.

Она рѣшительно утверждает невозможность норманнскаго происхожденія наших варягов и выводит их от западных славянских племен — “вендов”, обитателей берегов Балтійскаго моря, славян, тѣсных нѣмцами и к двѣнадцатому вѣку почти безслѣдно исчезнувших.

Мы не можем, в этой краткой замѣткѣ, слѣдовать за автором в его интереснѣйшей исторической экспедиціи, но надо признать, что если его критика норманнства Рюрика достаточно разрушительна, то зато и утвержденіе вендскаго его происхожденія донельзя бездоказательно.

И это вытекает из, отмѣченнаго и самим автором, ничтожества точных данных, которыми оперировали историки-норманнисты, но и из еще большей исторической бѣдности славянофильской школы.

Становится досадно, что так много труда положено на отстаиваніе нашего національнаго достоинства, якобы униженнаго норманнской кровью Рюрика, чего я, по совѣсти, не ощущаю, как не ощущали многія поколѣнія русских школьникоу, которым русская исторія преподносилась в “западническом” вариантѣ.

Досадно, потому что прекрасныя страницы книги Ильиной, раскрывающія древнюю славянскую культуру, с ея вѣрованіями, обычаями, пѣснями, теряют большую долю своей убѣдительности вслѣдствіе тенденціонной защиты идеи славянской обособленности.

Между тѣм, именно необыкновенная переимчивость славянина, его способность быстро улавливать у других все лучшее и умѣнье, освоив плоды чужого опыта, обратить их в нѣчто новое и, зачастую, болѣе глубокое и законченное, является замѣчательнѣйшим свойством русской души. Оно помогло нам вырасти в великую Имперію, нераз-

рушимую, так как представляющую братскую семью народов, спаянных не кровью, а единой культурой, Имперію, совершенно не похожую на колониальныя имперіи запада.

Отказываясь от защиты той или иной тезы, в вопросѣ происхожденія русской варяжской династіи, да и не видя в нем той деградирующей или возвышающей символики, которая владѣет умом автора, мы думаем, что духовная сила славянства, в случаѣ норманнства Рюрика, выявляется еще ярче и несокрушимѣе.

И если нельзя не согласиться с автором “Изгнанія норманнов”, когда он, отрываясь от историческихъ текстовъ, утверждаетъ, что славяне нашей равнины, послѣ призванія варяговъ, сохранили прежнія формы жизни, какъ в области самоуправленія, организаціи воинской силы, торговой и промышленной дѣятельности, так и в религиозныхъ и бытовыхъ вѣрованіяхъ и обыкновеніяхъ, то мы отказываемся видѣть в этихъ фактахъ доказательство единоплеменности новой власти с населеніемъ страны.

Мы дѣлаемъ другіе выводы.

Народъ нашъ отличается отъ другихъ полнымъ отсутствіемъ расизма, т. е. отталкиванія, презрѣнія и ненависти къ иноплеменникамъ, и в этомъ заключена видимая его слабость и скрытая неотразимая сила.

Да, Ильица правильно отмѣчаетъ в язычествѣ древнихъ славянъ идею первенствующаго кроткаго и всеблагаго Бога. Славянинъ, самъ того не зная, с незапамятныхъ временъ, жилъ в тѣни Креста, падающей в глубины исторіи. Душа его была изначала христіанкой и благодаря этому онъ всегда побуждалъ и, вѣримъ, побѣдитъ мутныя волны поднявшагося в наши дни, къ завоеванію міра, зла.

Поэтому германизмъ или славянство нашихъ варяговъ не имѣетъ для насъ значенія, придаваемого имъ авторомъ, и Русь, подчинившись норманнамъ, — если мы допустимъ это предположеніе, — не стала колоніей германизма, а обратила норманнскихъ воиновъ в мечъ славянства, овладѣвъ ихъ душами.

Утвержденіе это легко доказывается.

Россія, сохранивъ себя, прошла черезъ татарское иго, она осталась собою послѣ чудовищной прививки западной культуры Императоромъ Петромъ, она поставила на свою службу многія тысячи “нѣмцевъ” и сегодня мы присутствуемъ при эпической борьбѣ нашего народа с европейскимъ ядомъ коммунизма. И мы твердо вѣримъ в побѣду русскаго народа.

Конечныя побѣды Россіи всегда были трудны — мы легко поддаемся, какъ первому военному натиску, такъ и мирному проникновенію къ намъ, какъ людей, такъ и идей внѣшняго міра. У насъ отношеніе къ собирательному “нѣмцу” издавна было полно уваженія и даже преклоненія. Мы преклонялись передъ чужой культурой, модами и даже просто товарами, признавая ихъ выше отечественныхъ.

Тоже относится и къ западнымъ иноплеменникамъ, — что привело къ громадному проценту иностранныхъ фамилій в вѣдущемъ словѣ государства.

Россія поглощала все это своимъ таинственнымъ образомъ, но отрицать фактъ наводненія нашей страны иностранщиной невозможно.

И это наблюденіе говоритъ, — повторяю, — в порядкѣ логики, а не исторической доказуемости, — в пользу возможности призыва на-

шими пращурами варягов-норманнов “владѣть и править нами”. И что же из этого?

Кто тот герой, слова котораго с благоговѣніем, надеждой и гордостью повторяет наша гонительница “норманнов”: “Любите Россію, лучше нея ничего не может быть на свѣтѣ”?..

Это — послѣдній Главнокомандующій Бѣлой Арміи, генерал барон Врангель, потомок нѣмецких рыцарей и вѣрный сын Россіи.

Не кровь, а Дух выбирает Отечество.

Н. В. Станюкович

“ О П А Л Ы Н Ы Я   П О В Ъ С Т И ”

(Чеховское издательство. Нью-Йорк, 1955 г.)

Книга эта открывается вступительной статьей Александровой, критика освѣдомленного, внимательнаго и вдумчиваго, к замѣчаніям которой вряд ли нужно что-либо прибавить.

Читатель найдет в этом предисловіи свѣдѣнія о жизненной и литературной дорогѣ писателей, произведенія которых вошли в книгу.

Объединяет их, как видно и из заголовка книги, “опала” коммунистическаго начальства. Всѣ они, за исключеніем одного попутчика — коммунисты и всѣ не пограбили партійным Церберам, оказавшись недостаточно твердокаменными и даже позволив себѣ, весьма робко, выказать нѣкое зазорное сочувствіе уничтожаемому русскому человѣку, в лицѣ “ликвидируемых, как класс”, крестьян. Но мы не найдем в их писаніях общаго осужденія коммунистической системы, которое одно, кажется нам, могло бы оправдать переизданіе их произведеній американско-эмигрантским издательством.

Кто эти писатели? — Люди, пошедшіе в революцію с ранняго возраста, но все-же надышавшіеся “в тѣ дни, когда нам были новы всѣ впечатлѣнія бытія”, вольным воздухом ниспровергнутаго ими правового государства. В этом обстоятельствѣ и надо искать разгадку их относительной человѣчности. Возлюбив абстракцію коммунизма, они все же, подсознательно, почувствовали весь ужас, холодно задуманнаго и спокойно проводимаго гомункулусом-Лениным, уничтожения человѣческой личности, замѣняемой роботом коллективизма.

Это были еще живые люди, выросшіе среди органически сложившагося, а не искусственно созидаемаго міра и они погибли, жертвой своей внутренней раздвоенности.

Но, как говорит Александрова, от коммунизма они не отреклись и, сами замученные, остались с палачами своего народа.

Почему Чеховское издательство выпустило эту книгу, гдѣ собраны произведенія писателей-коммунистов перваго періода революціи, т. е. коммунистов жиденьких и сентиментальных, сильно напоминающих тѣх русских мужичков, которые со слезами повѣсили в 1918 году свою старушку-помѣщицу, потому что “уж ты нас прости, родная Арина Ивановна, всѣ так теперь дѣлают”?

Что может почерпнуть из этого чтенія эмигрант-читатель? — Существованіе “хороших коммунистов”? Или мысль о цѣнности первоначальнаго коммунизма, загубленнаго Сталиным?

Или это просто попытка спасти от забвенія “опальные повѣсти”?

Задача может быть и законная, как законна всякая публикація, способствующая пониманію совѣтскаго періода русской исторіи.

Но неужели же теперь, когда эмигрантское издательство едва теплится, вслѣдствіе дороговизны заграничных изданій и их малотиражности, словом — коммерческой убыточности этого дѣла, неужели же скупыя и считанныя страницы не могут быть лучше использованы?

Н. В. С.

РУМЫНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ЦѢПАХ

Русская публика мало знает румынскую литературу. Курьезным образом, ей знакомы прежде всего имена тѣх румын, сочиненія которых опубликовывались исключительно или по преимуществу на иностранных языках — Панаит Истрати, Конрад Берковичи, княгиня Бибеску, Виргилій Георгіу... Между тѣм, у Румыніи есть національная литература, какой она имѣет полное право гордиться. Самое выдающееся имя в этой литературѣ, безспорно, — имя поэта Михаила Эминеску. Он, во-первых, дѣйствительно большой лирический поэт. В то же время его вещи фольклорнаго типа великолѣпно охватывают и передают самую душу румынскаго народа, и в этом отношеніи трудно сказать, надо ли отдать предпочтеніе загадочной сказкѣ о богатырѣ Калинѣ или леденяще-жуткой легендѣ о вампирах (“Strigoi”). Эти темы далеко не исчерпывают творчество Эминеску, писавшаго и на историческіе, и на социальные сюжеты, остроумно высмѣивавшаго современное ему общество, так что его произведенія представляют собою подлинную энциклопедію румынской жизни.

Мы остановились на Эминеску, как на вершинѣ румынской поэзіи, но хороших поэтов много и кромѣ него; можно назвать — Александри, Болинтиняну, Влахуца... И в прозѣ мы найдем писателей, как Негруцци (создатель в Румыніи исторической повѣсти), Караджале, Славич...

Все это мы, впрочем, говорим лишь ввиду предисловія к небольшому очерку нынѣшней румынской поэзіи, расцвѣтшей уже под солнцем сталинизма. Ея памятником является сборник “Poezia noua în R. P. R.” — “Новая поэзія в Румынской Народной Республикѣ”

Грустно дѣлается за румынскую поэзію, сведенную к рифмованным листовкам, к грубым агиткам, по большей части не имѣющим в себѣ ничего художественнаго. Довольно почитать названія. Марія Бануш угощает нас стихами “Октябрь” и “Здѣсь родился Сталин”, Даш Дешиу предлагает “Подарки для Сталина”, “Эвджен Жебеляну сочинил “Бактеріологическую войну” и “Белояниса” (имя греческаго коммунистическаго вождя), Николай Тэуту “Письменную работу на тему: Ленин”, Виктор Тульбуре — “Красную армію”.

Но что говорить о названіях! За таким невинным заглавіем, как “Маслина” Михая Бенюка скрывается яростная пропаганда против “американских волков”, а “1-е мая в Бѣлградѣ” Миху Драгомира представляет собою свирѣпую брань против “Иуды-Тито, продавшагося американцам”; ему вторит Раду Буряну в “Броз-Тито”. Теперь авторы навѣрное пересмотрѣли свои произведенія: отношенія Тито с Совѣтами вѣдь перемѣнились!

Нѣтъ смысла много говорить об этих агитках. Жаль видѣть в цѣпях литературу народа, которому его красивый язык, богатая фольк-

лорная традиція и удачные опыты писателей прежняго времени обѣщали лучшее. Даже в этих условіях нельзя сказать, чтобы в сборникѣ не было талантливых вещей. Но это почти всегда именно тѣ, гдѣ автор вырывается на время из-под гнета социальнаго заказа. Напримѣр, стихотвореніе Штефана Юреша “Это было на Балтійском морѣ...” мѣстами совсѣм хорошо, когда оно рисует отчаянную борьбу моряков с бурей, но его сильно портит натянутая и, в сущности, глубоко антигуманистическая мораль: даже в смертельной опасности, для спасенія жизни, матросы не могут выбросить в море груз, ибо это “общественная собственность”. Хорош отрывок Э. Жебеляну “Бельческу” из времен борьбы Румыніи против турок за свободу; но здѣсь, опять коммунизм не при чем. Красив и поэтичен чисто лирический “Бокал” Мирона Раду Параскивеску — жаль, что таких стихотвореній всего два-три во всем сборникѣ.

Но всѣ эти поэты рядом пишут одинаково отвратныя восхваленія Совѣтам и брань по адресу их врагов. У Юреша есть “100.000.000 долларов”, гдѣ он громит румынских эмигрантов Гафенку, Кредяну, самого короля Михаила, а попутно, между прочим, Керенскаго (или, как он выражается, “мумію Керенскаго”). У Жебеляну — стихи “Мнѣніе Жанно и всей Франціи”, каковое мнѣніе, оказывается, сводится к пресловутому “US go home!”, Как, впрочем, осуждать! Развѣ мы не знаем участь поэтов в СССР? Плохія пѣсни соловью в когтях у кошки!

Впрочем, к чести румынской литературы, она не сдается без сопротивленія, и, гдѣ нѣтъ прямого пути, борется окольным.

В мартѣ 1953 года в журналѣ “Вьяца Ромыняскэ” (“Румынская Жизнь”), органѣ Союза Румынских Писателей, Рем Лука и Александр Опря опубликовали статью ввидѣ руководства для нынѣшних литераторов. Тѣм из читателей, кто знает “Золотого теленка” Ильфа и Петрова, мы напомним “торжественный комплект”. С мѣтким и язвительным юмором авторы перечисляют здѣсь всѣ шаблоны совѣтскаго стиля; рисуют условных героев, каких мы знаем и по СССР, одѣтых в профодежду и говорящих во время объясненія в любви о способах повышенія продукціи, условных злодѣев, непременно кулаков или вредителей; напоминают, что даже восход или закат солнца герои могут наблюдать только из колхоза или с завода.

На это послѣдовал стремительный отвѣтъ в органѣ румынской компартіи “Скынтейя” (“Искра”), гдѣ эта статья была разоблачена, как попытка отвлечь современных писателей от выполненія их долга, от работы над актуальными и нужными темами и от подлиннаго реализма. Развѣ герои не могут работать на производствѣ, носить рабочій костюм и быть влюбленными и развѣ закат солнца нельзя наблюдать из колхоза? — угрожающе спрашивает “Скынтейя”, и многозначительно намекает, что “Вьяца Ромыняскэ” не должна была печатать поодбныя уклоненія от истиннаго пути.

Увы! По ту сторону желѣзнаго занавѣса нельзя сказать, что дѣло не в том, гдѣ работают герои, как они одѣты и откуда смотрят на закат солнца: дѣло только в том, чтобы их внутренній мір, их чувства и мысли, были изображены правдиво. А этого-то под властью большевиков и желѣзя сдѣлать, будь то в СССР, будь то в Румыніи....

В. Р.

ДѢЛА И ЛЮДИ

КОНЕЦ ПЕРОНА

В замѣткѣ “Перон без Эвиты (“Возрожденіе” № 43), мы выразили увѣренность в том, что, вступив в борьбу с Католической Церковью, аргентинскій диктатор Перон подписал смертный приговор своему режиму.

Предвидѣніе это сбылось.

Однако, эта “удача” нас не радует, во-первых, потому, что слишком очевидно, как легко ошибиться в политическом прогнозѣ, гдѣ логика сталкивается с тысячами случайностей, способных если не изменить, то, во всяком случаѣ, ускорить или задержать ход событій, а во-вторых, потому, что дѣло Перона, как мы уже указывали, было хорошо начато, пока окруженіе не толкнуло его на ложные шаги. Но это — общее правило: диктатор обречен на самообожествленіе — сотворив из самого себя непогрѣшимого кумира. Тут никакіе “уроки исторіи” не помогают.

Отмѣтив тревогу о судьбѣ нашей многочисленной аргентинской колоніи, живущей как вездѣ милостью политическаго режима страны, оказавшей ей гостепріимство, постараемся сдѣлать из паденія этой диктатуры выводы общаго порядка.

Прежде всего укажем на хрупкость любой диктатуры, основанной на личном магнетизмѣ диктатора. Его власть не имѣет опоры в традиціонной династической связи народа с троном, составляющей силу монархіи, и не вытекает из всенародных голосованій, на которых основаны, во всяком случаѣ в принципѣ, республики (конечно, мы не говорим о “выборах по единому списку”, практикуемых в “народно-демократических республиках”).

Между тѣм, хотя на нашу долю выпало быть свидѣтелями крушенія многих диктатур, нѣкоторые из нас, зачарованные исключительной удачливостью совѣтской власти, склонны приписывать ей прочность гранита. Судьба Перона — лишнее обличеніе малодушія наших политических пораженцев, в особенности, потому, что павшій диктатор принадлежал к сравнительно лучшим представителям этой породы политических магов и опирался на довольно широкіе слои націи.

Жизнь опровергает трусливую мысль, будто диктатура, — подпираемая наскіем организованнаго меньшинства над большинством, — в принципѣ непобѣдима. Жизнь выдвигает коррективы, заключающіеся въ самом бытіи Церкви, христіанскія вѣчныя Истин, и могучаго рычага, — который глубинныя народныя вѣрованія и чаянія, рано или поздно, приводят в движеніе, — Національной Арміи.

Главным выводом из крушенія Перона для нас и является ука-

заніе на Ахилессову п'яту диктатур, — неистребимое протнворѣчіе ея цѣлей с той суммой народных идеалов, которым призвана служить Національная Армія.

НА ПРОИГРАННЫХ ПОЗИЦІЯХ

Вчитываясь в коментаріи совѣтской печати к сообщенію о созывѣ на будущій февраль XX-го сѣзда коммунистической партіи СССР, нельзя не замѣтить основного мотива, который, без сомнѣнія, и побудил ЦК принять это рѣшеніе. Сквозь трафаретные восторги о грандіозности достигнутых партіей успѣхов, ясно сквозит стремленіе отстоять руководящую роль партіи во всѣх основных секторах современной російской жизни, готовой ускользнуть из-под ея контроля.

Вот, напримѣр, соответствующая передовая “Литературной Газеты”. Отмѣтим, во-первых, совершенно точно и недвусмысленно выраженный отказ от того, что еще так недавно составляло магическую силу сталинизма: “Партія искоренила из практики пропагандистской работы чуждую духу марксизма-ленинизма теорію культа личности”. Еще раз, возврат к магіи персональной диктатуры объявляется принципиально неприемлемым. И “Литературная Газета” поясняет:

“Эта неправильная теорія принижала роль партіи и ея руководящаго центра, вела к снижению творческой активности трудящихся масс — подлинных творцов исторіи”.

Вот это “обясненіе” и содержит всю двусмыслицу, опредѣляющую нынѣшній кризис совѣтскаго строя.

Диктаторіальный режим, потерявшій свое единоличное возглавленіе, а вмѣстѣ с тѣм и присущую этому возглавленію гипнотическую силу, отнынѣ вынужден считаться с народными массами. Чтобы не повиснуть окончательно в воздухѣ, он вынужден хотя бы словесно внушать этим массам, что отнынѣ онѣ — не вполнѣ безправное “быдло”, ежеминутно и цѣлком зависящее от произвола политической полиціи, а, напротив, онѣ-то суть подлинныя “творцы исторіи”. Между тѣм, такое ощущеніе нельзя внушать массам безнаказанно для диктаторіальнаго строя, особенно, когда полицейскій аппарат на самом дѣлѣ надломлен в результатѣ борьбы на партійных верхах и его охват на самом дѣлѣ ослабѣл. В этой коренным образом измѣнившейся психологической обстановкѣ, из которой исчез гипнотическій страх, казенная пресса старается с другой стороны внушить этим же массам, что “роль (обезглавленной) партіи и ея руководящаго центра” должна от этого в конечном итогѣ только выиграть. В этом — протнворѣчіе, прорывающееся все время, по которое всѣми силами стараются скрыть.

Передовая “Литературной Газеты”, ни разу не упомянув даже имени Сталина, изо всѣх сил старается подчеркнуть, что идейный стержень партійнаго режима, в первые годы революціи установленный Лениным, остается незыблемым: “Успѣхи свидѣтельствуют о мудрости политики партіи, намѣченной великим Лениным, о могучей, преобразующей силѣ ленинизма, вѣчно живого, жизнеутверждающаго ученія. Наша партія побѣждала и побѣждает под знаменем ленинизма” и т. д., и т. п. Это — во-первых. И далѣе, изо всѣх сил утверждается непогрѣшимость, сообщаемая этим “жизнеутверждающим ученіем” вдохнов-

ляемой им партіи, причем поименно поминаются тѣ рѣшающіе секторы, гдѣ эта “непогрѣшимость” за послѣднее время довольно открыто подвергалась сомнѣнію:

“Направляющее руководство партіи, ея повседневную помощь ощущают работники всѣх отраслей народнаго хозяйства и культуры”.

Что и говорить — ощущают. Здѣсь перед нами — прямой отвѣтъ на беспощадную критику, которой система партійной опеки над хозяйством подверглась на майском совѣщаніи руководящих работников промышленности, и отвѣтъ на стремленіе к раскрѣпощенію культуры, то и дѣло проявившееся послѣ смерти Сталина и теперь еще поощренное приподнятіем “железнаго запавѣса”. Через свою казенную печать, диктаторіальная партія, потерявшая свое единоличное возглавленіе, но старающаяся сохранить свои позиціи, прямо заявляет “творцам исторіи — массам” о своем намѣреніи “держатъ и не пущать”, — во всяком случаѣ, “не пущать” дальше нѣкотораго, впрочем, не вполне точно опредѣленнаго, предѣла.

Это просто утверждается, декретируется. Но как в дѣйствительности, в новой, психологически измѣнившейся, обстановкѣ сочетать противорѣчія и как их преодолевать — неизвѣстно.

Вмѣстѣ с приматом партіи утверждается, конечно, партійная установка на приоритет тяжелой промышленности.

Рѣшительно осудив вредные, несовмѣстимые с марксистско-ленинским ученіем взгляды, партія подтвердила незыблемость ленинскаго курса на преимущественное развитіе производства средств производства”.

Но как сочетать эту хрущевскую линію с несомнѣнным, неоспоримым стремленіем “творцов исторіи — масс” к болѣе сносным бытовым условіям жизни, тѣм болѣе теперь, когда эти массы, новой войны, разумѣется, никогда не желавшія, приобретают увѣренность в том, что никто вовсе и не собирается извнѣ угрожать их мирному существованію?

И далѣе:

“Вскрыв отставаніе и запущенность в рядѣ отраслей сельскаго хозяйства, ЦК вооружил партію и народ конкретной программой борьбы с этим отставаніем, программой крутого подъема колхознаго и совхознаго производства”.

Но этот “крутой подъем” покажетъ так и остается “программой” и как его осуществить в рамках существующей колхозной системы — неизвѣстно.

“ЦК подверг суровой критикѣ серьезные недостатки в работѣ промышленности и намѣтил практическія мѣры, обеспечивающія новый мощный подъем социалистической индустріи на базѣ высшей техники”.

Но на майском совѣщаніи руководящих работников промышленности о том и говорилось, как раз, что дѣйствительно “обеспечить” выдѣреніе новой техники невозможно при мертвящей системѣ партійнаго зажима.

“XIX съѣзд КПСС... указал на существенные недостатки в творчествѣ писателей, художников, композиторов, работников кино и призвал их глубже изучать жизнь совѣтскаго общества, создавать крупныя художественныя произведенія, достойныя нашего великаго народа”.

Но все знают, что воз и ныне там и “произведения, достойные нашего великого народа”, так и не появляются: культурные деятели несчастной страны продолжают изо дня в день биться над неразрешимым вопросом, как создавать художественные ценности в удручающей атмосфере идеологической диктатуры.

И потому именно, что все это осознается едва ли не всеми в стране, эпигоны Сталина, и в первую голову Никита Хрущев, стараются вновь укрепить исторически уже проигранные позиции партии, созывают новый всепартийный съезд и помимо этого, продолжая заигрывать с народными массами, учащают за последнее время предупреждения — дальше некоторых предельных “не пушчат”.

ГАРЦУЮЩИЙ ХРУЩЕВ

Дважды за одну неделю, на приеме Восточно-Германской делегации и на приеме французских парламентариев, Никита Хрущев считал нужным подчеркнуть, в присутствии ему тон, который правильнее всего назвать шутовским, то, что, повидимому, начинает весьма заботить партийные верхи: неизбежность идеологических основ режима.

Можно думать, что перед Гротеволем и Ульбрихтом Хрущев куражился тоже и для того, чтобы подбодрить пбмцевских товарищей, которых легко могла взять оторопь при виде некоторых “зигзагов”. Но нам кажется несомненным, что оба раза Хрущев выступал, главным образом, в разсуждении внутренней обстановки: он стремился с одной стороны подтянуть советские партийные элементы, которых оторопь может брать своим чередом, и с другой стороны, старался разсвять несомненно растущия в массах “мечтания”, которые с партийной точки зрения должны оставаться “необходимыми”.

Мирное сосуществование с “капиталистическим” миром сейчас провозглашается на все лады. И сама мысль о новой войне пастолько отвлательна народу России, что Хрущев, даже, когда он куражится, тщательно избегает всего, что могло бы ябросить какую бы то ни было тень на “миролюбие” советского правительства. Но если отказ от вооруженного столкновения с “капиталистическим” миром принимается всерьез, то что же получается тогда с мифом о мировом торжестве коммунизма? В России этим вопросом не может не задаваться сейчас множество людей, и в партии, и вне ея. И нельзя забывать, что отказ от мифа о мировом торжестве коммунизма всегда означает подрыв коммунистической догматики в целом. Ослабить становившееся невыносимым международное напряжение, дать удовлетворение миролюбию российских народных масс и в то же время сохранить хотя бы только видимость коммунистического мифа можно только путем некоторого фортеля. Этот фортель и есть Хрущевское утверждение, что мы, мол, при мирном сосуществовании шапками закидаем капиталистический мир, — мол, весь мир без всякой войны придет к социализму, притом, заметьте, к социализму в той именно форме, как его понимают коммунисты в СССР (“социалистов по французскому образцу вы из нас не сдбляете никогда”).

Чтоб, так называемый “капиталистический” мир, путем собственного своего внутреннего развития, без насилия с советской стороны,

пришел путем мирного соревнования к социализму советского толка, это, конечно, такой вздор, в который в середине XX века уже ни один серьезный человек не может поверить. Но этот диалектический выверт позволяет Никите Хрущеву твердить о верности заветам Маркса-Энгельса-Ленина: “Откажемся от них, когда рак свиснет...”.

Курьезно, что только под конец своей речи на приеме в честь Громова, Хрущев спохватился, что получается все же не совсем ловко, и в его устах троица обратилась в четверицу, с добавлением Сталина. Но не в этом дело. От Сталина, имя которого упоминается, в лучшем для него случае, один раз из трех, тем самым уже отказались на две трети почти что официально. И выпущенные выверты служат уже не тому, чтобы спасти сталинизм, а тому, чтобы спасти идейные первоосновы режима, — ибо если падают “заветы Маркса-Энгельса-Ленина”, то нет оснований коммунистической партии держать бразды правления в Советском Союзе, а Никите Хрущеву быть ее первым секретарем.

Вот почему, продолжая всеми силами утверждать искренность советских “улыбок”, Никита Хрущев куражится: “Ваша звезда блекнет, — звезда капитализма; звезда социализма только разгорается, но скоро будет гореть тысячами огней”.

На то и диалектика, чтоб делать выверты в безвоздушном пространстве абстрактной теории. Но, когда на приеме французских парламентариев Никиту Хрущева с теоретических облаков потянули на почву реальности, где можно и должно сопоставлять факты, имеющие место в “сосуществующих мирах”, — то он просто вышел из себя и начал грубить.

Когда член французского парламента г-жа Том-Патенотр заговорила с ним о тяжелом труде женщин в Советском Союзе, Хрущев огрызнулся, что у советских женщин на этот счет другое мнение (какое?), и поспешно заговорил о проституции на Западе, о том, что “по Парижу нельзя пройти без того, чтоб вас за пиджак не поймала женщина”, и в заключение буркнул, что советская женщина за равный труд получает равную с мужчиной оплату. Когда же настойчивая французская депутатка его не отпускала и обратила его внимание на те несомненные факты, что, во-первых, равная оплата за равный труд существует также во Франции, а, во-вторых, дома терпимости в Париже закрыты давно, — генеральный секретарь КПСС окончательно перевел разговор, помянув безработицу в капиталистических странах, — что к безправному положению женщин в СССР не имеет уже явно никакого отношения.

Вот что получается, как только люди пытаются разобраться конкретно в достижениях “страны социализма”. Извольте после этого верить, что весь мир сам по себе, без всякой войны, “просто так” избереет советский социализм, как самую для себя лучшую долю. Да и больше того, — извольте верить в то, что сами подсоветские люди так увлечены в превосходстве “нашей системы”, особенно, когда желтый занавес слегка приподнимается и опять становятся возможными сравнения реальных явлений и вещей.

Никите Хрущеву было отчего выйти из себя, — хотя человек меньше импульсивный этого, вероятно, не показал бы. Но еще важнее

предметнаго урока насчет “преимуществ” совѣтскаго быта нам кажутся лживыя и путанныя объясненія, данныя Хрущевым, на том же приѣмѣ французскихъ парламентаріевъ, по другому вопросу — о положеніи религіи в СССР.

И тут — то же стремленіе показать, что никакихъ принципиальныхъ позицій “мы” не сдаемъ. Даже наоборот: ретировались под напоромъ вѣрующихъ массъ единственно потому, что “наша берет” и “мы” ужасно сильны.

Вотъ какъ это у Хрущева получилось: Церковь сама по себѣ — учрежденіе реакціонное, но совѣтскій строй укрѣпился и теперь “священнослужители должны считаться с тѣмъ, что сами вѣрующіе не терпятъ критики совѣтскаго строя”. Поэтому, мол, совѣтская власть избѣгаетъ теперь задѣвать вѣрующихъ персонально, но продолжаетъ вести, средствами культурнаго воздѣйствія, свою работу по излѣченію народа отъ пристрастія къ “религіозной сивухѣ” (старый терминъ марксизма-ленинизма, опять употребленный Хрущевымъ буквально).

Нѣтъ сомнѣній, что за послѣднее время совѣтская власть опять нажимаетъ слегка на антирелигіозную педаль. Тутъ сказывается опять одно изъ самыхъ кричащихъ, притомъ неустранимыхъ, противорѣчій нынѣшняго режима. Неистребимость религіи означаетъ, конечно, провалъ марксизма-ленинизма, и какъ теоріи, и какъ социальнаго-политическаго метода. На дѣлѣ, религія черезъ 37 лѣтъ послѣ Октября представляетъ собою такую силу, что отъ грубыхъ преслѣдованій пришлось отказаться, и Хрущевъ это опять подтверждаетъ. Но признать окончательно существованіе религіи, какъ неистребимаго явленія партійная верхушка не можетъ, иначе опять то же самое — надо закрывать всю лавочку: если основа режима невѣрна, то нѣтъ больше ни ведущей роли партіи, ни функцій генеральнаго секретаря, и Никитѣ Хрущеву останется, в лучшемъ случаѣ, пробавляться настоящей сивухой, по присущей ему, сколь извѣстно, склонности къ хмельному питію.

Вотъ почему антирелигіозныя статьи опять появились за послѣднее время въ специальныхъ педагогическихъ журналахъ и на различныхъ участкахъ “культурнаго фронта” подыскиваютъ подходящихъ аргументовъ, — переводятъ, напримѣръ, и издаютъ Монтэня и тутъ же тщательно разъясняютъ, что знаменитый французскій философъ былъ, хотя и не совсѣмъ открытымъ, безбожникомъ.

Кстати, и это занятіе для власти не совсѣмъ безопасно. Читая разсужденія “Литературной Газеты” о томъ, какъ в XVI вѣкѣ вольнодумнымъ мыслителямъ приходилось камуфлировать свои выводы и предположенія передъ Инквизиціей, мы невольно думали о томъ, что именно эти приѣмы камуфляжа все время примѣняются въ Совѣтскомъ Союзѣ. Та же мысль тамошнимъ людямъ приходитъ должно-быть и подавно.

Итакъ, атеистическая сущность режима объявляется незыблемой и подчеркивается опять. Но весь Хрущевскій разговоръ о предстоящемъ излѣченіи народа отъ “религіозной сивухи” путемъ “просвѣтительской” дѣятельности, конечно, нелѣпъ: с Монтэнемъ или безъ Монтэня, нудные переплѣвы совершенно плоскихъ, безнадежно устарѣвшихъ и примитивныхъ теорій не приведутъ, конечно, ни къ чему тамъ, гдѣ потерпѣли пораженіе бѣшеная демагогія и многолѣтнія жестокія преслѣдованія.

Внѣшне, и тутъ “идеологическое лицо” спасается — путемъ опредѣ-

ленного выверта. По существу же — налицо противорѣчіе, которое никаким вывертом пельзя устранить: в нынѣшней психологической обстановкѣ, вернуться вспять, к открытым преслѣдованіям религіи, конечно, немислимо и Хрущев первый это усердно признает (еще бы...); а агрессивно-безбожная идеологія государства в странѣ, которая так-таки и не желает стать безбожной, есть тоже нелѣпость, кратковременный историческій парадокс, обреченный на быстрое исчезновеніе вмѣстѣ с самим гарцующим среди парадоксов Хрущевым.

Остается вопрос, насколько точно “распредѣлены роли” в “коллективном руководствѣ” и выступает ли Хрущев по сговору со своими коллегами или больше по собственному единоличному почину лѣзет из кожи вон, отстаивая, как первый секретарь, позиціи и идеологическую незыблемость “своей” коммунистической партіи. Факт тот, что именно Хрущев, и он один на нынѣшней совѣтской верхушкѣ, выступает за послѣднее время с заявленіями реакціонно-коммунистическаго характера. Далеко не исключено, что его “коллеги” дают Хрущеву гарцовать совершенно сознательно — дабы скорѣе сломал себя шею. Иначе трудно даже понять, как ему дают заявлять в нос французским парламентаріям, что Франція болѣе заслуживает названія сателлита, чѣм Венгрія: не говоря даже о том, что такое заявленіе до-нельзя глупо (все же, вѣдь, всякій понимает, что, по самой структурѣ всѣх коммунистических партій во всем мірѣ, венгерское коммунистическое правительство находится “цѣликом и полностью” под властью совѣтской Москвы), — не могут же такіе люди, как Булганин, хоть как-то знающіе иностранный мір и имѣющіе хоть какой-то опыт иностранных сношеній, не видѣть дипломатической нелѣпости шутовских выступленій Хрущева.

ПРОТИВОРѢЧІЯ ВНѢШНЕЙ ПОЛИТИКИ.

Пока Хрущев старается в Россіи спасти идеологическій “стержень” диктатуры, міровая обстановка продолжает развиваться вопреки, как марксистской догматики, так и той формы антикоммунизма, которая слишком часто отдает руссофобством.

Поездка Аденауэра в Москву закончилась несомнѣнным дипломатическим успѣхом Совѣтскаго Союза. Несмотря на опроверженія, часть западной печати, не без нѣкоторой видимости основанія, задается даже вопросом, не повернул ли в Москвѣ престарѣлый Боннскій канцлер еще больше того, что извѣстно официально. Послѣднее, в общем, мало вѣроятно. Но факт несомнѣнный, что в послѣднюю четверть часа Аденауэр в Москвѣ “сдал” в такой формѣ и в таких размѣрах, каких на Западѣ, и в особенности в Америкѣ, не ожидали никак. Совѣты хотѣли установленія дипломатических сношеній с Бонном — они их получили; они хотѣли поставить Бонн в необходимость войти в какія-то отношенія с коммунистической властью Восточной Германіи — они его в эту необходимость поставили. А Аденауэр, посчитавшій, как видно, невозможным возвращаться домой без надежды на скорое освобожденіе еще находящихся в Россіи германских военноплѣнных, не получил ничего, кромѣ устных посулов. Правда, эти устные посулы дѣйствительно превратились потом в официальное обѣщаніе — но данное уже

только “по представлению Германской Демократической Республики” (на первом мѣстѣ) “и Германской Федеральной Республики” (на втором).

Американская печать пишет совершенно справедливо, что Аде-науер не устоял перед шантажем судьбою военнопленных. И нельзя не подчеркнуть, что Россія подлинно національная, в законном стремлении получить от Германіи опредѣленные гарантіи, могла бы для этого пользоваться иными средствами, чѣм подобный шантаж судьбою живых или полумертвых людей, недостойный великой державы, какою Россіи подобает быть.

Но, кромѣ этого, есть и другой немаловажный аспект в новых отношениях Совѣтов с Боннской Федеральной Республикой. Несомнѣнный успѣх совѣтской дипломатіи представляет собою столь же несомнѣнный очередной отход от цѣлей мірового коммунизма. Как правильно пишет “Нью-Йорк Геральд Трибюн”, при Сталинѣ цѣль совѣтской политики была и могла быть только одна: коммунизация Германіи, всей Германіи в цѣлом. Установление “нормальных” дипломатических отношений между Москвою и Бонном означает признаніе недостижимости этой цѣли. Правда, Москва не бросила на произвол судьбы своего восточно-германскаго сателлита. Но вмѣсто “запланированной” единой коммунистической Германіи она “довольствуется теперь существованіем двух Германій”. А это уже — совсѣм другое дѣло.

Нельзя забывать о том центральном значеніи, которое Германія имѣла с самаго начала в стратегіи мірового коммунизма. Марксизм в основных своих чертах есть продукт германской культуры, германскій пролетаріат в до-октябрьскій період был сильнѣйшим оплотом еще нераздѣленной міровой социал-демократіи, русскіе основоположники марксизма думали, в сущности, в категоріях лѣвой германской интеллигенціи и недаром Ленин по-нѣмецки произнес первыя слова, когда вошел в Зимній дворец. Он и не скрывал, что судьба революціи в Германіи его, как марксиста, интересует даже больше, чѣм судьба революціи в Россіи, — которая послѣ міровой побѣды коммунизма опять должна стать всего только “провинціей” мірового развитія: по всей внутренней логикѣ марксистской системы, міровым коммунистическим лидером должна была быть и могла быть только Германія.

Может быть Сталин не бредил этим так, как бредили этим старые революціонные интеллигенты, — но центральное значеніе Германіи для судеб мірового коммунизма он вспомнил, конечно, при окончаніи второй міровой войны.

Сейчас от всего этого остался обрубок, возглавленный худосочным правительством в Панкоу, не имѣющим уже никаких серьезных шансов когда-либо стать правительством всегерманской совѣтской республики.

Все же оговоримся. Есть один единственный шанс — это в том случаѣ, если нынѣшніе совѣтскіе верхи, вопреки всѣм женовским и прочим улыбкам и вопреки несомнѣнной волѣ поднимающаго голову народа Россіи, все же развяжут міровую войну. В этом единственном случаѣ, при общей міровой катастрофѣ, восточно-германская коммунистическая власть может быть распространена на всю Германію, русскими танками и пытками.

В настоящее время, “сам” Хрущев не смѣет заикнуться перед

русским народом — и перед русской армией — о развязывании новой войны. Но вопрос о том, какие у него и у его группы задние мысли и планы, остается, конечно, открытым.

На эту тему, некоторые достаточно тревожные указания, появлявшиеся в печати, уже приводились в свое время в “Возрождении”. Сейчас нельзя просто пройти мимо тех данных, которые, судя по тому, что об этом поведал Дж. Олсон в “Нью-Йорк Геральд Трибюн”, были недавно представлены Белому Дому особым Комитетом научных советников.

В основных чертах, они сводятся к тому, что в настоящее время Советский Союз довольно быстро завоевывает превосходство в области управляемых ракетных снарядов и, если не произойдет перемен, должен приобрести его окончательно к 1960 г. Для советских революционных империалистов дело тогда сводится к тому, чтобы выиграть время до этого момента. С этим же связан тогда и пересмотр советской военной стратегии: “защитные зоны” на Западе, рассчитанные на войну в старых “классических” формах, теряют большую часть своего значения, так же, как и близкие базы, такие, как Порккала, только что возвращенная финнам. Зато, в видах межконтинентальной войны огромное значение принадлежит выдвинутым передовым базам и поэтому советская власть, в ответ на отказ от ненужной ей Порккалы, опять начинает настойчиво требовать упразднения выдвинутых американских баз в Европе и в Азии.

Возможно, что именно так коммунистические бронтозавры хрущевского типа видят последнюю возможность снять с мели свой партийный корабль и вывести его на просторы мирового коммунизма. Но в приведенных Дж. Олсоном данных, все же утешительно то, что возможность развязать мировую войну с шансом на успех они должны получить только к 1960 г. Твердо верим, что, при нынешних намечающихся сдвигах в России, они до этой возможности уже не дойдут.

А что нынешний примирительный внешнеполитический курс никак не содействует закреплению коммунистических позиций в России и еще меньше психологической подготовке агрессивной войны, не подлежит никакому сомнению. Русские массы и при Сталине не очень-то верили в американских и всяких иных капиталистических “людофдов”. Сейчас сама советская печать каждодневно представляет им этих вчерашних “людофдов” в достаточно привлекательном виде, — в этом отношении тон и стиль советских газет действительно изменился до неузнаваемости. И популярность мирного курса очевидна настолько, что, вероятно, на самых верхах советской власти все больше сознают невозможность идти “против рожа”. Отсюда — необходимость все новых и новых примирительных жестов, которые в свою очередь в большей или меньшей степени все же связывают власть. Был момент, после Женева, когда предложение Эйзенхауера об обмене военными тайнами и о взаимном контроле воздушным путем казалось похороженным с советской стороны; теперь и оно оказалось “примемлемым в принципе”, — хотя, конечно, вокруг него обеспечен продолжительный торг.

В этом смысле, в связи с общей внутренней обстановкой в России, Джордж Кеннан — всегда принадлежавший к числу тех американ-

цев, которые здраво судили о русских дѣлах, — был по всей вѣроятности прав, когда недавно заявил представителям печати, что в новой международной политикѣ Москвы слѣдует видѣть не просто тактическій маневр, а нѣчто гораздо болѣе серьезное.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ СТРАХА

Всѣ иностранцы, побывавшіе за послѣднее время в Совѣтском Союзѣ, об исчезновеніи страха говорят в один голос. Из свидѣтельств, дошедших до нас, самое яркое, пожалуй, принадлежит извѣстной корреспонденткѣ “Геральд Трибюн”, Маргаритѣ Хиггинс, возвратившейся в Москву послѣ длительного перерыва.

По ея словам, в полную противоположность тому, что было еще год назад, население в Россіи привыкло к присутствію иностранцев — и къ общенію с ними. Год назад, особенно в Москвѣ, русскіе немедленно прекращали разговор, как только видѣли, что собесѣдник — американец. Теперь с американцами разговаривают на самыя различныя темы и запросто приглашают к себѣ домой. И нѣтъ болѣе ощущенія постоянной слѣжки за всѣми.

Судя по тому, что пока до нас доходило, совершенно тождественныя впечатлѣнія получили плавающие и путешествующіе на “Баторіи”. Без всяких признаков страха, какіе угодно подсовѣтскіе люди, разысканные просто в адресном столѣ, по первому приглашенію встречались с кѣм угодно из заграничных гостей. И если еще совсѣм недавно достаточно было иностранцу сѣсть в ресторанѣ за столик, как всѣ сосѣдніе столики вокруг него пустѣли в нѣсколько минут, то теперь происходит обратное: опредѣлив иностранца, к нему мгновенно подсаживаются.

Мы вовсе не дѣлаем из этого вывода, что политическій сыск совершенно исчез. Навѣрное, он существует и дѣло совершенно не в том, что коммунистическая власть вдруг сама по себѣ разлюбила привычныя ей “мокрыя дѣла”. Но сыска и власти перестали бояться. “Вѣтер повернулся”, переломилась психологія людей. Это — рѣшающее.

Думаем, что не выйдет ничего у Хрущева с его слабыми потугами на коммунистическую реакцію. И навряд ли дотянуть ему до 1960 года.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ВОЗРОЖДЕНИЕ“

Основано въ 1925 году.

Edition « LA RENAISSANCE ».

73, Av. des Champs-Élysées, Paris-8°. Tél.: ELysées 06-03.

Compte ch. postaux: Paris 781-81.

ПОСЛѢДНІЯ ИЗДАНИЯ:

	Ам. долл.
Бунинъ. Воспоминанія	2.25
Есенинъ. Стихотворенія	2.—
Зайцевъ. Тишина, романъ	1.50
Зайцевъ. Въ пути. (Молодость-Россія)	2.50
Еп. Кассіанъ. Царство Кесаря предъ судомъ Новаго Завѣта	0.75
Маклаковъ. Вторая Государственная Дума	1.—
Мельгуновъ. Судьба Имп. Николая II послѣ отреченія. (Временное Правительство и Царь. Тра- гическій конецъ)	6.—
Мельгуновъ. Какъ большевики захватили власть. (Ок- тябрьскій переворотъ 1917 г.)	6.—
Ольденбургъ. Царствованіе Имп. Николая II, полное изд. 3 книги	4.—
Ренниковъ. Кавказская рапсодія, романъ	3.—
Сидорова. Сказка о волшебномъ озерѣ, съ иллюстра- ціями	0.30
Сургучевъ. Ротонда, романъ	3.—
Сургучевъ. Дѣтство Императора Николая II	1.50
Тыркова-Вильямсъ. То, чего больше не будетъ	3.—
Тхоржевскій. Русская литература. Изданіе второе, ис- правленное и дополненное	7.50
Кн. Шаховской. Sic transit gloria mundi. (Такъ про- ходитъ мірская слава)	3.50
Шмелевъ. Няня изъ Москвы, романъ. Третье изданіе ...	2.25
Пути небесные, 2 т.т., романъ. Второе изданіе	5.—
Солнце мертвыхъ. Второе изданіе	2.50
Шикъ. Денисъ Давыдовъ. «Любовникъ брани» и поэтъ	3.—
О. Мережковская. Совѣты хозяйкамъ. (Кулинарія)	3.—

СКЛАД РУССКИХ ГРАМОФОННЫХ ПЛАСТИНОК

„ВОЗРОЖДЕНИЕ“ „LA RENAISSANCE“

73, AV. DES CHAMPS-ÉLYSÉES, PARIS-8°.

Русскія пластинки 33, 45 и 78 оборотов

VOZROJDENIE (LA RENAISSANCE)

CAHIERS MENSUELS

Abonnements douze mois : France 2000 f.; étranger 3500 f.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1955 г.

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЯ ТЕТРАДИ

„ВОЗРОЖДЕНИЕ“

РЕДАКЦИЯ, КОНТОРА, ПОДПИСКА И ПРОДАЖА
ОТДѢЛЬНЫХ НОМЕРОВ

73, Avenue des Champs-Élysées, Paris 8°.

Tél. Elysée 06-03. Compte Ch. Postaux, Paris 781.81.

ГODOВАЯ ПОДПИСКА НА 12 ТЕТРАДЕЙ ВО ФРАНЦИИ
2000 фр. — Заграницей ам. дол. 10. Отдѣльные номера во
Франции 200 фр., загр. ам. дол. 1.

БЕЛЬГИЯ, ГОЛЛАНДИЯ И ЛЮКСЕМБУРГ

Год. подписка 350 бельг. фр. Отд. номера 35 бельг. фр.

«La Sentinelle», Boite Postale 31, Ixelles 4, Bruxelles

Compte Chèques 392.503.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Год. подписка 2 англ. ф. 10 шил. Отд. номера 5 шил.

Russian Book Shop, 26, Tottenham Street; London; W. 1.

ЗАПАДНЫЯ ЗОНЫ ГЕРМАНИИ

Год. подписка 30 марок. Отд. номера 3 марки.

Verlag «P o s s e v», Merianstrasse 24a. Frankfurt/Main.

Büro A-T-B, Liebigstrasse 16, München 22.

С. А. С. Ш.

Годовая подписка ам. дол. 10. Отд. номера 1 ам. дол.

A. Beltchenko, 435 20th Avenue, San Francisco 21, Calif. U. S. A.

БРАЗИЛИЯ

Годовая подписка 300.00 крузейров. Отд. номера 25.00 крузейров.

Livraria Sérgio Uspiensky.

Praça Patriarca 26, Sala 32. Caixa Postal 5153 S. Paulo.

ВЕНЕЦУЭЛА

Годовая подписка ам. дол. 10. Отд. номера 1 ам. дол.

Biblioteca G. Balitzky. Sur 5 — № 88, Caracas, Venezuela.